

Pro et Contra

№ 1–2 (62), январь — апрель 2014

НАЦИОНАЛИЗМ В РОССИИ: ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

«Чужие» национализмы и «свои» ксенофобии
вчераших и сегодняшних россиян

БОРИС ДУБИН

Этнополитика федеральной власти
и активизация русского национализма

АЛЕКСАНДР ВЕРХОВСКИЙ

«Русский национализм» как область научных
исследований

МАРЛЕН ЛАРИЮЭЛЬ

Трансформация Северного Кавказа:
от традиционного общества к современному

ИРИНА СТАРОДУБРОВСКАЯ

Суррогаты парламентаризма

ЕКАТЕРИНА ШУЛЬМАН

Pro et Contra

№ 1–2 (62), январь — апрель 2014

Том 18

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ ВНУТРЕННЕЙ И ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ
Издается с августа 1996 г.
Выходит шесть раз в год

Главный редактор

Мария Липман

**Заместитель
главного редактора**

Александр Стариков

Редактор

Наталья Марголис

**Ответственный
секретарь**

Надежда Ражукова

Дизайн

Лидия Левина

Верстка

Никита Очагов

Проверка и корректура

Ирина Хазанова

Консультационный совет

Владимир Барановский

Борис Дубин

Фарид Закария

Томас Карозерс

Эндрю Качинс

Анатолий Ливен

Мари Мендрас

Вадим Радаев

Кирилл Рогов

Дмитрий Тренин

Лилия Шевцова

Константин фон Эггерт

Евгений Ясин

Учредитель

Фонд Карнеги

за Международный Мир

(Carnegie Endowment

for International Peace)

Издание осуществляется
при материальной
поддержке
Фонда Макартуров

Журнал «PRO et CONTRA» (ЗА и ПРОТИВ)

Адрес редакции: 125009, Москва, ул. Тверская, 16/2, Московский Центр Карнеги

Телефон: (495) 935-8904. Факс: (495) 935-8906. E-mail: editor@carnegie.ru

Электронные версии: <http://www.carnegie.ru/proetcontra>

ISSN 1560-8913. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-28240 от 18 мая 2007 г. Выдано Федеральной службой по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Распространяется бесплатно. Подписано в печать 25.04.2014 года. Дата выхода в свет: 21.05.2014 года

Формат 60x90¹/₈. Усл. печ. л. 9,5. Тираж 2 000 экз.

Издательство «ARTCODEX». Москва, ул. Андроньевская Б., д.25/33. Типография ОАО ИПО «Лев Толстой». Тула, ул. Ф. Энгельса, 70. Заказ № 1839

© Carnegie Endowment for International Peace, 2014

Россия «возвращается к самой себе... в собственную историю», — объявил Владимир Путин в Валдайской речи осенью 2013 года. Россия, по его словам, уже не советская («советскую идеологию ... вернуть невозможно»), но и не царская (Путин призвал не идеализировать Россию до 1917 года), и даже не постсоветская (поскольку этот тяжелый этап, согласно Путину, мы уже успешно

преодолели). При этом российский президент не сформулировал в явном виде, в чем же заключена истинная сущность России, неизменная на всем протяжении ее истории. Сущность эта остается неким нерасчленимым мистическим целым.

Присоединение Крыма как будто добавило ясности: возвращение к политике территориальной экспансии радикально отличает сегодняшнюю Россию от двух постсоветских десятилетий и роднит ее как со зрелой советской, так и с Российской империей — расширение собственных границ было важнейшим смыслом для обеих. Но на фоне нового российского экспансионизма в постсоветской государственной идентичности обозначились черты, которые, напротив, отличают ее от дореволюционной, и от коммунистической. Присоединение Крыма и участие России в событиях на востоке Украины в апреле 2014 года апеллируют к защите «наших», «русскоязычных» или «соотечественников», тем самым подчеркивая националистический характер экспансии и подталкивая Россию в сторону национального государства, которым она никогда в своей истории не была. В России до 1917 года государственная идентичность была имперской, монархической и православной, но никак не национальной (так что немец барон Фредерикс мог оставаться министром двора даже во время войны с Германией). В Советском Союзе государственное самоопределение строилось вокруг коммунистической идеологии, в рамках которой постепенно сложилось представле-

ние о советской наднациональной общности, вместившей в себя «дружную семью народов». (Никого ведь не смущало, что во главе коммунистической империи стоит грузин.)

После распада Советского Союза мы перестали называть себя советскими, а характер государственной идентичности новой России стал предметом дискуссий. Одни отстаивали идею, что в России необходимо построить гражданскую нацию, другие считали, что Россия неспособна (и даже не должна) преодолевать свою имперскую сущность, а третьи выступали с концепцией национального государства, в котором так или иначе закреплена главенствующая роль этнических русских.

В современном употреблении отсутствует общепринятый термин, которым могли бы обозначать себя все граждане России — и те, кто принадлежит к русскому этническому большинству, и представители этнических меньшинств. Применительно к человеку эпитет «русский» твердо противопоставляется «нерусскому», то есть татарину, якуту, осетину. Обращение к согражданам «Дорогие россияне» осталось приметой ушедшей ельцинской эпохи и тогдашних попыток выстроить нацию на гражданских основаниях — отрицании как советского, так и этнического. Путин, отринувший наследие Ельцина в целом, отказался и от подобного обращения. В путинской России гражданскому места нет — гражданские права и свободы, гражданское общество были последовательно вытеснены, а тем самым были уничтожены и перспективы строительства гражданской нации.

Из оставшихся вариантов — имперской нации и национального государства на «этнической» основе — сам Путин отчетливо делал выбор в пользу первой, точнее ее советского образца. Он последовательно апеллировал к советскому опыту «дружбы народов», говорил о национальном и конфессиональном разнообразии как об «источнике нашей красоты и силы» и даже настаивал, что превращение в национальное государство для России губительно.

Восприятие России как многонациональной страны естественно для человека советской закалки, усвоившего соответствующие идеологические клише. Но почти через четверть века после распада СССР подобное мироощущение вовсе не данность — в стране, где этнические русские составляют подавляющее большинство, его разделяют далеко не все. На фоне постоянного притока трудовых мигрантов и проблем, связанных с Северным Кавказом, все больше наших сограждан разделяет лозунг «Россия для русских». Эксплуатация этих настроений, в частности во время предвыборной кампании по выборам московского мэра, осенью 2013 года привела к тому, что этот ксенофобский лозунг поддержали уже две трети российских граждан. Призыв «Хватит кормить Кавказ» также пользуется большой популярностью. Еще больше наших соотечественников приветствовали бы повышение статуса собственно русских — в той или иной форме — по сравнению с «нерусскими». В сегодняшней России никто не осмелится напрямую полемизировать с Путиным, но вполне возможно, что даже в политическом истеблишменте не все разделяют повторяемые им формулы о «цветущей сложности». Рассуждения о преимуществах национального многообразия не способны смягчить этническую ксенофобию. Более того, уклончивость «советских» установок и отказ поддержать «русских» против «нерусских» побудили многих националистов присоединиться к антипутинским митингам конца 2011—2012 годов.

Присоединение Крыма под лозунгом защиты «наших», использование той же риторики теперь уже применительно к восточной Украине все сильнее толкает Россию в сторону русского национализма. Безостановочная агрессивная пропаганда на телеканалах, направленная против всяческих врагов, от «национал-предателей» внутри до «бандеровцев» в Украине поощряет

ксенофобию — слова и даже действия, еще недавно неприемлемые в публичном пространстве, получают общественную легитимацию.

Опубликованный в апреле 2014 года проект культурной политики в явном виде приравнивает «русского» к «российскому», требование унификации школьных учебников касается уже не только единого видения истории, но и искоренения признаков «сепаратизма» в учебниках, созданных в национальных республиках. Кажется, никогда в речах Путина слово «русский» не встречалось так часто, как в его «крымской» речи 18 марта 2014-го года. Движение России в сторону национального государства русских, легитимация русского национализма неизбежно приведут к росту национализма меньшинств и этническому насилию.

Материалы этого номера были написаны до присоединения Крыма и посвящены проблемам национализма в России. **Борис Дубин** пишет об усилении в российском обществе «компенсаторных механизмов — поиска врага, ксенофобии и антизападничества, которые выступают суррогатными символами негативной солидарности». Статья **Александра Верховского** посвящена отношению властей к проблемам национализма. **Эмиль Паин** задается вопросом о том, смогут ли россияне выдать себя империю? **Марлен Ларюэль** рассматривает «русский национализм» как область научных исследований. **Сергей Абашин** анализирует феномен движения в Россию из Центральной Азии. Темой **Сергея Голунова** являются проблемы преступности, связанные с этнической миграцией. За пределами главной темы мы публикуем материал **Ирины Стародубровской** о Северном Кавказе, который переживает «период разложения традиционной системы отношений и институтов». **Владимир Гельман** рассуждает о российской оппозиции, а **Екатерина Шульман** о качестве законодательного процесса в российском парламенте.

Мария Липман, главный редактор

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА

НАЦИОНАЛИЗМ В РОССИИ: ОБЩЕСТВЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА

6 «Чужие» национализмы и «свои» ксенофобии вчерашних и сегодняшних россиян

БОРИС ДУБИН

«Несменяемая и фактически не контролируемая власть двухтысячных и последующих годов пытается в условиях нарастающей социальной и экономической неопределенности, деградации и отсутствия политической жизни, подавления гражданской самостоятельности людей и групп сохранить за собой приоритет в репрезентации общего и интегративного. У националистов же — конечно, не без ограничений и давления со стороны властей — не получается представлять общее и в этом смысле сформировать оппозицию».

19 Этнополитика федеральной власти и активизация русского национализма

АЛЕКСАНДР ВЕРХОВСКИЙ

«Лидеры постсоветской России не замечены в последовательном проведении какой-то определенной идеологии, так или иначе касающейся темы этничности, хотя в последнее время и сам президент, и другие члены истеблишмента проявляют больше интереса к идеологическим вопросам. Можно предположить, что этот интерес заключается в том, чтобы «этнопроблематика» не мешала достижению каких-то значимых для Кремля целей. Иначе говоря, основная задача здесь — укрепление стабильности и управляемости».

34 Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья

ЭМИЛЬ ПАИН

«Массовое сознание большей части россиян демонстрирует признаки «психологии осажденной крепости», для которой характерны многочисленные фобии по отношению к внешним и внутренним «врагам». В современных российских условиях воз-

никновение такой массовой психологии кажется вполне закономерным. Удивительно, однако, что при бурном росте ксенофобии у представителей этнического большинства в его среде не наблюдается, казалось бы, неизбежного подъема организованного русского национализма».

54 «Русский национализм» как область научных исследований

МАРЛЕН ЛАРИУЭЛЬ

«Система пытается сохранить статус-кво, усиливая идеологическое принуждение. Для этого она все больше опирается на консервативное — и молчаливое — электоральное большинство с тем, чтобы маргинализовать активное меньшинство, исповедующее либеральные ценности, а также тех, кто придерживается националистических взглядов. Другими словами, система была вынуждена сделать явным то, что ранее лишь подразумевалось. Однако переход от неявного к явному труден и опасен».

73 Движения из Центральной Азии в Россию: в модели нового мироустройства

СЕРГЕЙ АБАШИН

«В странах исхода уехавшие считаются либо предателями нации, либо жертвами, либо добытчиками дохода. В странах прихода их рассматривают как несущих угрозу чужаков или опять же жертв. Акцент, часто культурный и расовый, на том, что они уехали или приехали, становится важнее, чем социальная суть движения. Но в действительности мобильность носит классовый характер. Специфика состоит лишь в том, что система, в которой происходит классовое взаимодействие, имеет наднациональный масштаб».

84 Этническая миграция и преступность

СЕРГЕЙ ГОЛУНОВ

«В отличие от западных стран, у России безвизовый режим с большинством наиболее важных для нее государств — доноров миграционных потоков.

Подавляющее большинство иммигрантов из государств СНГ попадает в РФ и находится на ее территории на легальных основаниях; «нелегалами» они становятся из-за сложностей с оформлением права на работу. Благодаря безвизовому режиму у иммигрантов нет необходимости навсегда укорениться в РФ и создавать «этнические кварталы».

СТАТЬИ

96 Трансформация Северного Кавказа: от традиционного общества к современному

ИРИНА СТАРОДУБРОВСКАЯ

«На Северном Кавказе в последние два с половиной десятилетия происходят столь радикальные, динамичные и безвозвратные изменения, что его трудно сравнить с каким-либо другим российским регионом. Как и вся страна, Северный Кавказ за этот период пережил качественную трансформацию от плановой к рыночной экономике. Но на Кавказе она совпала с еще одной не менее радикальной трансформацией — от традиционного к современному обществу. В истории любого народа подобная трансформация — один из самых болезненных периодов».

106 Трудное возрождение российской оппозиции

ВЛАДИМИР ГЕЛЬМАН

«Голос оппозиции в публичном пространстве звучал громче, и власти, не имея более возможности ее игнорировать, прибегли к запугиванию оппозиционеров и их потенциальных сторонников. Однако российскую оппозицию по-прежнему

раздирают внутренние противоречия, которые умело используют власти, а ее позитивная повестка дня остается расплывчатой. На этом фоне даже некоторое снижение уровня массовой поддержки российского режима и его лидеров не слишком прибавляло очков его политическим противникам».

124 Суррогаты парламентаризма

ЕКАТЕРИНА ШУЛЬМАН

«Уже к середине работы Государственной думы V созыва не только оппозиционные политики и публицисты, но и представители власти стали высказывать недовольство качеством законодательного процесса и его плодов. Что именно не так с парламентом, напрямую не говорилось (в частности, речь не шла о том, что парламент не представляет интересы избирателей), но раздавались многочисленные жалобы на нестабильную правовую среду, быстрое и непредсказуемое появление новых законов и их низкое качество».

РЕЦЕНЗИИ

133 Государство. Общество. Управление: Сборник статей / Под. ред. С. Никольского и М. Ходорковского

СТАНИСЛАВ ЛЬВОВСКИЙ

139 *Шейнис В.* Власть и закон: Политика и конституции в России в XX—XXI веках

АНДРЕЙ МЕДУШЕВСКИЙ

149 Наши авторы

150 Contents and Summaries

«Чужие» национализмы и «свои» ксенофобии вчера и сегодня россиян

В истоке российского, русского «национализма» — не враждебность других стран и вызывающее поведение «приезжих», а сугубо внутренние причины | **БОРИС ДУБИН**

Цель настоящих заметок — по возможности прояснить содержание массовых представлений, оценок и чувств российских граждан, которые обычно получают со стороны политиков и журналистов общую квалификацию «националистических», уточнить степень и масштаб их выраженности, направления динамики, если таковая имеется. Эмпирической основой моих наблюдений будут данные репрезентативных социологических опросов взрослого населения России, проводимых Левада-Центром¹.

Сразу отмечу, что для большинства россиян слово «национализм» окрашено негативно, 38 проц. воспринимают его нейтрально и лишь 8 проц. положительно². Приверженность националистической (национал-патриотической) идеологии выражает в последние годы явное меньшинство российского населения: в 2013 году это 9 проц. опрошенных, — ровно столько же, сколько сторонников либерализма (при 34 проц. тех, кто причисляет себя к социалистам и социал-демократам, 17 проц. сторонников жесткой авторитарной власти, 16 проц. коммунистов и т. д.). Невелика и доля тех,

кто считает наиболее важной в сегодняшней стране проблему национальных отношений, их ухудшение, рост национализма (в феврале 2014-го таковых было 10 проц.), — социально-экономические проблемы (рост цен, резкое социальное расслоение, бедность), слабость и коррумпированность власти, кризис морали ощущаются нашими соотечественниками намного острее. Необходимость ясной и последовательной «национальной политики в защиту русских» также не относится к числу коллективных приоритетов; многократно более существенным россияне признают обеспечение социальной справедливости и равенство всех граждан перед законом. И даже идея государственно-национальной исключительности и превосходства — представление о пресловутом «особом пути» России — заметно упала в значимости³.

Та же тенденция видна при другой формулировке вопроса и по-иному сформулированных альтернативных «подсказках»:

И все же никак нельзя считать, будто озабоченность растущим в стране «национализмом», которую разделяют политики, журналисты, эксперты, условно говоря, либе-

Таблица 1

ПО КАКОМУ ИСТОРИЧЕСКОМУ ПУТИ ДОЛЖНА ИДТИ РОССИЯ?			
	2000 г.	2008 г.	2013 г.
По общему для современного мира пути европейской цивилизации	15	21	31
Вернуться на путь, которым двигался Советский Союз	18	14	22
Идти по своему собственному, особому пути	60	58	37
Затруднились ответить	7	7	10

N=1600

рально-демократического крыла, не имеет под собой оснований или что она явно преувеличена. На первый взгляд, тут можно увидеть парадокс. Тем нужнее соответствующие феномены прояснить.

Развивая и уточняя предыдущие работы по теме, я бы отличал номенклатурно-бюрократическую риторику и символику русского национализма, охотно тиражируемую официальными и официозными медиа⁴, от национал-патриотических лозунгов и символов отдельных и в целом весьма немногочисленных ангажированных и сформированных групп (движений, течений, партий)⁵ и, наконец, от настроений и проявлений по преимуществу этнической неприязни и нетерпимости со стороны массы и отдельных

социальных (часто — молодежных) групп и группировок российского населения⁶. Эти явления сходны по содержанию (в их основе — неприятие на этнонациональной основе, этнонационализм), но различаются по социальным носителям и масштабам распространности.

Другая их составляющая — государственно-национальная (ностальгически-державная или ностальгически-имперская). Отрицательное отношение значительной и даже большей в те или иные годы части россиян, например, к США, Грузии или странам Балтии не имеет в виду этнической принадлежности их граждан (эстонцев, грузин, тем более — американцев). Она относится к целостным образам названных государств,

Таблица 2

ГОСУДАРСТВОМ КАКОГО ТИПА ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ВИДЕТЬ РОССИЮ В БУДУЩЕМ?			
	1999 г.	2008 г.	2013 г.
Социалистическим государством типа СССР	15	17	24
Государством, подобным странам Запада, с демократическим устройством и рыночной экономикой	35	32	33
Государством с совершенно особым устройством и своим путем развития	45	39	33
Затруднились ответить	6	11	10

N=1600

хотя в плане опасности эти страны могут рассматриваться респондентами как угроза не только для России, но именно для русских («русской культуры», «русских традиций», «наших национальных особенностей»).

Перемены за двухтысячные годы можно отметить во всех перечисленных планах, но меняется при этом разное и по-разному; разнятся, понятно, и масштабы явлений. В дальнейшем я буду говорить только о массовых феноменах, рассматривая их этнонациональную и государственно-национальную составляющие; последнее разделение носит исключительно аналитический характер: сами носители и выразители подобных склонностей и мнений достаточно часто их некритически сочетают, легко переходя от одних к другим или подставляя одни на место других (что отмечает в своей статье Марлен Ларюэль; см. с. 54–72 этого номера *Pro et Contra*).

Среди этих массовых феноменов я бы выделил, и тоже в аналитическом порядке, два типа оценок и ожиданий, которые выражают в социологических опросах массовые респонденты. Это опасения взрыва националистических чувств, включая кровопролитные действия «извне», со стороны тех или иных групп российского населения и неприятие разнообразия, самостоятельности, инаковости «других» — лиц, групп или даже стран и регионов («Запад»), чьи проявления квалифици-

руются «изнутри» как национализм либо экспансионизм, угроза России, русским или социальному порядку в целом. Иными словами, национализм (национальная независимость, солидарность, действия по их поддержанию и защите) при этом понимается респондентами, с одной стороны, как характеристики и акции неких «других», проявления их образа жизни и мысли, непонятных и неблизких, а с другой — как угроза «нам», «своим», нашему привычному укладу и обиходу. Связь между двумя этими смысловыми планами для самих респондентов выглядит как реактивная и негативная, по принципу от противного: «их» национализм, как считает большинство опрошенных, вызывает и разжигает, условно говоря, «наш».

«Другие» как угроза

За 2000-е годы межнациональная напряженность в стране стала ощущаться ее жителями острее (хотя, как сказано выше, не является для россиян самой главной в списке сегодняшних проблем страны).

При этом выросла, по свидетельствам респондентов, и направленная на них враждебность со стороны людей других национальностей («часто» ощущали ее 10 проц. в 2002-м и 17 проц. — в 2013-м), и их собственные враждебные чувства по отношению к людям другой национальной принадлежности («часто» испытывали их 12 проц. в 2002-м году и 20 проц. — в 2013-м).

Таблица 3

ОЩУЩАЕТСЯ ЛИ СЕЙЧАС В ТОМ ГОРОДЕ, РАЙОНЕ, ГДЕ ВЫ ЖИВЕТЕ, МЕЖНАЦИОНАЛЬНАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ?			
	2005 г.	2008 г.	2013 г.
Определенно да	5	7	10
Скорее, да	21	20	33
Скорее, нет	44	41	39
Определенно нет	26	24	13
Затруднились ответить	4	8	5

N=1600

Таблица 4

ВОЗМОЖНЫ ЛИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В РОССИИ МАССОВЫЕ КРОВОПРОЛИТНЫЕ СТОЛКНОВЕНИЯ НА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЧВЕ?			
	2002 г.	2008 г.	2013 г.
Определенно да	12	10	17
Скорее, да	37	29	45
Скорее, нет	30	32	24
Определенно нет	12	18	5
Затруднились ответить	10	10	9

N=1600

Эта нарастающая напряженность проявлялась, среди прочего, в актах массового насилия, год за годом отмечавшихся в России на протяжении последнего десятилетия: от волнений и столкновений на московских рынках в Ясенево и Царицыно в 2001 году до погрома в Бирюлево в 2013-м. Дело вовсе не ограничивается Москвой: вспомним в этой связи Красноармейск (2002), Нальчик (2003), Новосибирскую и Астраханскую области (2005), Кондопогу (2006), Ставрополь (2007), Сагру (2011), Пугачев (2013) и др. Растущая конфликтность осознается населением и как все большая возможность массового кровопролития на национальной почве.

Как видим, допускают сейчас возможность подобных столкновений в стране свыше трех

пятых взрослого населения (твердо отрицают такую возможность лишь 5 процентов). Однако при этом оценка возможности такого течения событий в том месте, где респондент живет, существенно ниже и на протяжении последнего десятилетия менялась незначительно. Пирамида оценок перевернута: считали и считают их возможными в своем городе или местности порядка четверти опрошенных, тогда как невозможными — около двух третей. Я бы предложил понимать это так, что источником распространенного в нынешних массах чувства небезопасности выступает не собственный опыт респондента или близких к нему групп и слоев (друзья, соседи, жители одного района, города), а анонимное воздействие централизованных массовых коммуникаций.

Таблица 5

КАКИЕ ЧУВСТВА ВЫ ЛИЧНО ИСПЫТЫВАЕТЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К ПРИЕЗЖИМ С СЕВЕРНОГО КАВКАЗА, ИЗ СРЕДНЕЙ АЗИИ И ДРУГИХ ЮЖНЫХ СТРАН, ПРОЖИВАЮЩИМ В ВАШЕМ ГОРОДЕ, РАЙОНЕ? (МОЖНО БЫЛО ВЫБРАТЬ НЕСКОЛЬКО ПОЗИЦИЙ)			
	2005 г.	2010 г.	2013 г.
Уважение	2	5	3
Симпатию	3	4	3
Раздражение	20	14	25
Неприязнь	21	15	30
Страх	2	6	6
Сумму негативных чувств	43	35	61
Никаких особых чувств	50	57	39
Затруднились ответить	2	4	2

N=1600

Таблица 6

СЛЕДУЕТ ЛИ ОГРАНИЧИТЬ ПРОЖИВАНИЕ НА ТЕРРИТОРИИ РОССИИ ЛЮДЕЙ СЛЕДУЮЩИХ НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ?			
	2004 г.	2009 г.	2013 г.
Вьетнамцев	39	24	32
Евреев	15	6	8
Выходцев с Кавказа	44	38	54
Китайцев	39	34	45
Выходцев из прежних республик Средней Азии	31	20	45
Украинцев	8	7	5
Цыган	32	22	32
всех, кроме русских	14	16	14
Нет, не следует вводить ограничения на проживание людей каких бы то ни было национальностей	21	19	11
Затруднились ответить	5	14	8

Этническая неприязнь как ответ

Этнофобия в современной России проявляется на массовом уровне преимущественно в формах мигрантофобии, и она за последние несколько лет резко выросла.

Отрицательные чувства, как видим, многократно перевешивают положительные. То же касается массовых оценок пользы и вреда иммиграции. Сравним их позитив и негатив по нескольким параметрам: с тем, что «иммигранты увеличивают преступность», были согласны 71 проц. опрошенных в 2012-м (не согласны 8 проц.), что они «отбирают рабочие места у россиян», соответственно, 67 и 12 проц., «разрушают российскую культуру» 46 и 19 процентов. Напротив, с тем, что иммигранты «способствуют развитию российской экономики», согласились 24 проц. (не согласились 43 проц.), что они «приносят новые идеи и культуру» и «этим «обогащают российское общество» — соответственно, 19 и 46 процентов⁷. Среди качеств, которые, по мнению россиян, чаще всего присущи иммигрантам, в 2013 году прежде всего назывались «незнание русского языка» (отмечено 53 проц. опрошенных), «низкая квалификация» (42 проц.), «неопрятный, отталкиваю-

щий внешний вид» (35 проц.), «демонстрация, навязывание своей культуры и обычаев» (28 процентов).

Шестьдесят девять процентов опрошенных в 2013 году признали, что в их городе, регионе слишком много мигрантов (не согласились с ними 26 процентов). Свыше трех четвертей опрошенных (78 проц.) выступают за то, чтобы правительственными мерами ограничить поток приезжих. Примерно столько же (73 проц.) — за то, чтобы выдворять нелегальных иммигрантов за пределы России. Особенно пристрастны россияне в этом плане к выходцам с Кавказа, из прежних республик Средней Азии, китайцам. Не менее важно отметить, что доля россиян, толерантных в этом отношении, и без того не слишком большая, за 10 лет сократилась еще вдвое.

Антимигрантские настроения и действия — ксенофобия и, прежде всего, кавказофобия — более характерны для населения крупных городов, но особенно они распространены в Москве (и значительно, хотя в меньшей мере, в Санкт-Петербурге). Так «наплыв приезжих, мигрантов» — первая по значимости проблема, тревожащая сегодня

москвичей и острота ее в массовом сознании за последние годы резко выросла (55 проц. в сравнении с 30 проц. в 2010-м) ⁸.

Русский «национализм» как реакция большинства на поведение меньшинств ⁹

Большинство россиян считают сегодня основной причиной растущего русского национализма поведение национальных меньшинств в России, прежде всего приезжих. Иначе, с их точки зрения, выглядела ситуация в первой половине 2000-х.

Напомню, что демонстрацию и навязывание своих обычаев россияне относили к ведущим чертам, которые в их глазах присущи «приезжим». Между тем интерес, любопытство или хотя бы терпимость к иным, непохожим, вопреки принятым клише о «всезычивости русской души» и гостеприимстве россиян, никак не отнесешь сегодня к массовому обиходу наших соотечественников. На заданный Левада-Центром в феврале 2014-м году вопрос, «что более важно для России в наши дни: обеспечить большее уважение к традиционным ценностям или обеспечить большую терпимость к людям с нетрадиционным для большинства образом жизни, иного происхождения и с иными обычаями?», — 76 проц. поддержали первую

позицию и лишь 15 проц. — вторую (9 проц. затруднились с ответом).

В этом плане можно говорить, что русский «национализм» — это в решающей степени неприязнь к непохожести и разнообразию, гетерофобия. Кроме того, он трактуется большинством россиян как реактивный, ответный — отклик на национальные проявления этнических нерусских, составляющих явное меньшинство. И, наконец, этот национализм не относится к свойствам самого респондента, его близких, земляков и т. п., а локализуется вовне, где-то «в России».

Пассивное одобрение русского «национализма»

Однако на этом фоне стоит отметить, что к националистическим идеям и лозунгам русских и от имени русских большинство опрошенных относится благожелательно; такие идеи не признаются национализмом, а, напротив, принимаются и даже получают одобрение. Причем в большой мере это явление, подчеркну, характерно именно для 2000-х годов.

Преимущественно с одобрением воспринимают россияне и организованные действия националистического толка, когда они относятся к русским.

Как видим, за три года пирамида положительных и отрицательных оценок «русских

Таблица 7

КАКОВА, НА ВАШ ВЗГЛЯД, ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА РОСТА РУССКОГО НАЦИОНАЛИЗМА В РОССИИ В НАШИ ДНИ? (В ПРОЦ. ОТ ТЕХ, КТО СЧИТАЕТ, ЧТО НАЦИОНАЛИЗМА СТАЛО БОЛЬШЕ) ¹⁰		
	2004 г.	2011 г.
Национальные предрассудки русского населения	3	5
Вызывающие действия, поведение национальных меньшинств	20	44
Плохие условия жизни в России	24	21
Террористические акты последних лет	32	15
Власти не могут справиться со вспышками национализма	8	6
Власти заинтересованы в раздувании национализма	8	4
Затруднились ответить	4	4

N=1600

Таблица 8

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ИДЕЕ «РОССИЯ — ДЛЯ РУССКИХ»?				
	1998 г.	2004 г.	2008 г.	2013 г.
Поддерживаю, ее давно пора осуществить	13	16	15	23
Ее было бы неплохо осуществить, но в разумных пределах	30	37	42	43
Отрицательно, это настоящий фашизм	30	25	25	19
Меня это не интересует	14	12	12	9
Сумма принимающих и поддерживающих	43	53	57	66
Затруднились ответить	13	10	6	6

N=1600

маршей» перевернулась, и сегодня позитивное отношение к ним заметно преобладает в России. Важно отметить и этот рост и уточнить модальность подобного отношения масс к русскому национализму как идее, которая, повторюсь, не относится респондентами к себе, а сдержанно и пассивно принимается большинством в символическом плане («скорее, да») и в залоге желательности («хорошо бы»). Напротив, применительно к себе и близким преобладают ответы «скорее, нет» и в модальности «наверяд ли».

Относительное ослабление интенсивности чувств, нарастающая пассивность в оценках относятся и к патриотизму россиян, укреплением которого так озабочена в последние годы верховная власть. Если в 2007 году патриотами России называли себя 78 проц. опрошенных россиян, то в 2013-м их 69 процентов. При этом в составе патриотических чувств сегодня у наших соотечественников преобладает декларируемая без конкретных последствий и обязательств «любовь к родине». Этот пункт отмечают свыше 60 проц. «патриотов», при этом такие характеристики, как подчеркивание исключительности своей страны, защита ее от нападков, работа на ее благо и т. п., оказываются куда менее значимыми; их отмечает примерно одна пятая из числа тех, кто называет себя патриотами.

Россия среди соседей и в «большом» мире

Пятьдесят один процент россиян сегодня считают, что существует военная угроза России извне (39 проц. не согласны), 78 проц. — что у сегодняшней России есть враги (с этим не соглашаются 13 процентов). Наиболее враждебными к России респонденты признают Грузию, США, страны Балтии (к этому списку 2013 года сегодня добавилась бы Украина), наиболее близкими — Белоруссию, Казахстан, Китай.

Показательна социально-демографическая стратификация этих оценок. На «врагов» и внешнюю «военную угрозу России» чаще других указывают пожилые россияне, жители средних городов (от 100 до 500 тысяч); средние города вообще представляют собой сегодня переломную точку в настроениях и оценках респондентами своего собственного положения, ситуации в стране, отношения к России со стороны Запада и т. п. Более позитивное отношение к США и «Западу» проявляют самые молодые россияне (до 24-х лет), респонденты с высшим образованием, относительно обеспеченные, жители крупных городов с населением свыше 500 тысяч, но не Москвы.

Здесь, вопреки избитому стереотипу, я бы сказал, что Москва — это как раз «Россия»

в том смысле, что в ней так же разделены социальные верх и низ, центр и периферия, так же сосуществуют разные установки и оценки. Показательно, что полюсом негативного отношения к Грузии выступает именно Москва. Жители столицы опять-таки чаще выражают сегодня негативное отношение к февральским событиям на Украине, на киевском Майдане. Москвичи чаще, чем жители других городов, принимают официальную точку зрения на происходящее, видя в оппозиционных действиях Майдана прежде всего «влияние Запада», происки «националистов». Впрочем, стоит отметить, что отрицательное отношение к «Майдану» и официальные оценки происходящего преобладают на нынешний день и среди россиян в целом. Среди опрошенных в феврале 2014 года по горячим следам событий негативное и позитивное отношение к Майдану соотносилось как 3 к 1. Опять-таки большинство видело в происходящем, в первую очередь, воздействие геополитики Запада (43 проц.), националистические настроения украинцев (30 проц.), притом что чувство гражданского достоинства, стремление сделать Украину такой же цивилизованной страной, как другие страны Европы, отмечались лишь у 12 проц. опрошенных. Добавлю, что даже «возмущение коррумпированным режимом

Януковича» (причину, казалось бы, совершенно внятную россиянам) признает значимой явное меньшинство наших соотечественников, хотя их доля с декабря по февраль все-таки выросла с 9 до 17 процентов.

Некоторые выводы и обобщения

1. С изложенной здесь точки зрения, российский (русский) национализм может рассматриваться как дефект и патология «общего». Формирование представлений об «общем», подчеркну, – важнейшее направление процессов модернизации и центральный пункт программ развития в эпоху становления национальных государств, а затем в позднейший период зрелого модерна, вплоть до середины XX века. Сложившиеся к этому моменту так называемые «развитые» государства и общества различаются тем, какими аспектами общественного существования и ценностями, стоящими за ними, это «общее» представлено, в чем оно состоит, кто его именно так видит и т. д. Это могут быть кровь, почва, территория, религия, а чем дальше, тем в большей мере институциональная структура, правовая система, гражданские свободы, права, обязанности и др. В любом случае параллельно с ценностями, символами, чувствами локального здесь складываются и становятся все более существенными, ведущими

Таблица 9

КАК ВЫ ОТНОСИТЕСЬ К ИДЕЕ ПРОВЕДЕНИЯ «РУССКИХ МАРШЕЙ»?		
	2010 г.	2013 г.
Определенно положительно	8	11
Скорее, положительно	20	29
Скорее, отрицательно	24	19
Определенно отрицательно	12	7
Сумма положительных ответов	28	40
Сумма отрицательных ответов	36	26
Ничего не знаю о них / Затруднились ответить	36	34

N=1600

ценности, значения, символы принципиально иного, всеобщего, «глобального». Без них, представляющих и опосредующих социальное и культурное разнообразие, но вместе с тем обеспечивающих гражданское равенство, невозможна работа современных экономических и политических институтов, суда и правовых систем, культурных организаций.

В постсоветской России (а во многом и в России советской, но от исторических аспектов я сейчас вынужден отвлечься) массивизация запросов, оценок, действий, но главное — формирование представлений о

значительной степени трансформированы принятыми массой принципами уравнилельной справедливости («все как один», «один за всех, все за одного», «всем одинаковое и поровну»), который опирается на социальный механизм заложничества и поруки, а не самостоятельности, соревновательности и сотрудничества. Отсюда постоянное и глубокое в российском социуме массовое ощущение несправедливости как реакция на различия и по вертикали, и по горизонтали: негативный образ людей, находящихся у власти, недоверие к окружающим, ксенофобия в

“Нынешний российский пассивный и диффузный «национализм большинства» в своей основе — державный (тотальный), а не этнический (групповой)”.

массе, большинству, социуме заданы «сверху» централизованной и монополизированной властью, интеллектуальными кругами ее идеологического обеспечения и обслуживания, институтами воспроизводства, которыми они же руководят. Выработка, поддержание, репродукция подобных представлений (идей, ценностей, норм, позитивных и негативных санкций) разворачиваются без необходимой культурной универсализации — формирования представлений о человеке как таковом, «обобщенном Другом». Или, даже вернее, Третьем — не таком же, «своем» по крови или почве, и не иерархически доминирующем носителе власти.

Следствием этого в России на массовом уровне выступает непонимание и неприятие, с одной стороны, разного, не такого, как «я» и «мы», а с другой — равного, который принципиально не хуже и не лучше меня, он — другой, но этим человеку модерна интересен и важен (речь, понятно, о его обобщенном, типизированном образе, в реальности случается и иначе). Оба эти антропологических принципа устранены, перекрыты или в

отношении «приезжих» и вообще «других».

Это значит, что в истоке российского, русского «национализма» — не враждебность других стран и вызывающее поведение «приезжих», а сугубо внутренние причины. К ним относятся, прежде всего, резкое социальное расслоение и неравенство, бездействие и коррумпированность власти (в том числе судебных инстанций и правоохранительных структур), задержка социальной мобильности — иными словами, растущее недовольство преобладающего большинства населения своим положением и действиями (бездействием) собственных властей. В данных рамках и на этом фоне происходит этнизация социальных напряжений в высказываниях и действиях медиа, политических демагогов (Владимир Жириновский да и другие «допущенные» представители «системной оппозиции», поскольку карту национализма разыгрывают теперь, особенно в период выборов, практически они все), маргинальных радикал-националистов и др. И если массмедиа и официальные/официозные политики (а других в общем поле, кажется,

и нет) выступают охранителями нынешнего режима, в российской терминологии, «справа», с традиционалистских, державно-консервативных позиций, то маргинальные ультра-националисты — его оппозиционерами и, по крайней мере, на словах, ниспровергателями «слева», со стороны социализма (национал-социализма).

2. Как всякий раз в России, рекуррентные явления «национализма» и гетерофобии связаны с кризисом «целого» и систем его воспроизводства (институтов образования, структур культуры), которые следуют за предшествовавшими попытками «реформ» или хотя бы каких-то позитивных перемен в жизни «большинства», инициированных опять-таки сверху. В конкретном случае 2010-х речь, видимо, должна идти об относительном улучшении экономического положения россиян к 2007–2008 годам, с одной, массовой, стороны, и с некоторыми надеждами на обновление в связи со сменой президента и «либеральными» сигналами, поданными Дмитрием Медведевым и воспринятыми более образованной частью социума, молодежью крупных городов — с другой. Характерно, что в 2007–2008 годах чувство межнациональной напряженности (как и общей социальной напряженности) несколько спадает и ксенофобные настроения смягчаются. Но самоуверениям масс в давно обещанной стабилизации положил конец мировой финансовый и экономический кризис, а очередным надеждам городских образованных слоев, включая молодежь, — прогремевшее заявление Владимира Путина фактически о приватном кулуарном сговоре, заранее согласованной «рокировке» первых фигур. После 2008 года все индексы (президентской власти, национального благополучия, экономического оптимизма), по данным Левада-Центра, падают. И если в 2007-м в стране, по мнению относительного большинства (38 проц.), преобладали рост

и развитие, то в 2013-м эту позицию отмечают лишь 15 проц., тогда как торможение и застой, соответственно, 21 и 35 процентов. Главными проблемами для населения сегодня стали рост цен, перспективы обнищания, то есть, в конечном счете, обеднение и примитивизация социального существования. И каждый пятый россиянин напрямую связывает подобную ситуацию с поведением нынешних властей.

3. Апелляция путинской власти к сконструированному ею же «большинству» (или, в терминологии Кирилла Рогова, «сверхбольшинству»¹¹) блокирует цели и ценности развития, как, соответственно, и фигуры любых значимых «других» («обобщенных третьих»), которые могли бы составить конкуренцию или хотя бы невыгодный фон нынешним первым лицам. А значит — при неструктурированности публичного пространства и неартикулированности политических интересов, идей и программ вплоть до полного исчезновения политики и отказа большинства граждан от какого бы то ни было политического участия даже в масштабах своего города или района — решающим фактором массовой этнонациональной и государственно-национальной идентификации становятся прокламируемый и навязываемый сверху патриотизм, но в еще большей мере — пассивная и диффузная ксенофобия¹². То есть не принципы разнообразия, активности, конкурентности, достижительности, а нормативные начала «правильности» и резко негативная оценка любых отклонений от нее.

4. Нынешний российский пассивный и диффузный «национализм большинства» в своей основе — державный (тотальный), а не этнический (групповой). Переход от первого ко второму, о чем пишет в данном номере Эмиль Паин (см. с. 34–53), скорее, перспектива, причем, как мне кажется, мало реальная. И вот почему. Национализм или, вернее, национализмы — и антиимперский, и гражд-

данский, и этнический, то есть самосознание, разногласия, полемика, тем более конфликты и борьба (иными словами, «политика», реальное политическое участие, к которому, как уже говорилось, большинство российского населения сегодня совершенно не расположено) нимало не нужны нынешней власти и небезопасны для нее. Главное для правящей сегодня верхушки — по-прежнему сплоченность и стабильность «целого», то есть деполитизированность, апатия и пассивно-вынужденная адаптация населения. Именно от лица этого сконструированного властью и медиа, а потому в значительной мере виртуального целого большинство выносит сегодня оценки различных меньшинств, «приезжих», «понаехавших» и т. п. И, конечно же, меньшинств далеко не только этнических — гетерофобия относится к любым «другим» как чужим и чуждым.

Иными словами, несменяемая и фактически не контролируемая власть двухтысячных и последующих годов пытается в условиях нарастающей социальной и экономической неопределенности, деградации и отсутствия политической жизни, подавления гражданской самостоятельности людей и групп сохранить за собой приоритет в репрезентации общего и интегративного. У националистов же — конечно, не без ограничений и давления со стороны властей — не получается представлять общее и в этом смысле сформировать оппозицию (в нынешнем номере об этом сказано не раз), а получается лишь озвучить ксенофобное недовольство массы, плюс сделать язык национального превосходства, ущемленного самолюбия и агрессивного патриотизма все более допустимым в общем, масскоммуникативном пространстве. Говоря по-другому, мы имеем здесь дело, опять-таки, с процессом массовой адаптации, ровно таким же, как по отношению к «Западу», его достижениям и благам (но не культурным ценностям, политическим принципам и правовым нормам).

5. Нарастание социальной и экономической неопределенности, растерянности населения, снижающийся авторитет верховной власти, значимости самой идеи ее сосредоточения в одних руках, несменяемости, централизованного контроля по «вертикали» ведут к нарастанию мигрантофобии и антизападничества. В этом плане рост «национализма» есть реакция на ослабление власти (в одной из прокламируемых маргиналами возможных перспектив даже подрыв власти — «джинн, выпущенный из бутылки»). Последовательность явлений здесь именно такая: подавление социальной динамики в стране на фоне нарастающей самоизоляции и коррупции власти ведет к усилению компенсаторных и защитных механизмов — поиска врага и виновного, ксенофобии и антизападничества, которые выступают суррогатными символами негативной солидарности. Сейчас (а, впрочем, уже давно) это не общепринятая идеология, не партийная программа и не государственная политика, равно как уже и не реакция на травму распада СССР. Это, прежде всего и в главном — недовольство нарастающей социальной неопределенностью и неэффективностью структур власти, с точки зрения патерналистских установок и уравнилельных представлений большинства населения (уравнилельность и патернализм — вот, мне кажется, настоящие джинны, выпущенные из бутылки нынешней властью). Чем больше эти установки и представления будут поддерживаться и подкрепляться, тем выше будет латентная ксенофобия. А можно предполагать, что сегодняшняя власть будет активно поддерживать государственно-национальную составляющую российского «национализма большинства» и с одобрением принимать его же латентную ксенофобию. Чего не скажешь о программном национализме группировок, движений и партий. Отношение властей здесь в принципе совпадает с общенаселен-

ческим: настроения и даже высказывания — да, действия, тем более организованные и последовательные — нет. Тем самым, власть консервирует, воспроизводит и распространяет традиционное двойное (раздвоенное) коллективное самоопределение и самопонимание россиян в их массе, большинстве: ностальгически-героическое (харизматический план великой державы) и пассивно-либо реактивно-страдательное (стигматический план терпеливой массы).

6. Подводя условный итог, я бы сказал, что национализм как идеология и программа, обычно используемый политиками, журналистами и экспертами преимущественно на правах существительного (будто бы это некий предмет или реальная сила), населением понимается скорее как прилагательное (свойство). Причем значение этого прилагательного все больше рутинизируется, так что его семантическая выделенность, броскость, лозунговый, а соответственно, и мобилизационный потенциал слабеют, если вообще имели когда-то решающее значение и императивную мощь. Показателем этого

смыслового ослабления среди прочего выступает, как я пытался показать, перенос характеристик националистической инициативы на других — ближних, «своих», и дальних, чужаков.

7. Вместе с тем ключевое значение во всех описанных выше процессах имели и имеют официальные, общераспространенные и безальтернативные средства массовой коммуникации (в первую очередь, основные каналы ТВ). Они сами, фигуры политиков и «экспертов», которые продвигаются руководством телеканалов на первый план в качестве «лидеров мнений» (с псевдодемократической прибавкой электронного голосования и т. п.), равно как и стоящие за теми и за другими инстанции и структуры центральной и централизованной власти, придают выражениям этнофобии статус «слова как такового», «просто языка». А это — тем более, при удалении из публичного поля любых других персонализированных мнений и обобщенных инстанций критической рефлексии — означает для массы статус «самой реальности», несомненного и неопровержимого «факта». ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Они сведены и представлены в кн.: *Общественное мнение — 2013*. М.: Левада-Центр, 2013. Помимо них, приводимых далее без уточняющих библиографических сносок, используются некоторые материалы из предыдущих ежегодников и данные последующих опросов Левада-Центра уже в 2014 году.

² *Общественное мнение — 2011*. М.: Левада-Центр, 2011. С. 180. Но при том, что большинство респондентов (несколько больше половины) считают, будто число русских, разделяющих националистические взгляды, в стране растет, само это большинство за 2000-е годы несколько сократилось (с 58 в 2004-м до 52 проц. в 2011-м), тогда как доля меньшинства, сторонников противоположной оценки, напротив, увеличилась, соответственно, с 8 до 14 процентов (Там же). В 2012 году «подсказки» к тому же вопросу были сформулированы

иначе, и результаты выглядели так: положительно воспринимают слово «национализм» 13 проц. опрошенных, отрицательно — 70 процентов. См.: *Общественное мнение — 2012*. М.: Левада-Центр, 2012. С. 178.

³ Ср.: *Дубин Б.* Мифология «особого пути» в общественном мнении современной России // *Идеология «особого пути» в России и Германии: истоки, содержание, последствия* / Под. ред. Э.А. Паина. М.: Три квадрата, 2010. С. 211–229. Если за нынешними данными — не временная флуктуация, а намечающаяся тенденция, некоторые из положений и выводов этой статьи придется заново продумать, а, возможно, и скорректировать.

⁴ О них в настоящем номере пишет Эмиль Паин, развивая положения своей прежней книги: *Паин Э.* Между империей и нацией: Модернистский проект и его традиционалистская

альтернатива в национальной политике России. М.: Новое издательство, 2004.

⁵ См. о них статью Александра Верховского в настоящем номере на с. 19–33, равно как и предыдущие работы автора и Центра «Сова».

⁶ См.: *Гудков Л., Дубин Б.* Своеобразие русского национализма // Pro et Contra. 2005. № 2 (29). С. 6–24; *Они же.* Представления о модернизации российской элиты // Российская модернизация: Размышляя о самобытности / Под ред. Э.А. Паина и О.Д. Волгогоновой. М.: Три квадрата, 2008.

С. 166–197; *Дубин Б.* Другого национализма, кроме бюрократического, в России никогда не было // После империи / Под общ. ред. И.М. Клямкина. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2007. С. 191–193.

⁷ Общественное мнение – 2012. С. 180.

⁸ Подробнее см.: *Волков Д.* Интервью на пороховой бочке // <http://www.levada.ru/02-12-2013/intervyu-na-porokhovoivoi-bochke>

⁹ В обиходе, тем более массовом, подобные обозначения носят, понятно, сугубо оценочный характер, и порой за ними стоят совершенно фантастические представления. Так, например, три пятых россиян уверены, будто православная церковь объединяет больше христиан, чем католическая, тогда как все обстоит строго наоборот. Не исключаю, кстати, что это преувеличенное мнение

о степени распространенности, а значит – исключительной значимости и авторитетности православия может влиять на готовность многих россиян признать и считать себя православными, но уточню, что в целом среди религиозных общин мира православная – количественно самая малая, многократно уступающая в этом протестантской, буддистской, индуистской, исламской и, наконец, католической (которая в 4–5 раз больше православной). Важную социологическую конкретизацию таких ходовых оценок предложил в свое время Юрий Левада, см. его статью 2004 года «О “большинстве” и “меньшинстве” в кн.: *Левада Ю.* Ищем человека. М.: Новое издательство, 2006. С. 350–363, а также: *Дубин Б.* О большинстве и меньшинстве // Индекс: Досье на цензуру. 2011. № 31. С. 65–68. Заново эта исследовательская и социальная проблема встала в связи с гражданскими волнениями 2011–2012 годов в крупнейших городах России.

¹⁰ Общественное мнение – 2011. М.: Левада-Центр, 2011. С. 180. Напомню, что в росте национализма были убеждены тогда 52 проц. опрошенных.

¹¹ См.: *Рогов К.* Сверхбольшинство для сверхпрезидентства // Pro et Contra. 2013. Т. 17. № 3/4.

¹² См.: *Мукомель В.* Ксенофобия как основа солидарности // Вестник общественного мнения. 2013. № 3/4. С. 63–69.

Этнополитика федеральной власти и активизация русского национализма

Федеральные власти ставят перед собой вполне осмысленную задачу в сфере этнополитики, но не прилагают усилий, которые хотя бы теоретически могли быть достаточными для достижения результата | **АЛЕКСАНДР ВЕРХОВСКИЙ**

Политическая система сегодняшней России устроена таким образом, что никакое политическое движение, партия или совокупность группировок не могут выступать в роли реального конкурента федеральной власти, если рассматривать эту конкуренцию не в слишком дальней перспективе и не обольщаться (вариант — не пугать себя) шансами на скорую революцию. Это в полной мере относится и к русским националистам (в их случае революция называется «белой» или «национальной»). И тем не менее федеральная власть оперирует не в безвоздушном пространстве: для удержания власти ей необходимо хотя бы пытаться решать те проблемы, которые видит перед собой общество.

Целый круг таких проблем связан так или иначе с этничностью: это *nation-building*, массовая иммиграция, очень низкий уровень этнорелигиозной толерантности, выливающийся все чаще в уличные беспорядки, и т. д. Важная особенность ситуации в том,

что сама интеллектуальная постановка этих проблем за пределами узкого круга экспертов (антропологов, социологов, политологов) исходит полностью или почти полностью от русских националистов. Подобная ситуация сложилась, по существу, еще в 1990-е годы, и сейчас все постановки этнополитических проблем, значимые в общественном дискурсе, сформированы националистически ориентированными авторами (будь то политики или публицисты; доводилось видеть, как в теленовостях видных праворадикальных активистов представляли в качестве «экспертов по миграции»). В наши дни власть может или строить свою политику, опираясь на этот дискурс, или совершить поистине революционное усилие в попытке изменить его на какой-то другой, более подходящий для ее целей.

Когда мы говорим о формировании «политики властей», о «целях власти», даже если речь идет, как в этой статье, о федеральных властях, следует иметь в виду некоторые

важные уточнения самих этих терминов. Во-первых, «власть» — это не машина, управляемая лично Владимиром Путиным, это широкая группа ответственных чиновников, чьи мнения и интересы могут не совпадать. По особо важным вопросам в группе может быть достигнут консенсус, но это требует либо реального общего согласия (что маловероятно само по себе), либо значительных усилий по установлению консенсуса. Если такая операция не была проведена, единой политики и даже единого целеполагания ожидать не следует. Во-вторых, этнополитика связана с ценностными представлениями людей, а чиновники — тоже люди. Конечно, они прагматичны, но их личные взгляды нельзя сбрасывать со счетов. В качестве первого допущения стоит предположить, что в среднем эта группа разделяет примерно те же взгляды и предрассудки, что и общество в целом. Тем самым на многочисленные вопросы, возникающие в популярном дискурсе об этничности и всем, с ней связанном, власть порождает веер ответов. И именно он и является де-факто «политикой власти».

Официальная этнополитика

Не следует думать, что власть, или Кремль (можно пользоваться и таким условным термином), лишь реагирует на внешние запросы. У него может и должен быть свой интерес в данной сфере. Лидеры постсоветского российского государства не замечены в последовательном проведении какой-то определенной идеологии, так или иначе касающейся темы этничности, хотя в последнее время и сам президент, и другие члены истеблишмента проявляют несколько больше интереса к идеологическим вопросам. Однако можно предположить, что этот интерес заключается в том, чтобы «этнопроблематика» не мешала достижению каких-то значимых для Кремля целей. Иначе говоря, основная задача здесь — укрепление стабильности и управляемости.

Этим можно объяснить основные риторические установки тех, кто выступает от имени федеральной власти. В первую очередь необходимо избегать «международных конфликтов». Кроме того, следует крепить единство России — как территориальное, так и единство ее граждан (в том числе против внешних противников). На уровне намеков, но очень прозрачных, это представлено, например, в последнем президентском послании Федеральному собранию¹. В той же стилистике прозрачного намека указаны и основные внутренние угрозы, препятствующие достижению этих двух основных задач: «обнаглевшие выходцы из некоторых южных регионов России», коррумпированные правоохранители, «этническая мафия» (очевидно, не русская) и русские националисты (многозначительно обозначенные как «так называемые», но тогда какие не «так называемые», президент — пока? — не разъяснил).

Борьба с преступностью (пусть и с «этнической мафией») и коррупцией не являются, собственно, частью этнополитики, так что остаются две основные задачи — укрепление единства, которому грозят, с одной стороны, северокавказские «стихийные националисты», то есть те самые «обнаглевшие выходцы» (и речь тут, вероятно, не только об уличной шпане, но и о более статусных группах, связанных с регионом), а с другой — оппозиционно и агрессивно настроенное движение русских националистов.

Можно обратиться к документу, подготовленному Министерством регионального развития для Дмитрия Медведева сразу после декабрьских беспорядков на Манежной площади 2010-го². Этот документ стал позже основой для «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года», утвержденной указом Президента в декабре 2012-го³, и последующей Федеральной про-

граммы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)», утвержденной Правительством в августе 2013-го ⁴. Доклад, опубликованный в феврале 2011 года, конечно, менее официальный, зато более открытый и понятный.

Там ясно говорится, что основными проблемами являются «слабая общероссийская гражданская идентичность... при все большей значимости этнической и религиозной самоидентификации», «отсутствие обще-

вовсе не означает их несовместимости в рамках политической стратегии.

«Цивилизационный национализм» ⁶ является в современном русском национализме антиподом национализма этнического ⁷. Прагматически он более пригоден для существующего политического режима, чем этнический, поскольку предполагает идеологически мотивированную автократию (того или иного вида), а сама «русскость» определяется через российское государство и его идеологию. Национализм же граждан-

“Предлагаемый сверху национализм — не вполне «цивилизационный»: сама наша «цивилизация» остается весьма смутным образом”.

ственного согласия по вопросу базовых ценностей российского общества», а также активизация радикальных и националистических настроений, всех религиозных течений, массовая иммиграция и, конечно, подрывная деятельность внешних сил разного рода (и намек был, похоже, скорее не на Запад).

Особо отмечались «сложное социокультурное самочувствие русского народа» и «незначительная роль традиционных ценностей». Там же говорилось, что позитивная роль и государства, и некоммерческого сектора очень слаба. Основная цель доклада — принятие необходимого комплекса мер для укрепления общенационального единства в противовес этнической и религиозной мобилизации, в том числе — русскому этнонационализму. Единство же предполагается строить одновременно на принципах гражданской нации и «цивилизационного национализма» ⁵. Возникает вопрос: как возможно такое сочетание? Ведь неоднократно приходилось слышать, что гражданская нация принципиально несовместима с посылками «цивилизационного национализма». Но теоретическая несовместимость концепций

предполагает единство граждан именно как коллективного и активного источника власти в отличие от иных ее возможных источников — племенных кланов, аристократии, церкви, династии, что, казалось бы, не предполагает общую идеологию и исключает авторитарность.

Но ведь власти и не пытаются совместить эти подходы полностью. Они явно не насаждают никакой единой идеологии: определенный отход от демонстративного прагматизма, заметный в последние годы, еще очень далек от того, что можно было бы назвать идеологическим режимом. Так что предлагаемый сверху национализм — не вполне «цивилизационный»: сама наша «цивилизация» остается весьма смутным образом, в ней действительно важно только то, что она существует. С другой стороны, из гражданского национализма берется скорее его «негативная» компонента — исключение каких бы то ни было элитных источников власти, кроме собственно правящей группы, при одновременной апелляции именно к большинству граждан, что и типично для плебисцитарных автократий ⁸. Такой «полугражданский»

национализм как метод нациестроительства отнюдь не исключен, что и продемонстрировала, например, Франция периодов правления Наполеона I и Наполеона III. Задача преодоления региональных или этнических различий при подавлении различий политических при бонапартистских режимах во Франции сравнительно успешно решалась, так что и задачи Кремля не кажутся невыполнимыми.

Однако есть и трудности, и они более или менее прямо признаются в уже упомянутом документе 2011 года. Первая и наименее

быстро нарастающая социальная напряженность. Но для принятия серьезной программы интеграции нужно в первую очередь признать — не только властям, но и обществу, — что массовая иммиграция действительно неотменима, а такого признания пока нет.

Третья трудность — методологическая. Все имеющиеся проблемы интерпретируются довольно прямолинейно, в духе «предотвращения межнациональных конфликтов», то есть стратегическая задача власти, о которой говорилось выше, прямо транслируется в политику. Между тем для реальной профилактики

“Для принятия серьезной программы интеграции нужно признать — не только властям, но и обществу, — что массовая иммиграция действительно неотменима”.

признаваемая трудность — углубляющийся кризис на Северном Кавказе, особенно Северо-Восточном. Дело не только в особо высоком уровне насилия, коррупции и произвола чиновников и силовиков, но и в том, что эти республики по всему укладу жизни все более отдаляются от среднероссийского уклада⁹. Процесс интеграции региона, который медленно и болезненно проводили империя Романовых и Советский Союз, отчетливо повернул вспять. И это, естественно, отражается непосредственно на взаимоотношениях выходцев из этого региона с остальными гражданами. Трудно сказать, верят ли в Кремле, что проводимая сейчас политика может как-то исправить положение, но пока что возникает ощущение, что неспособность решить «проблему Кавказа» является самым уязвимым местом власти.

Вторая трудность — массовая иммиграция. Она неизбежна по ряду причин, которые никакой режим отменить не способен. Это означает необходимость принять миллионы «чужих» и превратить их в «своих», поскольку альтернативой этому может быть только

конфликтов нужен более комплексный подход, неплохо уже изученный в теории и на практике (в самых разных вариантах) в той же Европе. Нельзя сказать, что в России недостает хороших экспертов по этнополитике. Их влияние (и, надо полагать, и авторство некоторых из них) очевидно в упомянутой «Стратегии государственной национальной политики»: среди основных целей этнополитики названы укрепление гражданского самосознания, интеграция мигрантов и противодействие дискриминации (а также обязательное «сохранение многообразия» и лирическая «гармонизация межэтнических отношений»). Дальше в Стратегии написано много правильного, хотя многое, естественно, вызвало бы дебаты, если бы дело дошло до ее активного обсуждения в обществе. Но она не обсуждается. Наверное, потому, что никто особо не верит, что этот документ действительно отражает реальную этнополитику федеральной власти. Когда была опубликована упоминавшаяся выше Федеральная программа, принятая на основе Стратегии, большая часть откликов касалась заложенных в нее сумм, а не ее содержания.

Формулировки программы, естественно, во многом повторяют формулировки Стратегии: в этом документе сочетаются две установки — культивирование этнических особенностей (традиций) и культивирование общегражданского сознания. Кажется, авторы исходят из того, что реальной задачей является реализация второй установки, а реализация первой — дань консервативным настроениям в целом и группам этнически мотивированных активистов и бюрократов, в частности. Если обратиться к списку мероприятий Программы, их легко разнести по этим двум категориям. Некоторые явно выродятся в «показуху», но некоторые, вероятно, принесут пользу целевым группам и даже работают на одну из указанных задач. Пожалуй, Программа выглядит не хуже, чем многие виденные мной проекты НПО в сфере этнорелигиозной толерантности, разве что масштаб покрупнее. Так что и пользы будет тем больше, чем качественнее будут работать вовлеченные в Программу чиновники.

Но вот что полностью выпадает из фокуса Программы, хотя и подчеркивалось в Стратегии, — так это системные меры в таких сферах, как противодействие дискриминации, утверждение равенства граждан перед законом, расширение участия в управлении, снижение уровня коррупции в тех сферах, которые особенно чувствительны для этнической политики, и т. д. В этих сферах федеральная власть легко готова соглашаться, что проблемы есть, но не готова всерьез браться за их решение. Например, на неоднократные рекомендации международного сообщества создать действенное антидискриминационное законодательство власти РФ неизменно отвечают, что все необходимые нормы в наших законах и так есть, хотя легко заметить, что защиту от этнической дискриминации они не обеспечивают¹⁰. Но без системных мер, реально изменяющих среду обитания граждан, трудно изменить состояние их гражданской самоидентификации.

Таким образом, можно констатировать, что федеральные власти ставят перед собой вполне осмысленную задачу в сфере этнополитики, но не прилагают — и пока даже не собираются прилагать — усилий, которые хотя бы теоретически могли быть достаточными для достижения результата. Во многом это происходит, надо думать, по той причине, которая была указана в самом начале статьи, — недостаточной приоритетности темы, вследствие чего властным группам никак не удастся мобилизоваться, преодолеть имеющиеся разногласия и начать формировать реальную политическую линию. Но есть, конечно, и другая причина: этнополитика во многом складывается из тактических реакций на те или иные кратко- и среднесрочные проблемы, а такие реакции не могут сами по себе складываться в единую линию.

Реактивная этнополитика

Первый, и основной, раздражитель для Кремля — Северный Кавказ, где сохраняется заметная вероятность того, что серия локальных столкновений превратится в масштабные военные действия. И речь идет не об исподволь растущем сепаратистском движении, хотя по старинке Кремль опасается, похоже, именно этого, откуда и участвовавшие упоминания сепаратизма президентом Путиным¹¹, а это само по себе ставит под сомнение эффективность политики на Северном Кавказе. Впрочем, последняя — совсем не тема данной статьи, нас интересует скорее отражение этой политики в «метрополии». И основным отражением следует считать тот комплекс негативных эмоций и конфликтных ситуаций, который связан с представителями народов Северного Кавказа за пределами их республик.

Власти принимают меры для предотвращения терактов, ассоциируемых с Кавказом, но в списке источников беспокойства, которое

испытывают граждане, угроза терроризма стоит далеко не на первом месте. На первом месте — претензии к «неправильному поведению»¹². Неправильность понимается гражданами очень широко, от «повышенной криминальности» до нерусской речи на улице, и почти ни с чем из предъявляемых претензий сделать ничего нельзя посредством тех инструментов, которые доступны властям. За преступления и так привлекают всех, кого может привлечь недостаточно профессиональная и чрезмерно коррумпированная полиция. Это относится и к такой популярной — особенно среди молодежи — претензии к «кавказцам», что они в драках часто прибегают к оружию. Полиция и власти вряд ли могут научить каких-то людей, будь они из Махачкалы или из Рязани, не вести себя по-хамски. И уж точно ничего не поделаешь с тем, что люди говорят на том или ином языке¹³. Остается одно — уговоры, и здесь все представители власти сверху донизу повторяют мантру, что надо уважать «местные традиции»¹⁴, хотя никогда не разъясняется, что под этими традициями следует понимать и в какой форме должно выражаться к ним уважение (примечательно, что речь всегда идет о «традициях» этнокультурного большинства, что бы это ни значило, в той или иной местности, то есть утверждается приоритет особенностей местного большинства над особенностями меньшинств и тем более индивидов).

Второй серьезный раздражитель — высокий уровень этнической (религиозной — пока меньше) ксенофобии среди практически всех групп населения. Этот уровень столь высок, что не может не породить крайние проявления. Наиболее заметные и потенциально наиболее опасные для властей проявления — это локальные беспорядки с участием широких масс местных жителей. Модельным примером таких беспорядков стали события в Кондопоге в 2006 году. С тех пор этот сюжет

повторялся много раз с теми или иными вариациями, а националистические организации много раз пробовали инспирировать такие события, хотя чаще без успеха¹⁵. Важно то, что подобные беспорядки со временем происходят все чаще, а в 2013-м случились уже и на московской окраине — в Бирюлево-Западном (этот район в силу своей изолированности похож на небольшой городок).

Никакого способа предотвращать такого рода беспорядки никто пока не придумал¹⁶. Но каждый раз, когда они становятся важным медийным фактом, высокопоставленные чиновники, вплоть до президента страны, начинают делать заявления, направленные на то, чтобы успокоить страсти в среде этнического большинства, которое обозначается как «коренные жители». Заявления бывают самые разные. Это может быть сугубо символический жест вроде поездки Путина на могилу футбольного хулигана Егора Свиридова, чья гибель в уличной драке стала поводом к беспорядкам 11 декабря 2010 года на Манежной площади. Но может быть и популистский закон типа «закона о резиновых квартирах», подписанного в конце 2013-го, и это уже хуже. Ведь в данном случае ради популистской цели — борьбы с фиктивной регистрацией мигрантов — государство ставит в положение правонарушителей сотни тысяч собственных граждан, которые по тем или иным причинам временно «разминутся» со своей регистрацией¹⁷.

Другое радикальное проявление этноксенофобии — систематическое уличное расистское насилие, непрерывно нараставшее с конца 1990-х, со времени появления идеологизированной субкультуры наци-скинхедов. Сами по себе эти группировки и нападения не так уж и беспокоили власти, но после Кондопоги, видимо, была замечена связь между ними и локальными беспорядками, что побудило активизировать полицейскую работу против ориентированных на насилие

расистских группировок. Эти группировки, хотя и выросли на массовых ксенофобных настроениях и видят себя их авангардом, представляют собой самостоятельную и не столь многочисленную среду (по моим оценкам — 15–20 тыс. человек на всю страну, объединенных преимущественно в мелкие группы локального происхождения), так что полицейские меры по отношению к этой среде вполне эффективны. По данным Центра «Сова», полиция в 2007–2010 годах арестовала сотни участников таких групп, и

тяжении уже многих лет эти люди составляют большинство в обществе. Конечно, это большинство никак не структурировано и не имеет политического представительства, но большинство формирует язык, на котором обсуждаются те или иные социальные проблемы, и оно же является объектом популистской заинтересованности политиков.

Прямо играть на этнической ксенофобии для федеральной власти всегда считалось недопустимым, так как это напрямую касалось вопроса стабильности. Оппозиционные

“Представители власти повторяют мантру, что надо уважать «местные традиции», хотя не разъясняется, что под этими традициями следует понимать”.

в результате расистское насилие, достигшее пика в 2008-м, заметно пошло на убыль, особенно в части убийств (так как они в среднем куда лучше расследуются)¹⁸. Важно также отметить, что непосредственной физической угрозы для властей радикальные националисты не представляют. В их среде еще в середине 2000-х годов стали циркулировать манифесты, авторы которых настаивали на том, что атаки на этнические меньшинства не могут быть эффективными, так как миграция слишком массовая, и, следовательно, нужно перейти к «атакам на систему», которая и виновна в миграции. Но атаковать полицию и иные элементы «системы» оказалось слишком опасно. В результате таких нападений было сравнительно немного, и практически все люди в ультраправой среде, активно в это вовлеченные, уже арестованы.

Наконец, третье неизбежное следствие массовой интолерантности — проникновение этих настроений в «большую политику» и в мейнстримный общественный дискурс. Дело даже не в самом количестве людей, нетерпимо настроенных к тем или иным этнически определяемым «другим», а в том, что на про-

партии, и отнюдь не только ЛДПР и КПРФ, могли себе это позволить, но тоже вели себя довольно сдержанно, особенно если речь шла о федеральных избирательных кампаниях¹⁹. Зато в 2000-х допускались маневры, призванные перехватить лозунги и влияние неподконтрольных «уличных националистов», то есть собственно националистического движения. Общеизвестным примером являлась эпопея блока «Родина»²⁰, но не менее существенной была попытка придать некоторые функции «управляемого национализма» прокремлевским молодежным движениям, что практиковалось в 2008–2009 годах²¹. Надо сказать, с тех пор Кремль к этой практике не возвращался. А зарегистрированным в результате медведевской либерализации законодательства о партиях националистическим «Родине» и «Российскому общенародному союзу» в ходе региональных кампаний 2013 года не было оказано никакой поддержки, и участие их оказались практически никем не замеченным.

Иначе говоря, идти навстречу националистической риторике на политическом поле власти не захотели. Но вовсе эту риторику

проигнорировать или что-то ей всерьез противопоставить в широкой общественной полемике они тоже не захотели или не смогли. Даже без детального анализа реплик первых и вторых лиц в последние годы можно заметить, что никакой последовательной и более или менее понятной риторической политики так и не возникло. Вместо этого на слой давно заезженных фраз о «дружбе народов» и «предотвращении межнациональных конфликтов» наложились отдельные и не складывающиеся в единую картину реплики о гражданской нации, с одной стороны,

обоим этим направлениям федеральные власти, не скованные соображениями соблюдения демократических норм, могли бы вполне эффективно противостоять националистам через политический контроль над массовыми СМИ, системой выборов и правоохранительными органами, но это требует продуманной политики, сочетающей внятно сформулированные жесткие запреты и активные мероприятия по противодействию оппонентам. Например, могло бы действовать правило, кого именно нельзя выпускать в федеральный эфир (как оно действует по отношению

“До начала протестного движения в декабре 2011-го русский национализм можно было считать наиболее перспективным политическим течением”.

и об «угрозе миграции» и о «неуважении традиций», с другой стороны (см., например, процитированные выше фрагменты из последнего президентского Послания). Можно сказать, что власти как минимум не оказывают должного сопротивления происходящей проксенофобной трансформации мейнстримного общественного дискурса об этничности.

Как третий раздражитель для федеральной власти можно рассмотреть «политическое крыло» группировок русских националистов²², то есть политическое движение русских националистов и ряд «беспартийных» публицистов, выступающих в том же духе. Спектр русского национализма довольно широк и имеет свою внутреннюю динамику²³, но нас он сейчас интересует только в плане восприятия его из-за кремлевской стены.

Национализм как движение оказывает двоякое влияние. Во-первых, он, повторяясь, формирует тот самый язык, который потом проникает в мейнстрим. Во-вторых, националисты пытаются сформировать реально действующую оппозицию. В принципе, по

ко многим известным оппозиционерам) и какие именно аргументы (и каких спикеров) надо противопоставлять тем, кого в этот эфир выпускают. Но на практике мы такой системы не видим: в эфире федерального ТВ вполне мог появляться в роли народного борца с педофилами знаменитый неонацист Максим (Тесак) Марцинкевич (ныне все же арестованный), и его, собственно, никто и не пытался дискредитировать, коли он уже в эфир попал. Возникает ощущение, что опасения, связанные с националистическим движением, недостаточны, чтобы выстроить механизмы противодействия его влиянию. В результате влияние, или хотя бы — известность, движения растет: стоит сравнить упоминаемость его деятелей до начала «русских маршей» и после, до событий на Манежке в 2010 году и после и т. д. Сами опасения, естественно, тоже растут, но, видимо, недостаточно быстро, чтобы принципиально изменить политику в отношении источника опасений.

При этом реальный масштаб движения русских националистов не так уж велик. Оно статистически почти совпадает с массой

ориентированных на насилие молодежных группировок, что является важной причиной того, что средний ксенофобно ориентированный гражданин затрудняется к этому движению примкнуть. (Хотя не менее важно то, что этот гражданин склонен доверять реализации своих ксенофобных чаяний скорее властям, чем каким-то низовым движениям²⁴.) До начала протестного движения в декабре 2011-го «русские марши» были крупнейшим оппозиционным мероприятием и, соответственно, русский национализм мог пониматься как наиболее перспективное политическое течение, но 6 тыс. на основном столичном «русском марше» (а вокруг этой цифры численность марша колеблется уже три года) теперь не могут считаться показателем перспективного движения. То есть, в принципе, это движение не растет благодаря не столько эффективному противодействию, сколько собственным внутренним ограничениям.

Что-то изменилось в 2013 году

С началом протестного движения можно было предположить, что национализм в нем займет значительное, а то и лидирующее место, если оценивать потенциал по уровню массовой ксенофобии и масштабу уличных мероприятий разных течений оппозиции до 4 декабря 2011-го. Но на практике такие предположения не оправдались. Во-первых, ксенофобные лозунги были мало задействованы и непопулярны в протестном движении²⁵. Во-вторых, подавляющее большинство радикальных националистов не сочли возможным участвовать в общих маршах с либералами и левыми, в результате чего националисты были представлены в этих акциях лишь в малых количествах — на московских маршах их число не бывало, за единственным исключением, больше 500–600 человек, зато не раз было существенно меньше²⁶.

Слабое участие националистов в протестном движении, которое, по крайней мере,

с середины 2012 года стоит называть оппозиционным, не мешало многим считать, что этноксенофобные эмоции как оппозиционный потенциал должны еще себя показать. Больше ничем иным невозможно объяснить то, что лидеры оппозиции продолжали пригласять лидеров националистов, которые устраивали драки на митингах и даже пытались штурмовать сцену. А в феврале 2013-го Координационный совет оппозиции без единого голоса против проголосовал за нелепую по форме националистическую резолюцию в поддержку визового режима со странами Средней Азии.

Функционирование федеральной власти гораздо менее прозрачно, чем функционирование оппозиции, так что мы можем только предполагать, что думали в Кремле о политической перспективности этнонационализма. Но в 2012-м политика в отношении последнего никак не изменилась. Предвыборная путинская статья об этнополитике²⁷ была полностью выдержана в духе общей, описанной выше, линии, а в декабре была утверждена упомянутая выше Стратегия. Кремль принимал самые разные пропагандистские кампании против оппозиции, мог опираться при этом и на откровенно ксенофобные эмоции большинства граждан, как в случае гомофобной кампании, но не менял свои ориентиры в этнополитике. И это казалось тогда чем-то вполне естественным: ведь существенные уступки этнонационалистам могли быть чреваты лишь дальнейшей дестабилизацией ситуации, и потенциальные пропагандистские выгоды не компенсировали предстоящих трудностей в преодолении последствий подобных маневров.

Но с начала или, по крайней мере, с весны 2013 года что-то изменилось. Нельзя сказать, что «вдруг». Нельзя сказать, что перемена была резкой и была вовремя кем-то замечена. Но тем не менее перемена явно произошла. Дело не в полицейских облавах на мигран-

тов, не в депортациях — все это происходило и раньше. И само собой, на количество приезжих в городах, где проводились такие операции, они никак не влияли: на освобожденные рабочие места приезжали новые люди. Сомнительно даже, нес ли бизнес при этом существенные потери. Конечно, замена работников стоит каких-то денег, но с учетом распространенной практики задержки зарплата внезапная депортация — это экономия для работодателя. Изменение заключалось в том, что в 2013-м заметно выросло количество антимигрантских по тону или содержанию заявлений различных официальных лиц, облавы на мигрантов стали более массовыми и их стали активно рекламировать по телевидению. Конечно, в глаза бросалась антимигрантская кампания в Москве, совпавшая с предвыборной агитацией мэра Собянина, но ведь подобные события происходили и в некоторых других — но не всех! — регионах, где выборов в сентябре не было (например, в Санкт-Петербурге).

На данный момент мне неизвестны количественные исследования, которые могли бы продемонстрировать этот прирост публичной антимигрантской компоненты в политике, но едва ли можно отрицать, что антимигрантская кампания в 2013 году имела место²⁸. Отмечу только удивительную динамику правоприменения. Тема «этнической преступности» является одной из популярнейших, но она плохо подтверждается полицейской статистикой, так как официального учета преступников по их этничности не существует. Есть учет идентифицированных преступников по критерию наличия российского гражданства, что позволяет говорить об уровне именно иммигрантской преступности. Так вот, количество выявленных преступников-неграждан в последние годы неуклонно снижалось (с 42,5 тыс. в 2009-м до 35,5 тыс. в 2012 году, но снижалось оно вместе с общим количеством выявленных

преступников и оставалось на уровне около 3,5 проц. по стране. В Москве эта пропорция, естественно, была выше: в 2010–2012 годах она колебалась в районе 20–21 процента. А вот в 2013-м проценты внезапно изменились. Судя по данным за январь-ноябрь, по России процент поднялся до 3,8, а по Москве подскочил до 25²⁹. Трудно поверить, что неграждане стали именно в прошлом году и именно в столице на четверть криминальнее, гораздо легче предположить, что изменилась политика правоохранительных органов по отношению к негражданам.

Последствия изменения политики сверху не замедлили сказаться на политике снизу. Националистические группировки немедленно активизировали свои самостоятельные рейды против «нелегальных мигрантов». Сами по себе рейды как форма умеренно насильственной и при этом безопасной активности ультраправых очень эффективная для привлечения новых соратников, возникли, конечно, давно, и их активизация началась еще в 2012-м. Но размах активности «Русских зачисток», «Щита Москвы», «Светлой Руси» и прочих подобных проектов в 2013 году оказался просто беспрецедентным³⁰.

Параллельно с этим, по наблюдениям Центра «Сова», прервалась длившаяся в 2009–2012 годах тенденция снижения уличного расистского насилия. Это изменение является в первую очередь следствием долгосрочных изменений в практике правоохранительных органов в последние как минимум три года³¹, так что его нельзя рассматривать как следствие антимиграционной кампании, но, так или иначе, это изменение совпало с разгулом полуполициального насилия националистических антимигрантских рейдов. И в совокупности это снова повышает актуальность аспекта насилия в теме русского национализма.

Речь, замечу, идет не просто о движении националистов, политическая влияние

которого по-прежнему очень мала. Масса этого движения — местные молодежные неонацистские (или близкие к ним) группы, которые могут, в принципе, служить катализатором беспорядков, вовлекающих гораздо более широкий круг граждан. На практике это осуществить всегда было непросто: неонацисты активно умножаются в среде крупных городов, в которых трудно мобилизовать обычных жителей, как в Кондопоге или Пугачеве. Но события в Бирюлеве-Западном показали, что все-таки

мотивацию, — за 70 проц. перевалили показатели поддержки лозунга «Хватит кормить Кавказ» и необходимости ограничения иммиграции и депортации «нелегальных» (де-факто чаще всего — просто не сумевших оформить все нужные справки) иммигрантов. Явное большинство граждан отнюдь не руководствуется соображениями гражданского единства: уже 54 проц. считают нужным ограничить проживание в России «выходцев с Кавказа», а 63 проц. прямо говорят, что надо «ограничить приезд... на постоянное

“Действия властей в 2013-м подорвали, если не сказать — разрушили, официальный этнополитический курс на построение надэтнического единства”.

это возможно. Конечно, беспорядки были бы нереальны силами только неонаци: с ними бы легко справился ОМОН. Поэтому критически важно было наличие нескольких тысяч местных жителей в единой толпе. Но именно местные националисты привлекли единомышленников из других районов и вместе с ними составили боевой авангард, без которого беспорядки просто не состоялись бы. Представляется, что бирюлевские события являются наиболее тревожными в ряду сходных с ними, если смотреть на них с точки зрения сохранения контроля.

Прошедший год принес и другую перемену, которую трудно не связать с официальной антимигрантской кампанией, — это резкий, впервые с 2000 года, прирост этноксенофобских настроений³². Суммарная (полная и частичная) поддержка лозунга «Россия для русских» выросла с 56 до 66 процентов. Сумма негативных высказываний о «южанах» достигла 61 проц., что превысило даже показатели времен второй чеченской войны. И это — не говоря уже о суждениях, в которых можно найти не только расистскую, но и какую-то иную (экономическую, например)

место жительства и на заработки жителей других регионов России».

Такие резкие перемены не могли быть вызваны никакими сдвигами в миграции или еще в каких-то измеряемых параметрах — просто потому что резких изменений не было. Единственная явственная перемена — сдвиг в официальном и медийном дискурсе о миграции и об этничности. Потому приходится считать, что эта перемена дискурса и есть причина перемены массовых настроений. Иначе говоря, действия властей в 2013-м (а за смену тона, языка и тематики дискуссий в больших медиа у нас отвечают какие-то власти) сильно подорвали, если не сказать — разрушили, официальный этнополитический курс на построение надэтнического единства.

Произошедший переход от «ксенофобного большинства», сложившегося в начале 2000-х, к «ксенофобному супербольшинству» можно рассматривать по аналогии с пропутинским супербольшинством, возникшим в начале путинского правления. Политически важно и то, что все показатели этноксенофобии в Москве гораздо выше, чем в среднем по стране³³. Такое супербольшинство ведет к исключе-

нию и маргинализации других позиций, других идейных течений. Правда, достижение этого результата происходит не само собой, нужны еще политические усилия. Но пока Кремль не демонстрирует готовности концептуально подержать этноксенофобное супербольшинство.

Чтобы понять, как могут развиваться события дальше, хорошо было бы понять, как возникла, вразрез с официальной этнополитикой, антимигрантская кампания 2013 года. Но пока, как мне кажется, невозможно сказать, что именно ее породило. Нельзя, например, сказать, что это была популистская реакция на популизм и растущую популярность Алексея Навального. Хотя бы потому, что антимигрантская кампания велась не только в Москве и началась в целом еще до избирательной кампании. Я так и не смог понять, почему одни высокопоставленные чиновники активно выступали в рамках кампании, а другие нет. Сказались их личные взгляды? ³⁴ Существуют разногласия между бюрократическими кланами? Чьи-то корпоративные или личные интересы настраивают их за или против каких-то групп? А может, на этом бюрократическом уровне многие обратили, наконец, внимание на то, что российские граждане этнополитикой властей недовольны, и решили, что пора предпринять какие-то «показательные меры».

Можно только заметить, что чиновник среднего уровня вряд ли ощущает себя ответственным за всю политику государства, касающуюся этничности (по крайней мере, если он сам не работает в соответствующем департаменте). Поэтому мэру Москвы, хотя политически он не региональный лидер, а часть федеральной власти, легко говорить, что он против интеграции рабочих из Средней Азии ³⁵: ему же не надо думать о проблемах путинского евразийского проекта, заниматься собственно регулированием миграции или пытаться реинтегрировать Северный Кавказ (хотя это и другая тема).

Не видно следов того, что президентская администрация выступила режиссером кампании, а с другой стороны, она ее и не пресекала ничуть, даже сам президент Путин настойчиво повторял, что облавы на мигрантов — это всего лишь соблюдение законности ³⁶. Получается, что Кремль кампанию не инициировал, но и не усмотрел в ней угрозы его же собственной политике. А ведь угрозы, вроде, очевидны: растущий накал этнической вражды подрывает политическое единство нации, нарастающее отторжение иммигрантов из Средней Азии идет вразрез с тем же евразийским проектом. Видимо, это надо понимать как очередной отложенный стратегический выбор. Точнее, речь идет сразу о нескольких выборах, взаимосвязанных, но лежащих в разных плоскостях, и я здесь назову лишь некоторые.

Кремль может расширить или сузить партийно-политический плюрализм. В частности, вполне реально в «ручном режиме» отрегулировать допуск тех или иных националистических сил на политическую авансцену, не исключена также и поддержка одних таких сил против других. И любой сценарий, кроме полного исключения, будет означать возможность переключения надежд части ксенофобно ориентированных избирателей с «партии власти» на те или иные партии националистов, что вернет политический национализм, по крайней мере, на уровень 2005 года.

В целом стоит заметить, что, хотя сам по себе рост ретроградных и примитивизирующих представлений является следствием деполитизации общества, «возвращение политики» дает позитивный в этом смысле эффект отнюдь не сразу. Сперва накопленные и не репрезентированные должным образом представления должны быть выплеснуты на политическую сцену. И этого этапа, рано или поздно, не избежать. А пока перед властями стоит выбор, как реагировать на учащающиеся беспорядки, менять ли поли-

цейскую политику по отношению к идеологизированному уличному насилию, менять ли политику цензурирования национализма в больших масс-медиа и т. д.

Кремль (понимаемый здесь как совокупная воля правящих групп) может принять перемены 2013 года как данность и основывать далее свою политику на представлениях «ксенофобного супербольшинства». Этот путь чреват значительными потрясениями, но он все же может быть избран, если покажется единственно возможным для сохранения власти.

Кремль может осознать опасность, связанную с дальнейшим разогреванием этнической тематики, и провозгласить какую-то системную программу противодействия этнонационализму и этноксенофобии. Это возможно только в случае, если будет предпринято упомянутое в начале этой статьи усилие по установлению эффективного консенсуса в правящих кругах — не только на уровне концептуальных рассуждений в духе нынешней Стратегии, но и в виде практических

программ, направленных на интеграцию внутренних и внешних мигрантов, на переход от популистских метаний в вопросе «регулирования миграции» к реалистической миграционной политике, на систематическую борьбу с этнической дискриминацией и т. д. Такая политика не была бы легкой, но и безнадежной ее считать нельзя: сочетание сохраняющегося авторитета власти с наработанными в иных странах методами могло бы со временем дать позитивный эффект. Но, кажется, проблема в том, что такой результат слишком неочевиден и слишком отдален, чтобы нынешняя федеральная власть могла на него практически ориентироваться.

Может быть, реалистичнее предположить, что в разных сферах, имеющих отношение к этнополитике, будут приняты разные и никак не соотносящиеся друг с другом решения. Наконец, федеральная власть может не принимать никаких существенных решений вообще. И почему-то именно этот сценарий кажется наиболее вероятным. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Послание Президента Федеральному Собранию // Сайт Президента РФ. 2013. 12 дек. (<http://www.president.kremlin.ru/news/19825>).

² Текст доклада доступен на сайте министерства: Доклад Государственного Совета Российской Федерации. О мерах по укреплению межнационального согласия в российском обществе // Сайт Министерства регионального развития. 2011. 29 марта (http://www.minregion.ru/activities/international_relations/national_policy/505/902.html).

³ Указ и текст Стратегии доступны на сайте Президента (<http://text.document.kremlin.ru/SESSION/PILOT/main.htm>).

⁴ Постановление Правительства и текст Программы доступны на сайте Правительства (<http://government.ru/docs/4022>).

⁵ Более подробный анализ этого документа и предшествующей ему риторической практики верховной власти см.: *Верховский А.* Современное дис-

курсивное противостояние русских националистов и федеральных властей // Вестник общественного мнения. 2011. № 4 (110). С. 5–18.

⁶ *Паун Э.* Россия между империей и нацией // Pro et Contra. 2007. № 3; *Шнифельман В.* Время цивилизации: Цивилизационный подход как национальная идея // Российская модернизация: Размышления о самобытности. М.: Три квадрата, 2008. С. 198–232.

⁷ К этой теме возможны различные подходы. Мой подход см.: *Верховский А.* Эволюция постсоветского движения русских националистов // Вестник общественного мнения. 2011. № 1 (107). С. 11–35.

⁸ К России этот термин применял, например, Леон Арон: *Aron L.* Putin's Risks // American Enterprise Institute for Public Policy Research Review. Winter 2005 (www.iet.ru/files/text/guest/Aron/Putins_Risks.pdf).

⁹ См., например, недавний доклад *International Crisis Group* «Северный Кавказ: Сложности интегра-

ции (III): государственное управление, выборы, верховенство права» // Сайт ICG. 2013. 6 сент. (<http://www.crisisgroup.org/~media/Files/europe/caucasus/Russian%20translations/226-the-north-caucasus-the-challenges-of-integration-iii-russian.pdf>).

¹⁰ *Осинов А.* Что такое этническая дискриминация и что с ней можно сделать? М.: Центр «Сова», 2012. С. 115–129.

¹¹ Даже в последнем Послании сразу после «русских националистов» в кавычках шли «разного рода сепаратисты» уже без кавычек: Послание Президента Федеральному Собранию // Сайт Президента РФ. 2013. 12 дек. (<http://www.president.kremlin.ru/news/19825>).

¹² Межнациональная нетерпимость в городской молодежной среде (по следам событий на Манежной) // Сайт Общественной палаты РФ. 2011. Апр. (<http://www.oprf.ru/files/oprosmolodezh.pdf>). С. 17.

¹³ Хотя попытки есть: сейчас в Думе находится на рассмотрении законопроект, запрещающий сотрудникам сферы обслуживания говорить не по-русски на рабочем месте.

¹⁴ На эту тему цитировать можно бесконечно, поэтому ограничусь ссылкой на президента: Мигранты должны уважать традиции и культуру России — заявил Путин // РИА «Новости». 2013. 6 нояб. (<http://ria.ru/society/20131106/975124538.html>).

¹⁵ Эта политическая практика названа в докладах Центра «Сова» «кондопожской технологией». Обо всех значимых событиях такого рода можно прочитать в соответствующих главах ежегодных докладов, которые доступны на сайте Центра: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/>

¹⁶ Выдвинутую после Бирюлева идею переложить ответственность за «межнациональный мир» на безвластные муниципальные органы трудно считать разумной.

¹⁷ См., например, комментарий Светланы Ганнушкиной: Пропиской по «резиновым» квартирам // Радио «Свобода». 2013. 3 февр. (<http://www.svoboda.org/content/article/25196750.html>). Этот закон отражает и более широкую тенденцию, которая стала особенно актуальной в законодательстве 2012–2013 годов: такие законы делают «противозаконными» столь массовые действия, что сугубо избирательное правоприменение, равно

пригодное для любого рода преследований и для коррупции, становится просто неизбежным.

¹⁸ Данные Центра «Сова» по расистскому насилию, конечно, далеко не полны, но в силу стабильности методики могут быть использованы для анализа тенденций. Если с 2004 по 2008 год зафиксированное нами количество жертв преступлений, которые наверняка были мотивированы этнической ненавистью и подобными мотивами, выросло с примерно 270, из которых 50 были убиты, до примерно 615, из которых 116 были убиты, то потом к 2012-м цифры снизились до 210 и 19 соответственно. Самая свежая на момент написания этой статьи опубликованная статистика доступна в приложении к докладу: *Альперович В., Юдина Н.* Праворадикал расправил плечи: Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в России в 2013 году // Полит.ру. 2014. 14 февр. (<http://polit.ru/article/2014/02/14/xeno>).

¹⁹ См. например: *Кожевникова Г.* Язык вражды и выборы: Федеральный и региональный уровни: По материалам мониторинга осени-зимы 2007–2008 годов. М.: Центр «Сова», 2008. С. 56–70.

²⁰ *Титков А.* Партия номер четьгире: «Родина» и окрестности. М.: Центр «Панорама», 2006.

²¹ *Кожевникова Г.* Ультраправые тенденции в прокремлевских молодежных движениях // Русский национализм между властью и оппозицией. М.: Центр «Панорама», 2010. С. 4–17.

²² Организации этнонационалистов тех или иных меньшинств имеют сейчас только региональное значение и поэтому в данной статье не рассматриваются, хотя тема сама по себе заслуживает самого серьезного изучения.

²³ Эта динамика систематически анализируется в докладах Центра «Сова».

²⁴ Об этом мне довелось писать с опорой на опрос, проведенный РОМИР по заказу международного академического проекта «Национализм и национализм в современной России»: *Верховский А.* Мигрантофобия и ее политический потенциал // Ведомости. 2013. 14 авг. (доступно: <http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2013/08/d27668/>).

²⁵ Опрос на «Марше против подлецов» 13 января // Левада-Центр. 2013. 7 февр. (<http://www.levada.ru/07-02-2013/opros-na-marshe-protiv-podletsov-13-yanvarya>).

²⁶ Публичная активность националистов этого периода подробно описана, см.:

Альперович В., Верховский А., Юдина Н. Между Манежной и Болотной: Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2011 году // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2011 году. М., Центр «Сова», 2012. С. 30–37; Альперович В., Юдина Н. Ультраправые на улицах: с плакатом за демократию и с ножом в кармане: Ксенофобия и радикальный национализм и противодействие им в 2012 году // Ксенофобия, свобода совести и антиэкстремизм в России в 2012 году. М., Центр «Сова», 2012. С. 19–30; Они же. Праворадикал расправил плечи...

²⁷ Путин В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.

²⁸ Могу сослаться на диалог на эту тему некоторых членов президентского Совета по правам человека на встрече с Президентом: Заседание Совета по развитию гражданского общества и правам человека // Сайт Президента РФ. 2013. 4 сент. (<http://www.kremlin.ru/news/19146>).

²⁹ Данные приводятся по сайту Генеральной прокуратуры (<http://crimestat.ru>).

³⁰ Альперович В., Юдина Н. Праворадикал расправил плечи...

³¹ Эта проблематика обсуждается в том же докладе.

³² Это четко зафиксировано в осеннем опросе Левада-Центра: Россияне о миграции и межнациональной напряженности // Левада-Центр. 2013. 5 нояб. (<http://www.levada.ru/05-11-2013/rossiyane-o-migratsii-i-mezhnatsionalnoi-napryazhennosti>).

³³ Данные того же опроса показали поддержку лозунга «Россия для русских» в Москве на уровне 82 процентов. Правда, Денис Волков на семинаре Центра изучения проблем гражданства и идентичности подчеркивал в своем докладе «Антимигрантские настроения и “негражданский” протест в России», что к цифрам по Москве следует относиться с осторожностью. Но повышенный уровень ксенофобии в столице известен и по другим опросам, например, по упоминавшемуся выше опросу РОМИР.

³⁴ Между прочим, тот же опрос Левада-Центра показал повышенный уровень этнической интолерантности в группе «руководители». Об этом подробно говорил Д. Волков там же.

³⁵ «Вся эта политизация ничего хорошего не даст» // Власть. 2013. 21 окт. (<http://www.kommersant.ru/doc/2321493>).

³⁶ См. ту же стенограмму встречи Президента с Советом по правам человека.

Ксенофобия и национализм в эпоху российского безвременья

Власть препятствует самоорганизации общества, все упорнее заменяя ее сплочением на основе страхов пред врагами внешними и внутренними | ЭМИЛЬ ПАИН

П рисутствие во всех толковых словарях русского языка слова «безвременье» указывает на его типичность — как для языка, так и для российской истории. При этом ни у лингвистов, ни у философов нет существенных разногласий в трактовке этого термина, понимаемого как «тяжелые времена», «эпоха общественного застоя». Основным содержанием такой эпохи является отсутствие образа позитивного будущего у большей части общества: «Его грядущее — иль пусто, иль темно». В стихах Лермонтова, написанных в 1838 году, за этой строкой следует описание характерного для *безвременья* состояния общественной апатии и политической сервильности:

К добру и злу постыдно равнодушны,
В начале поприща мы вянем без борьбы;
Перед опасностью позорно-малодушны,
И перед властью — презренные рабы ¹.

Впоследствии Гебриел Алмонд и Сидни Верба назвали подобный тип сознания подданнической культурой, противоположной культуре гражданского участия ². Еще позже

социолог Роналд Инглхарт определил этот же тип сознания как культуру простого выживания — «самосохранения», в противоположность стадильно более высокой культуре развития — «самовыражению» ³. Так или иначе, в начале второго десятилетия 2000-х годов в России отчетливо проявляется важнейший признак застоя-безвременья: *общество осознает отсутствие перспектив*. Это признается даже в кругах, близких к государственному истеблишменту. Например, руководитель ВЦИОМ Валерий Федоров, походя оценивая уменьшающиеся политические перспективы «белоленточной» оппозиции, вынужден констатировать в январе 2014-го отсутствие перспективных ориентиров и у нации в целом («теперь мы, по сути, топчемся на месте»). Для массового сознания россиян характерна апатия, «разброд и шатание» и преобладающая ориентация на простое выживание и возвращение («порой достаточно искусственное») к архаическим, патриархальным ценностям, целенаправленно противопоставляемым ценностям модернизации ⁴.

В условиях, когда власть не способна предложить обществу перспективу позитивного

будущего, единственным способом сплочения оказывается мобилизация против общего врага. Следствием этого являются различные формы враждебности к «чужому» — в России нарастает ксенофобия. Кто-то назовет это ростом русского национализма, поскольку в обыденной речи термины «ксенофобия» и «национализм» используются как синонимы, но это ошибочное толкование. Так случилось, что в феврале—марте 2014-го в период наивысшей, по крайней мере, за последние четверть века накачки российского общества идеями ненависти к врагам в связи с политическим кризисом на Украине, основным объектом ксенофобии стали как раз националисты, правда не русские, а украинские, которых часто называют «фашистами-бендеровцами» и «агентами влияния Запада». Такой «антинационализм» косвенно затронул и русских националистов. Некоторые из них воспринимают нынешнюю официальную пропаганду ксенофобии как враждебную себе. Их отношение к событиям на Украине, к Евромайдану, как мы еще покажем, оказалось не таким как у российской власти и поддерживающей ее части (большинства) российского общества. Не исключено, что в будущем провластные ксенофобы и многие русские националисты могут оказаться по разные стороны политического водораздела. Политическое размежевание представляется мне все более вероятным в связи с последними событиями на Украине и действиями России в украинском кризисе. Так или иначе, вопрос о месте русского национализма в российской политической жизни, как сегодняшней, так и завтрашней, остается открытым и весьма актуальным.

Украинские события дают возможность четче обозначить смысловые границы понятия «эпоха безвременья». По мере втягивания России в украинский кризис и особенно в ситуацию на Крымском полуострове в марте 2014 года стало заметно, как из ненависти к

общему врагу (Майдану, украинским националистам и Западу) вырастает подобие политической перспективы, предъявляемой российскому обществу. Эта перспектива — «возвращение России Крыма». Возможно, из этого исторического эпизода сформируется долгосрочная целевая установка властей на территориальную экспансию — возврат в состав России и других русских земель. В нынешних исторических условиях представляется маловероятным, что власть может выдвинуть (и тем более реализовать на практике) широкие имперские цели в отношении территорий за пределами Крыма. Тем не менее в сугубо теоретических целях отмечу, что в указанном случае Россия выйдет из состояния безвременья. Как говорилось выше, основным его содержанием является политическая апатия, демобилизация общества в условиях отсутствия ясных перспектив развития страны — перспектив любого типа, как созидательных, так и разрушительных, милитаристских, экспансионистских. В нашей тарковке, безвременье — это преходящее историческое явление, характерное для эпох политического и социального застоя, обычно следующее за периодом фрагментарных реформ и предшествующее по крайней мере в некоторых случаях эпохам революционных перемен.

У меня нет сомнения в том, что после «крымских событий» марта 2014-го политическая ситуация в России будет меняться и эпоха «безвременья» сравнительно быстро уступит место какой-то другой, однако статья была написана в основном до этих событий. В ней излагаются результаты коллективного исследования, проведенного для выявления взаимосвязи между рядом важных признаков российского безвременья, сложившегося в первой декаде 2000-х, и процессами нарастания ксенофобии, а также для показа сложной динамики национализма в российском обществе. Нас интересовала эта взаимосвязь у представителей этнического большинства,

составляющего 80 проц. населения России. Приступая к исследованию, мы исходили из предположения, что безвременье, безусловно, способствует подъему ксенофобии. Но мы не ожидали, что взаимосвязь национализма и безвременья окажется столь неоднозначной.

Причудливые последствия «психологии осажденной крепости»

Начну с экспозиции нынешнего состояния общества в рассматриваемой сфере. Мониторинговые исследования Левада-Центра показывают, что сложившийся к концу 2013-го уровень ксенофобии в разных ее проявлениях беспрецедентно высок – выше, чем когда-либо за последнее десятилетие.

Особенно заметно возросла подозрительность россиян в том, что касается внешних врагов России, прежде всего Запада, что в значительной мере является результатом официальной пропаганды. При этом антизападная риторика особенно активна, поскольку использование других направлений мобилизационного сплочения существенно ограничено. С так называемыми «происками Запада» официальная пропаганда связывает все расширяющийся спектр угроз. Ныне это не только активность правозащитников (сплошь «иностранных агентов»), но и подъем «белоленточного» или «оранжевого» движения, а в последнее время даже теракты в России, хотя в реальности исламистские тер-

рористы настроены еще более антизападно, чем российские силовики. Под воздействием пропаганды происходит и расширение представлений россиян о географии «происков». Если еще в 2012 году основной «внешний враг» прочно ассоциировался в сознании с США, то в 2013-м, особенно осенью, когда началась информационная кампания по предотвращению сближения Украины с ЕС, резко ухудшилось восприятие россиянами Европейского сообщества, которое стало восприниматься как враждебное.

Резко выросла и неприязнь к мигрантам из южных республик бывшего СССР, а также из северокавказских республик России. В то же время популярность лозунга «Россия для русских» растет без значительных всплесков, монотонно и последовательно вот уже четверть века⁵. Как отмечали социологи Центра стратегических разработок (ЦСР) в июле 2013-го, «показатель тревожности в российском обществе оказался чрезвычайно велик». Тогда чувство тревоги испытывали 65 проц. россиян, а среди респондентов-москвичей «тревожных» оказалось еще больше – 84 процента. При этом россияне говорили, что страх и недовольство у них вызывают Запад, абстрактные чиновники и мигранты⁶.

Мы еще не один раз вернемся к причинам заметного скачка ксенофобии, пока же отметим, что массовое сознание большей части россиян демонстрирует признаки «психо-

Таблица 1

ПОКАЗАТЕЛИ ПРОЯВЛЕНИЙ КСЕНОФОБИИ В РОССИИ (В ПРОЦ. К ЧИСЛУ ОПРОШЕННЫХ)					
Годы	2004	2009	2011	2012	2013
Есть ли у России враги?	65	69	70	63	78
«Россия для русских» (разные уровни поддержки лозунга)	55	54	55	56	66
Раздражение, неприязнь и страх по отношению к выходцам из Средней Азии и Кавказа	48	33	39	47	59

Источник: Левада-Центр

логии осажденной крепости», для которой характерны многочисленные фобии по отношению к внешним и внутренним «врагам». В современных российских условиях возникновение такой массовой психологии кажется вполне закономерным. Удивительно, однако, что при бурном росте ксенофобии у представителей этнического большинства в его среде не наблюдается, казалось бы, неизбежного подъема организованного русского национализма.

Пора определиться с тем, что же мы понимаем под термином «национализм». В рамках

националистической консолидации и поэтому переходят из сферы массовой ксенофобии также и в сферу идейного, политического национализма. Однако такая трансформация характерна в неодинаковой мере для разных типов национализма, а главное, она не отражает специфику националистической идеологии. Нам ближе ее политологические определения, в частности, те, которые восходят к теории народного суверенитета. Их развивал еще Жан Жак Руссо более чем два века назад, а ныне разделяют современные неолиберальные философы⁸. В соответствии

“Антизападная риторика особенно активна, поскольку использование других направлений мобилизационного сплочения существенно ограничено”.

данной статьи нет возможности дать даже самый краткий обзор многочисленных и во всех случаях весьма спорных определений и типологий национализма, накопившихся в мировой науке с начала прошлого века⁷. Отмечу лишь несколько особенностей, отличающих используемую здесь дефиницию от наиболее распространенных в России обыденных представлений о национализме. Во-первых, мы различаем *национализм* как систему концептуально оформленных идей и *ксенофобию* как дорассудочную (предрасудочную) форму массового сознания, воспринимающего «чужака» (в социальном или культурологическом смысле этого слова) с недоброжелательностью разной интенсивности — от настороженности до ненависти. Во-вторых, наше определение национализма расходится с тем оценочным и сугубо негативным подходом, который распространен в России — с трактовкой национализма как идеи превосходства одной этнической общности (этнической нации) над другой. Разумеется, психологические противопоставления «мы — они», «свой — чужой» важны для

с этой теорией, народ-нация является единственным источником суверенной власти в государстве, а национализм как политическая сила настаивает либо на соединении нации и государства в тех случаях, когда народ лишен своей государственности, либо на закреплении ведущей роли нации в сложившемся государстве. Как отмечает один из ведущих теоретиков современного русского национализма Константин Крылов, «национализм считает, что государство — ценность вторичная. Страна существует для народа, а не народ для страны»⁹. В политическом смысле последовательный национализм противоположен имперской идеологии, отстаивающей не народный суверенитет, а суверенитет повелителя (*imperator*). В этом качестве может выступать монарх или олигархическая группа. Однако в трактовках понятия «народ-нация» существуют различия. В концепциях *этнического национализма* статус государствообразующей нации присваивается какой-то одной этнической общности (*ethnicity*), тогда как *гражданский национализм* рассматривает в качестве государствообразующей нации все

гражданское сообщество (*nationality*) вне зависимости от этнических или иных культурных различий между гражданами. Гражданский национализм, как показали многочисленные примеры формирования государств-наций, способствовал объединению различных этнических, религиозных и социальных слоев общества ради достижения общих политических целей. Этнический же национализм, напротив, раскалывает гражданское единство и опирается на ксенофобию как важнейший источник мобилизации и сплочения

и правыми, красными и черными, антизападными и прозападными. И все же важнейшей причиной политической слабости русского национализма, на наш взгляд, является то, что федеральные и региональные власти разоружили националистов идейно, перехватив у них наиболее популярные лозунги.

Так или иначе, политическое влияние самодеятельного русского национализма не растет даже в условиях взрывного подъема этнических и религиозных фобий в России. Численность участников «Русского марша»,

“Русским националистам, несмотря на рост ксенофобии в России, не удалось за последние двадцать лет оформиться в сильное политическое движение”.

своих сторонников. Вместе с тем наличие психологических ресурсов политической мобилизации не всегда создает возможность их реального освоения в политической практике. Вот и русским националистам, несмотря на рост ксенофобии в России, не удалось за последние двадцать лет оформиться в сильное политическое движение.

Мы еще вернемся к причинам этого явления, пока же отмечу лишь те, которые связаны с действиями государственной власти. Ей удалось последовательно разрушить крупнейшие организации русских националистов, которые в разные годы претендовали на роль ведущей силы и объединителя националистических партий и движений в России. В 1990-е это было общество «Память», затем Общероссийское общественное патриотическое движение «Русское национальное единство» (РНЕ). В начале 2000-х власти сумели расколоть, обезглавить и поставить вне закона движения наци-скинхедов, а к 2011 году — «Движение против нелегальной иммиграции» (ДПНИ). Националистам не удается преодолеть идейные расколы и противоречия, существующие между разными течениями: левыми

которая является основным показателем организационной и политической сплоченности русского национализма, не увеличивается, по крайней мере в Москве¹⁰. Исследования Института социологии РАН показывают, что политическая поддержка русского этнического национализма к 2011-му остановилась и в ближайшем будущем, по мнению этих экспертов, не вырастет¹¹. По данным исследования, выполненного агентством социальных технологий «Политех» в мае—июле 2013-го, за партию русских националистов на выборах в Госдуму проголосовало бы не более 6 проц. граждан¹². В какой-то мере этот вывод подтверждается и результатами опросов Левада-Центра, показывающими, что в настоящий момент ни одна политическая сила в России, за исключением партии власти, не может на федеральных выборах рассчитывать на поддержку более чем 10 проц. респондентов¹³. В интернет-аудитории доля поддерживающих политические силы, не входящие в партию власти, как правило, оказывается чуть выше, чем в среднем по общероссийской выборке, но различия эти очень незначительны.

На основе анализа массовых интернет-сообществ и элитарных групп в блогосфере руководимая мной исследовательская группа пыталась определить идеологический портрет современной России. Методология этого исследования подробно изложена в нашей коллективной статье¹⁴. В массовом Интернете («ВКонтакте») идеологическая направленность групп легко узнается по названию вроде «Я русский», «Наша Родина – Советский Союз», «Коммуна» и т. п. Их изучение позволило нам сосредоточиться на тех социальных феноменах, которые обычные опросы общественного мнения не выявляют. Например, мы выделили наиболее популярные и устойчивые темы обсуждений в различных интернет-сообществах, а также ключевые, специфические только для данного сообщества слова и смысловые конструкции.

Мы идентифицировали четыре узнаваемых «лица»: либеральное, левое, националистическое и провластное. И так же, как в исследованиях Левада-Центра, наиболее многочисленной оказалась группа поддерживающих партию власти. После детального изучения мы дали ей другое название – «материковая масса советских людей». Это те люди, которые всегда в большинстве и всегда составляют опору власти, даже если политический режим радикально изменяется. Сегодня они поддерживают партию «Единая Россия» и близкие ей партии типа партии Владимира Жириновского (ЛДПР), а также религиозно-православные группировки, но в 1990-е многие из этих людей поддерживали партию «Наш дом – Россия», созданную Борисом Ельциным, а в свое время – и либералов Егора Гайдара и Анатолия Чубайса. Впрочем, все четыре идеологических течения не новые, они появились в России еще в начале XX века и сохранились в исторической памяти, несмотря на более чем семидесятилетнюю монополию в СССР одной партии – коммунистов.

Конформизм – вот свойство, которое, прежде всего, отличает самое многочисленное постсоветское социальное сообщество, использующее в качестве главного признака самоописания словесную конструкцию «мы – большинство» или «мы как все». Другой характеристикой этой инертной массы, самого крупного осколка имперского, советского общества, является спрос не только на «хлеб и зрелища», но и на страх. Отмечу, что у каждой из четырех выделенных групп выявился свой тематический конек, своя область интереса. Левые проявляли наибольший среди всех групп интерес к идеологии, теории идейных течений; националистов сильнее других привлекают вопросы самоорганизации и здорового образа жизни (что неудивительно); а либералов – общение как таковое, беспредметный «стеб». Советские конформисты лидируют по интересу к различного рода *story*. Более 70 проц. всего контента социальных медиа в этой группе занимают обсуждения и перепосты повествований различного рода, среди которых особенно популярны разные «страшилки»: об эпидемиях и стихийных бедствиях; о столкновениях Земли с взвешенными объектами; мистические страхи конца света и, разумеется, угрозы завоевания России внешними врагами.

Пятерка самых популярных, то есть часто обсуждаемых среди пользователей Рунета, политических публикаций и телевизионных передач за 2012 год включает в себя материалы о заговоре Запада против России:

Фурсов А. Сирия дальний рубеж России (с 4.06.2012 по 11.06.2012). *Он же.* Бьют по Сирии, а целятся в Россию! (с 6.08.2012 по 13.08.2012);

Якименко В. О возможности повторения в России «Ливийского варианта» (с 22.08.2011 по 29.08.2011);

Дугин А.: Армия сатаны атакует: о происках Запада в России (с 3.09.2012 по 10.09.2012);

Мамонтов А. Фильм «Шпионский камень» (с 16.01.2012 по 23.01.2012) о сотрудничестве российских правозащитников с английской разведкой;

Серия статей, посвященная критике вступления России в ВТО (в течение всего года).

Важная особенность группы «советских конформистов» в Рунете в том, что она не только самая консервативная, но и самая старая по возрасту. В этом смысле она диаметрально отличается от русских националистов — самой молодежной группы в Сети.

тического крыла русских националистов в той или иной форме поддержали ненавистный российским властям Майдан. Наиболее последовательно это сделал «Национал-демократический альянс» (НДА). Лидер этой организации Алексей Широпаев в своем Живом Журнале сравнивал Майдан с восстанием против Орды и оценивал киевские события как цивилизационное историческое событие, освобождение славян от дикости¹⁵. С большей осторожностью оценивали Майдан русские националисты, группирующиеся

“Представители власти, прежде всего региональной, сумели перехватить у националистов популярные ныне идеи ограничения миграции”.

Различаются они и по отношению к действующей власти — националисты из сторонников власти все в большей мере превращаются в ее критиков.

Российская власть, перехватывая наиболее популярные идеи русских националистов, казалось бы, должна была стать ближе им идейно, но такой вывод не соответствует реальности. Во-первых, власти всех уровней стремятся подавить общественную самоорганизацию, и это не может не затрагивать и организации русских националистов, подвергающиеся тем или иным формам репрессий, что, разумеется, вызывает недовольство их членов. Во-вторых, власть идейно сближается лишь с одним из течений русского национализма, наиболее архаичным его проявлением — имперским национализмом, шовинизмом, и одновременно отдаляется от тех направлений, которые позиционируют себя как «национал-демократы». При этом предмет разногласий власти с частью националистов может оказаться весьма неожиданным — например, таким предметом разногласий стали события в Киеве в начале 2014 года. Представители национал-демокра-

вокруг Национал-демократической партии (НДП), но и они не скрывали своей поддержки Майдана, видя в нем, прежде всего, доказательство значительной политической роли этнических националистов в украинском обществе. С таких позиций «Похвальное слово Майдану» написал один из лидеров этой партии Владимир Тор¹⁶. Однако, когда российская власть заявила о готовности присоединить Крым к России, ряды ее оппонентов из числа русских националистов стали быстро редеть. Среди немногих националистических группировок, которые осмелились и тут проявить оппозиционность, наиболее заметным оказался НДА. Вместе с тем и другие русские националисты, даже в пылу радости по поводу возвращения русского Крыма, не хотят утратить политическое лицо и раствориться в общем хоре голосов, поддерживающих «мудрую власть». Поэтому та или иная мера оппозиционности по отношению к власти присуща многим представителям русского национализма. Например, с публичной критикой власти по крымской теме, неожиданно для многих аналитиков, выступил Дмитрий Дёмушкин,

лидер крупного националистического движения «Русские». Он усомнился в том, что российская власть стремится защитить русских в Крыму, поскольку она не защищает их в России. По его мнению, отторжение Крыма от Украины — это месть российских властей за Майдан, революцию, свергнувшая власть жуликов и воров¹⁷.

Еще заметнее расхождение позиций власти и русских националистов во внутренней политике. Представители власти, прежде всего региональной, сумели перехватить у националистов популярные ныне идеи ограничения миграции. Однако при этом власть имущие сознательно используют широкое толкование миграции, чтобы растворить в ней проблему российских граждан, выходцев из республик Северного Кавказа; русские же националисты, напротив, особо выделяют проблему кавказцев в российских городах и республик этого региона в России. Визитной карточкой русских националистов стали лозунги: «Хватит кормить Кавказ» и «Кавказ не Россия». Странники этих призывов руководствуются не только этническими стереотипами, предрассудками в отношении кавказцев, но и вполне рациональными соображениями, вытекающими из анализа неоправданных диспропорций в распределении бюджетных средств между русскими регионами и республиками Северного Кавказа, в которых, к тому же, и наивысший в стране уровень нецелевого использования средств.

В связи с нарастающей критикой северокавказской политики властей происходят перемены в идейных основах русского национализма, который зарождался и на протяжении многих десятилетий был охранительным по отношению к самодержавию и имперскому устройству. Ныне же он становится все в большей мере антиавторитарным и антиимперским. В этом сторонники русского национализма резко расходятся с основной группой защитников нынешней

власти, сторонников не только сохранения, но и ужесточения имперского порядка. По многим признакам выходит, что сегодня в России вовсе не националисты являются главными потребителями идей ксенофобии. Во всяком случае, в риторике представителей национал-демократии в категории этнически «чужих» оказывается меньше «врагов», чем у политически противоположной им общности старых советских конформистов, бывших имперских интернационалистов, для которых слово «националист» — бранное.

Мифология стабильности

В упомянутом интервью директора ВЦИОМ излагается идея о том, что застой, переименованный служивыми аналитиками в «стабильность» и «безопасность», является необходимым трамплином к последующей модернизации, в том числе и политической¹⁸. Эта интеллектуальная эквилибристика о зastoе как источнике развития напоминает положение советского истмата об изживании государства в процессе его укрепления. Но ведь и независимые аналитики называют политически стабильным период, наступивший после спада активности оппозиции в России. Мы же предлагаем другую версию оценки этого периода — как смены форм нестабильности.

Центр стратегических разработок в июле 2013-го представил доклад, в котором отмечал, что «за год после политических протестов, если взять последней его датой события на Болотной площади 6 мая 2012 года, президент Владимир Путин, “Единая Россия” и в целом власть смогли “успокоить” население»¹⁹. Вместе с тем авторы этого доклада обратили внимание на совершенно неожиданный для них взрыв этнических бунтов. На первой же странице доклада они признались: «...В отличие от предыдущих докладов, мы даже не пытаемся дать обоснованное объяснение причин происходящего»²⁰. Мне же

происходящие перемены не кажутся непонятными и непредсказуемыми. Напротив, этого следовало ожидать: ведь до политических выступлений конца 2011 – начала 2012-го все протестные движения двухтысячных годов, которые начинались с критики тотальной коррупции, быстро обретали форму этнического или религиозного противостояния. Этническая или религиозная окрашенность социальных протестов возникала в постсоветской России постепенно. Она была совершенно незаметна в 1990-е, но стала нарастать с началом нового века. Пожалуй, впервые это проявилось в ходе митингов против так называемой «монетизации льгот». В январе 2005 года я оказался во Владимире как раз во время массовых демонстраций против федерального закона № 122-ФЗ (о монетизации льгот) и был поражен тем, что наряду со стандартными лозунгами против олигархов (типа: «Народу – электричество, Чубайсу – электрический стул») в центре города было множество плакатов русских националистов с призывом: «Русский – помоги русскому». В 2006-м грянуло крупное межэтническое столкновение в Кондопоге (Карелия), которое привело к подъему русского национализма по всей России. В 2008-м, после дефолта, лозунги на демонстрациях против олигархов перемежались с антисемитскими. Именно за антисемитские лозунги в 2008 году в России к уголовной ответственности были впервые привлечены спортивные фанаты²¹. Эти события предшествовали взрыву националистической активности, который произошел 11 декабря 2010 года. В тот день

на Манежной площади в Москве состоялась самая многочисленная (на то время) манифестация русских националистов. Затем волна митингов и демонстраций с националистическими лозунгами перекинулась на 15 городов России. Поводом для этих волнений стало возмущение действиями коррумпированных полицейских, которые освободили подозреваемых в убийстве известного футбольного фаната Егора Свиридова. Похожая трансформация социальных протестов в этнические и религиозные наблюдалась и в других регионах России. В ноябре 2011 года в Махачкале состоялся самый многолюдный, многотысячный митинг против коррупции и произвола силовиков в республике, который быстро трансформировался в демонстрацию поддержки «истинного ислама». В конце 2011 года политические демонстрации в Москве несколько пригасили этнические и религиозные мотивы социальных протестов, однако, когда политические митинги стали сходить на нет, протесты вновь вернулись в привычное этническое русло, характерное для обществ с догражданской культурой.

Если в 2006-м в России за пределами Северного Кавказа было лишь одно крупное межэтническое столкновение – в Кондопоге, которое затем обсуждали несколько лет, то в 2013 году вспыхнуло сразу пять «кондопог» – крупных многодневных столкновений, так или иначе связанных с насилием; в некоторых случаях столкновения привели к человеческим жертвам. В июле они проявились в Пугачеве (Саратовская область), Среднеуральске (Свердловская область) и

Таблица 2

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ОТВЕТОВ НА ВОПРОС: «ВОЗМОЖНЫ ЛИ В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ КРОВОПРОЛИТНЫЕ КОНФЛИКТЫ НА НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЧВЕ?»							
Годы	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
В проц. к числу опрошенных	50	49	39	23	39	43	57

Источник: Левада-Центр, ноябрь 2013

Нурлате (Татарстан), а в октябре митинги и беспорядки на межэтнической почве, сопровождавшиеся поджогами автомобилей, погромами торговых предприятий и избиениями людей, произошли в микрорайоне Бирюлёво Западное на юге Москвы и в Петербурге, на крупнейшем вещевом рынке «Апраксин двор».

Кроме перечисленных погромов, в 2013 году были зафиксированы следующие эксцессы: столкновение кавказцев с полицией в Москве на Матвеевском рынке и митинг с требованием выселения кавказцев в стани-

Сибирском федеральном округе — на целых 84 процента. Возможно, отчасти прирост числа преступлений на почве экстремизма и этнической ненависти связан с изменениями системы учета подобных правонарушений. Но, так или иначе, именно такие данные были представлены в официальном докладе Генерального прокурора России. Кроме того, общий рост этнической агрессивности, пусть и нелинейный, подтверждается социологическими опросами, в частности, растущими опасениями граждан в связи с возможностью возникновения межэтнических

“В конце 2011 года политические демонстрации в Москве несколько пригасили этнические и религиозные мотивы социальных протестов”.

це Вешенская (Ростовская область, родина нобелевского лауреата Михаила Шолохова). Оба эпизода широко комментировались в прессе, но, кроме того, имели место десятки менее заметных столкновений русских с кавказцами, местного населения и приезжих по всей России. Все эти крупные и мелкие эпизоды — лишь малая часть проявлений обострившейся межэтнической обстановки в России. В апреле 2013-го генеральный прокурор Юрий Чайка, выступая в Совете Федерации с докладом о состоянии законности и правопорядка в РФ в 2012 году, сообщил, что за последние 9 лет число зарегистрированных преступлений экстремистской направленности возросло в несколько раз: «По официальным данным, в 2004 году было зарегистрировано 130 экстремистских преступлений, а в 2012-м — уже 696»²². Большая часть этих преступлений так или иначе была связана с разжиганием этнической или религиозной ненависти. Причем феноменальный рост подобных преступлений зафиксирован в самых неожиданных регионах, например, в недавно еще относительно благополучном

конфликтов (см. таблицу 2).

Данные таблицы можно интерпретировать следующим образом: после событий в Кондопоге было некоторое затишье, данные о межэтнических конфликтах с жертвами не были известны широкой общественности, поэтому страх перед новыми конфликтами постепенно угасал (в 2009–2010 годах); а вот с 2011-го эти страхи стали вновь оживать, к 2013-му достигли беспрецедентно высокого уровня, охватив две трети населения России. Сегодня невозможно предсказать, где именно проявится очередной очаг, поскольку этнические конфликты все теснее переплетаются с религиозными, а последние — с терроризмом. В Волгограде на следующий день после теракта 21 октября 2013-го, а вернее уже в ночь на 22 октября, неизвестные забросали «коктейлями Молотова» здание мечети. Еще через два дня произошла вторая попытка отомстить за теракт поджогом мечети, уже другой, расположенной в другом районе. Высока вероятность, что попытки поджогов мечетей или иных мест скопления мусульман будут продолжаться как в Волгограде, так и в других

городах России. Так воспроизводится цепная реакция: русский этнический экстремизм усиливает исламский терроризм, который, в свою очередь, подталкивает новые всплшки русского экстремизма и национализма.

На наш взгляд, массовое осознание того, что застой не обязательно сопровождается стабильностью и безопасностью, — вопрос времени. Аналитикам уже сейчас должно быть очевидно, что застой приводит к деградации общества, резкому обострению межэтнических и межрелигиозных отношений, то есть к процессам прямо противоположным как стабильности, так и безопасности.

Режим доживания

Следствием российского застоя является еще и ускоренное старение населения, рост его смертности. Эти процессы, в свою очередь, способствуют росту ксенофобии и национализма. Демографические показатели нелегко использовать для целей политологического анализа, поскольку многие из них сильно зависят от предшествующих этапов демографической эволюции и лишь косвенно связаны с управленческими решениями.

Вместе с тем существуют и такие демографические показатели, которые теснее связаны с актуальными условиями существования, например, средняя продолжительность жизни. Не случайно в группе с самыми высокими показателями средней продолжительности жизни (свыше 80 лет) оказались только страны с признаками самого высокого качества жизни, например, по доходу на душу населения. Это Швеция и Швейцария, Канада и Япония, Андорра, Сан-Марино и др. Очень близки к этой группе по показателям душевого дохода все скандинавские страны, Финляндия, Германия, Великобритания, Нидерланды, Бельгия, США и многие другие страны, в которых и показатели средней продолжительности жизни (между 78–79 годами) не намного уступают группе лидеров. В России

же на 2013 год средняя продолжительность жизни составляла: 66,05 лет — общая; 59,1 — у мужчин; 73 года — у женщин. Наша страна занимала по этим показателям 129-е место в мире, находясь в одной группе со слаборазвитыми странами Азии и Африки²³.

Согласно международным критериям, население страны считается старым, если доля людей в возрасте 65 лет и старше превышает 7 проц., в России же, по данным Минтруда, эта доля почти вдвое выше, она составляет 13 проц. и продолжает увеличиваться²⁴. При том, что в России, как и во многих странах Европы, население старое, наши пожилые люди, в отличие от европейских, живут недолго. Последнее обстоятельство оказывает существенное влияние на социально-экономическое положение в России. Попробуйте в нашей стране поднять порог выхода на пенсию мужчин до среднеевропейского уровня — 65 лет! Поскольку средняя продолжительность жизни российских мужчин немногим более 59 лет, в таком случае большая часть мужчин просто не доживет до пенсионного возраста.

Если оценить возрастную структуру российского населения по показателю ожидаемой продолжительности жизни, то окажется, что «население России с позиции «перспективы на жизнь», возможно, одно из самых старых в мире»²⁵. По этому признаку пятидесятилетний россиянин в 2013-м был «старше» своего формального, календарного ровесника из Швеции — на 21 год (то есть ожидаемая продолжительность его жизни меньше на два десятилетия), из США — на 15 лет и из Польши — на 9 лет. Основной причиной такой ситуации в России выступает высокая мужская смертность, в значительной мере связанная с алкоголизацией населения страны. Так называемый «перспективный возраст» (в отличие от календарного или «ретроспективного») снижается там, где у человека появляются перспективы на долгую жизнь.

Случай с Польшей особенно поучителен. Это тоже страна спиртовой культуры; еще важнее то, что с конца 1940 годов она была частью социалистической системы, в европейской части которой с середины 1960-х годов наблюдалась одна и та же картина старения, резко выделяющая эту часть мира от остальной Европы. Ко второй половине 1980-х в Польше и России сложилась практически идентичная демографическая ситуация. Однако, в отличие от России, в течение 1990–2006 годов перспективный медианный

материальной точки зрения мы себя чувствуем не хуже, чем до кризиса. Но раньше были ориентиры, была перспектива...»²⁷.

Ситуация, сложившаяся в условиях российского режима доживания, обуславливает рост ксенофобии еще и вследствие неравномерного распределения демографических ресурсов по регионам. Крупные города пополняются населением в трудоспособном возрасте почти исключительно за счет притока с периферии; чем дальше территория от регионального центра, тем более

“Застой приводит к резкому обострению межэтнических отношений, то есть к процессам противоположным как стабильности, так и безопасности”.

возраст мужского населения Польши снизился, тогда как в России вырос на 10 лет²⁶. Похожие перемены в то же время и по тем же социально-политическим причинам произошли и в других европейских странах, вышедших из бывшего социалистического лагеря, а несколько позднее – и в республиках Балтии. Оказалось, что переход страны из режима доживания к режиму развития приводит к росту в обществе ценностей самореализации, достижительности, а это напрямую влияет на стремление людей к поддержанию здорового образа жизни. В условиях же безвременья, напротив, интерес и воля к жизни падают. Они замещаются повышенным употреблением алкоголя, наркотиков или уходом людей в мир религии, иллюзий, мистики. Безвременье, безусловно, стимулирует различные формы недоверия к чужим, страху и ксенофобии. Это в косвенной форме признается и в упомянутом интервью Валерия Федорова: «Недоверие, которое является ахиллесовой пятой нашей системы, расцвело, потому что люди потеряли твердую почву под ногами. Не в том смысле, что оказались на улице или начали голодать – с

интенсивно там сокращается население²⁸. По данным экспертов Института демографии НИУ ВШЭ (опирающихся на анализ переписей населения с 1989-го по 2010 год), за это время большая часть городов России пополняла свое население, высасывая людские ресурсы из окружающей глубинки. Это приводит к ряду последствий. Во-первых, происходит постоянный отток населения из основной зоны расселения русских – территорий Центрального, Северо-Западного и Сибирского федеральных округов²⁹. Ныне на этих территориях практически исчерпаны демографические резервы для роста городов. Во-вторых, все более существенным источником пополнения городов трудовыми и демографическими ресурсами становятся районы с высоким естественным приростом населения – республики Северного Кавказа, а также государства Азии. Такой характер миграции усиливает ксенофобию, прежде всего мигрантофобию. Неприязнь к мигрантам, особенно применительно к выходцам из Северного Кавказа и Азии – то небольшое, что объединяет сегодня все без исключения течения русских националистов. Преступления с уча-

стием кавказцев и мигрантов из Азии — один из самых популярных сюжетов в крупнейших националистических интернет-сообществах.

Попытки с помощью телевизионной пропаганды «вытеснить» мигрантофобию другими страхами, например, перед вражеским Западом, — обречены на неудачу. Страх перед Западом носит исключительно виртуальный характер и зависит только от мощности пропагандистского сигнала, тогда как мигрантофобия так или иначе опирается на повседневный опыт. Например, упомянутые беспорядки в московском Бирюлево или в Петербурге («Апраксин двор») вызваны не

принимали. Понятно, что сами мигранты не обладают влиянием, необходимым для того, чтобы парализовать волю региональных властей, затягивавших решения по «Черкизнам», «Апрашкам» и «Бирюлевым». Но население обращает свой гнев не на чиновников и их финансовых лоббистов, а на мелкий люд, на мигрантов.

Ксенофобия и рациональные основания для массового недовольства неупорядоченными миграционными потоками прочно переплетаются в сознании. Этому способствуют действующие в вертикально иерархизированной стране простые механизмы психологи-

“Страх перед Западом зависит только от мощности пропагандистского сигнала, тогда как мигрантофобия так или иначе опирается на повседневный опыт”.

только ксенофобией, но и вполне рациональными причинами. Концентрация мигрантов (легальных и нелегальных) в этих местах, где они не только работали, но и жили, нарушала российские законы и представляла отнюдь не мнимые угрозы для местного населения. В Бирюлево предприниматели завозили молодых мужчин и держали их почти в тюремных условиях. У многих из этих парней еще дома сложились патриархальное отношение к «чужим» женщинам и архаичные представления о борьбе за них. (Кстати, эти особенности неправильно называть этническими — это социально-культурные характеристики, свойственные определенным группам разных этнических общностей.) На «Апраксин дворе» во многом повторилась ситуация легендарного Хитрова рынка в Москве, который в конце XIX — начале XX века был известен, прежде всего, как место концентрации пришедших преступных групп. В обоих случаях власти всех уровней были давно осведомлены о нарушениях закона и угрозах для населения, но ничего не пред-

ческой компенсации. Люди, испытывающие внутреннюю неудовлетворенность своим статусом, жизненными перспективами, склонны самоутверждаться за счет кого-то, кто, по их мнению, стоит ниже на социальной лестнице. В разных регионах возникает иерархия унижаемых. Так, московский бомж на Казанском вокзале самоутверждается, обзывая «чурками» прибывших южан; таджикский гастарбайтер кричит вьетнамскому: «Убирайся, откуда приехал»; в Чечне случались столкновения чеченцев с таджикскими мигрантами, а в Центральной России чеченцы и другие представители народов Северного Кавказа в разы больше притягивают к себе ксенофобию местного населения, чем выходцы из Средней Азии.

Так или иначе, ксенофобия становится неотъемлемой частью мироощущения большинства населения России и поэтому приобретает все большую ценность как политический ресурс. При этом в «вертикальных обществах», подобных российскому, риторика российских политиков в большей мере

способствует эскалации ксенофобии, чем аналогичные высказывания сугубо медийных фигур — популярных телеведущих и других известных общественных деятелей.

Популистская политика: ставка на ксенофобию и национализм

Популизм может иметь любую идеологическую направленность — левую или правую, консервативную или модернистскую, — но во всех случаях политики-популисты не стремятся к преодолению массовых предрасудков, напротив, они используют их в своих персональных интересах. Именно такая политика проявилась во время кампании по выборам мэра Москвы в 2013-м. Кампания сильно разогрела мигрантофобию в городе, а вслед за этим усугубила межэтнические отношения в целом по стране. В октябре 2012 года, согласно опросу ВЦИОМ в Москве, транспортные затруднения как проблему отметили 65 проц. опрошенных, а мигрантов — только 22 проц. Опрос ФОМ от февраля 2013-го дал транспортным неурядицам в Москве 55 проц., а проблемам, связанным с мигрантами, — 32 процента. Исследования других социологических центров также фиксировали, что именно транспортные проблемы являются для москвичей главными, причем с большим отрывом. Однако уже в июле 2013 года ситуация изменилась, и на первое место в опросах социологов, впервые за все годы наблюдений, вышла проблема нелегальной миграции и прочих «понаехавших» (в том числе и граждан России, чаще всего с Кавказа). В июльском опросе Левада-Центра проблему мигрантов назвали главной 55 проц. москвичей, а в московском опросе ФОМ — 44 проц. респондентов³⁰.

Почему же вдруг за лето в городе так обострилась миграционная проблема? Единственное летнее событие, которое могло взвинтить общественное мнение, настроив его против мигрантов и всех «чужих», была сама столичная избирательная

кампания. О проблеме мигрантов говорило большинство участников кампании, но самым активным был тогдашний и.о. мэра, а ныне избранный мэр Сергей Собянин. Свою избирательную кампанию он фактически начал еще в мае, постоянно повторяя, что избыток мигрантов является «главной проблемой города». Уже в ходе кампании, которая началась 13 июня, Собянин в очередной раз поднял тему мигрантов в Москве, отметив, что больше трети преступлений в городе совершают приезжие³¹. Постоянное злоупотребление антимигрантской риторикой со стороны представителя власти побудило лидера националистического объединения «Русские» Демущкина обвинить мэра в плагиате. «Эмигранты и Собянин — последний месяц я только это и слышал, — заявил Демущкин. — Более того, они даже умудрились своровать у нас несколько пунктов из программы, выступить с ними...»³².

Политические дивиденды от эксплуатации мигрантофобии пытаются получить и некоторые политики, позиционирующие себя как представители либерального направления. Наша исследовательская группа проанализировала выступления в «Живом Журнале» за 2010–2013 годы двух молодых политиков этого направления — Алексея Навального и Владимира Милова³³. У обоих националистический контент составлял малую долю от общеполитического, антикоррупционного, антивластного и реформаторского, однако любопытна динамика их националистической риторики.

Навальный начинал с националистических идей, пик его интереса к ним пришелся на декабрь 2010-го, когда произошла самая массовая демонстрация националистов. Но после избрания в Координационный совет оппозиции (октябрь 2012-го), где большинство составляли либералы, интерес Навального к этой тематике понизился³⁴, и его выступления сдвинулись в сторону общегражданской тематики.

Совершенно иная динамика политических взглядов прослеживается у Милова. Если в 2010 году политическое содержание занимало несоизмеримо большее место в его риторике, чем националистическое, то в 2012-м и особенно в 2013 году они почти сравнялись по объему³⁵, а политическая риторика Милова окрасилось в националистические тона. Получается, что Навальный владеет своим националистическим дискурсом и использует его в прагматических целях, тогда как Миловым националистический дискурс овла-

стрируют важные сдвиги, происходящие в русском националистическом движении. Прежде всего, это осознание принципиальных различий между националистическими ценностями, которые строятся на примате интересов народа-нации, и имперскими ценностями служения государю и державе. Переход русского национализма от имперской к национальной идеологии обозначился лишь в первой декаде 2000-х, и можно согласиться с Константином Крыловым, который говорит: «Начнем с того, что русский наци-

“Вероятный переход этнического национализма в гражданский может рассматриваться как возможная форма выхода из состояния застоя-безвременья”.

девает все в большей мере. Это заметно по содержанию его текстов последних двух лет. Например, в них часто в негативном смысле упоминается Владислав Сурков (бывший главный идеолог Кремля), но не в связи с его деятельностью, а лишь потому, что Сурков родственными узами связан с чеченцами. Ему приписываются несуществующие чеченские фамилии, примерно так же, как в 1990-е националисты придумывали еврейские фамилии Ельцину, Андрею Козыреву, Гавриилу Попову и некоторым другим политикам. Анализ изменений дискурса Милова важен потому, что он показывает весьма типичный переход от прагматического использования этнического национализма к заражению им как болезнью.

Если некоторые либералы не считают зорным высказывать ксенофобские взгляды, то представления некоторых бывших заурядных националистов порой развиваются в ином направлении, приближаясь к демократическим и даже отчасти либеральным ценностям. Известные русские националисты Константин Крылов, Владимир Тор, Валерий Соловей и многие другие, оставаясь в рамках этнического национализма, демон-

онализм в собственном смысле слова — явление, по сути, новое. Я отсчитываю его историю примерно с середины двухтысячных»³⁶. Действительно, русский национализм зародился как имперский, и до 1990-х в русском националистическом движении почти «всё сводилось к мечтам на тему “как бы нам обустроить империю”»³⁷. Отказ от идеи империи, переосмысление роли государства и общества уже привели немалую часть русских националистов к отказу не только от имперской ориентации, но и от поддержки самодержавной, авторитарной модели управления. Труднее и в самую последнюю очередь происходит освобождение от советской идеологии. «Когда советское государство развалилось, — отмечает Крылов, — все идейно русские силы выступили на стороне коммунистов. И в результате они не смогли выжать из себя ничего, кроме “красно-коричневого синтеза”», что, по мнению Крылова, и привело «русскую партию» к краху. Ныне же ситуация в рядах русского национализма радикально изменилась, и, по его словам, укрепляется представление, что «национализм и демократия — это практически одно и то же»³⁸.

Нельзя не признать, что в дискурсе ведущих теоретиков этого политического направления в России произошли существенные перемены. Дальше других по этому пути пошли сторонники Алексея Широпаева из «Национал-Демократического альянса». В этой организации заметен значительный сдвиг от этнического национализма к гражданскому. По крайней мере, сопредседатель партии Илья Лазаренко, ссылаясь на мнение и Широпаева, в 2013 году заявил об отказе НДА от базового требования русских этнических националистов: «Мы ни в коем случае, как уже сказал ... Широпаев, не призываем к провозглашению русской государствообразующей нации в России. С нашей точки зрения, Россия должна идти по пути Евросоюза и в итоге образовать с ним единую общность. По факту это единственное, что у нас есть в перспективе. Все остальное мне кажется абсолютным тупиком»³⁹.

Гражданский национализм — прорыв из застоя-безвременья?

Все сказанное выше должно было, на наш взгляд, показать, что русский национализм лишь до определенного момента способствует застою. На следующем этапе он в еще большей мере разрушает этот застой, а вероятный переход этнического национализма в гражданский может рассматриваться как возможная и исторически распространенная форма выхода из состояния застоя-безвременья. Пример стран Восточной Европы свидетельствует именно об этом. Национализм в этих странах прежде всего антиимперский, в его наиболее распространенной и классической форме — борьбы за национально-государственную независимость. Его пафос был мощным источником гражданской консолидации, которая позволила обществу-нации выстоять в трудные годы перехода из лагеря социализма в состав Европейского союза. Гражданская же солидарность, в свою оче-

редь, стала в какой-то мере заслоном от ксенофобии и этнического национализма, которые усиливались в годы «шоковой терапии», «левых поворотов» и других исторических испытаний⁴⁰.

Возможно ли развитие гражданского национализма в России? На это вопрос нет однозначного ответа. В России никогда не было национального государства, построенного на основе народного суверенитета. Теоретически говоря, идея *nation-building* может быть для россиян не менее привлекательной и перспективной, чем она была для жителей стран Восточной Европы и Балтии. Но у названных европейцев образ империи, из которой стремятся вырваться новое национальное государство, ассоциировался с внешним врагом, а у России империя внутри. Смогут ли россияне выдать из себя империю?

В рядах русских националистов, как мы пытались показать, этот процесс происходит. Однако крымские события марта 2014 года отчетливо показывают, что путь от имперской идеологии к национальной одолела лишь небольшая часть националистов-теоретиков, именующих себя «национал-демократией». Большая же часть националистов остаются в границах традиционной для России парадигмы охранительного имперского национализма. Они предельно негативно оценивают киевский Майдан как прозападную русофобскую акцию. Егор Просвирин, один из наиболее популярных блогеров в этой группировке, в своих комментариях и на собственном сайте Sputnik&Pogrom демонизирует Майдан и торжествует по поводу воссоединения Крыма с Россией не в меньшей мере, чем основные российские каналы телевидения. В этом отношении «партия телевизора» и «партия интернета» работают весьма слаженно. Имперские националисты могут признавать необходимость отсечения каких-то частей имперского тела («Долой Кавказ»),

но и помыслить не смеют о преодолении имперского порядка, имперской социально-политической организации «кормлений» и централизации. Для них отказ от такого порядка означает отказ от самой России. Большинство русских этнических националистов чувствуют себя комфортно в рамках имперского проекта, в котором русским отводится роль «старшего брата» или «патриарха», выполняющего некую миссию по отношению к народам младшим, неразумным, склонным к беспорядкам вроде тех, что произошли в Киеве. Защитник империи не может встать на путь националиста как сторонника интересов нации. В империи нет и не может быть единого общества, нации в гражданском смысле этого понятия. В империи подданные связаны между собой только вертикалью власти. При этом власть препятствует самоорганизации общества, все упорнее заменяя ее сплочением на основе страхов перед врагами внешними и внутренними, то есть, ксенофобией, которая постепенно принимает тотальный характер. В таких условиях низовой национал-имперский национализм не может предложить ничего нового, поэтому самоорганизующиеся группы националистов политически не укрепляются, а их лозунги легко перехватываются властью. В России растущая ксенофобия — одно из состояний медленно затухающей империи, повелители которой используют для самосохранения новые мощные ресурсы манипулирования массовым сознанием. Уже в этом смысле, то безвременье, которое сейчас накрыло Россию, уникально — оно и не советское, и не безвременье периода Николая I.

Тем не менее есть основания предполагать, что и нынешнее безвременье близится к завершению. Эта эпоха порождает общественную апатию и на апатии в значительной мере держится. Но сейчас в России апатия сменяется высокой социальной тревожно-

стью. Действует своеобразный закон сохранения энергии: протестные настроения не исчезают, они лишь постоянно меняют форму, то проявляясь в виде политических движений, то превращаясь в этнические бунты, погромы и религиозно окрашенный терроризм.

Пока властям удастся использовать идеи национализма для самосохранения. Они эксплуатируют самые архаичные формы имперского национализма в сочетании с клерикализмом и искусственным «традиционализмом». Однако возможности такой эксплуатации не беспредельны. Сегодня для русского этнического национализма главным врагом, конституирующим «иным», выступает образ кавказцев и мусульман, поэтому заигрывание власти с таким национализмом представляет угрозу для сохранению имперского тела страны. Косвенная поддержка главами русских регионов антикавказских фобий уже вызывает растущее недовольство региональной элиты и населения в республиках, а это ставит под сомнение святая святых внутренней политики России — сохранение ее целостности. Антимиграционная риторика властей российских регионов противоречит другой целевой установке федеральной власти — на создание широкого Евразийского союза.

Власти Азербайджана в двух официальных нотах выразили недовольство высказываниями и действиями московских властей в ходе событий в Бирюлево. Власти государств Центральной Азии давно выражают озабоченность в связи с периодической депортацией своих граждан из России и еще больше — в связи с информационным сопровождением этих акций. Настоящую тревогу у всех стран СНГ вызвали российские действия по отношению к Украине в 2014 году, впервые официально мотивируемые «правом» России защищать русских за рубежом.

Нарастающая после крымских событий международная изоляция России несомненно усилит общий экономический кризис страны

и ее политической системы. Весьма вероятен в таких условиях рост недовольства населения. Оно уже заметно у значительной части общества и будет еще в большей мере проявляться не только во взрывах ксенофобии, но и в форме вполне рациональных претензий к сложившимся социально-политическим условиям. Вот уже несколько лет устойчиво растет доля россиян, выражающих недоверие «партии жуликов и воров». Последние два года этот лозунг поддерживает более половины населения страны.

В России растущая ксенофобия — это не только ответ массового сознания на информационные манипуляции им, но и проявление голода по несостоявшейся пока нации. Голод этот слабо осознается, но ощущается или угадывается политическим классом, поэтому политики примеряют к себе термин «националист», еще недавно считавшийся абсолютно неприемлемым, оскорбительным. Националистом себя величали Владимир Путин и Алексей Навальный, Михаил Ходорковский и Дмитрий Rogozin.

“Власти эксплуатируют самые архаичные формы имперского национализма в сочетании с искусственным «традиционализмом» и клерикализмом”.

Пока неизвестно, сдвинется ли общественный протест в России в политическую сторону. Однако на примере недавнего российского опыта вполне определенно можно говорить, что политические акции, в отличие от этнических беспорядков, продемонстрировали удивительные способности к консолидации. В политических демонстрациях 2011–2012 годов на Болотной площади и проспекте Сахарова принимали участие представители разных идеологических течений, политических взглядов, этнических общностей и религиозных воззрений. Солидарность граждан в решении общих для всех вопросов неизменно снимала болезненность восприятия культурных, этнических и религиозных различий, сохраняющихся веками. Можно надеяться, что такая же гражданская солидарность в обозримой перспективе проявится и в России в целом, хотя мой оптимизм не заходит так далеко, чтобы ожидать в ближайшие годы заметного снижения уровня ксенофобии. Напротив, есть все основания полагать, что ее уровень в марте 2014-го вырастет и побьет рекорд предыдущего года.

Сомневаюсь, что эти политики одинаково понимают смысл термина «национализм», однако симптоматично уже то, что позиционирование себя в качестве «националиста» рассматривается экспертами как признак больших политических амбиций.

В сегодняшней России происходят разнонаправленные процессы и, наряду с ростом этнических фобий, заметна и реабилитация идеи гражданской нации, появившейся в русском политическом дискурсе еще в начале XIX века задолго до появления этнического значения нации⁴¹.

Однако реальное становление гражданской нации в России, на мой взгляд, если и возможно, то в неблизкой перспективе, после преодоления куда более серьезных преград, чем те, что стояли перед гражданскими националистами в Восточной Европе, в странах Балтии и даже на Украине. В таких условиях особое значение имеет осмысление как самого проекта гражданской нации, так и тех политических сил, которые этот проект могут отстаивать и проводить в жизнь. В качестве попытки такого осмысления автор рассматривает данную статью. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Лермонтов М.Ю.* Дума // Три века русской поэзии. М.: Просвещение, 1968.

² *Almond G., Verba S.* The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Countries. Princeton, 1963.

³ *Инглхарт Р.* Модернизационная теория и традиционная культура // Общая тетрадь. Вестник МШПИ. 2008. № 3/4. С. 47–57.

⁴ *Валерий Федоров.* «Россияне не понимают, чего хотят белоленточные смутьяны». Интервью с генеральным директором ВЦИОМ Валерием Федоровым (<http://expert.ru/2012/12/28/valerij-fedorov-rossiyane-ne-ponimayut-chto-hotyat-belolentochnyie-smutyani/>).

⁵ Идею «Россия — для Русских!» поддержали 58 проц. респондентов // Левада-центр. 08.02.2011 (<http://pn14.info/?p=55504>).

⁶ *Берзина В., Кузьменко О., Нафанович С.* Протест окончен // Русская планета. 2013. 11 июля (<http://rusplt.ru/society/doklad-dmitreeva.html>).

⁷ См.: Национализм в мировой истории / Под ред. В.А. Тишкова, В.А. Шнирельмана. Ин-т этнологии и антропологии РАН. М.: Наука, 2007. С. 4–23.

⁸ *Sorensen G.* Sovereignty: Change and Continuity in a Fundamental Institution // Political Studies. 1999. Vol. XLVII. P. 590–604; *Mendelson B.* Sovereignty Under Attack: The International Society Meets the Al Qaeda Network // Review of International Studies. 2005. Vol. 31. P. 61–64.

⁹ *Константин Крюков.* Лучшие демократы получают из бывших фашистов (<http://ru-nazdem.livejournal.com/836129.html>).

¹⁰ *Альперович В.* Ультраправые на марше. 2012. 30 дек. (<http://polit.ru/article/2012/12/30/nazi/>); «Русские марши»: менее опасны, чем погромы? Акция-2013 глазами специалистов по межэтническим проблемам и ксенофобии (<http://www.golos-ameriki.ru/content/russia-march/1783565.html>).

¹¹ *Дробижнева Л.* Этничность в социально-политическом пространстве Российской Федерации: Опыт 20 лет. Институт социологии РАН, 2013. С. 245–247. См. также: *Дробижнева Л.*: Большинство россиян не поддержит националистов // Огонек. 13.02.2012 (<http://www.kommersant.ru/doc/1867141>).

¹² «Русские хотят, но проигрывают». 2012. 19 сент. (http://4pera.ru/news/picture_of_the_day/russkie_khotyat_no_proigrayut_/).

¹³ Согласно общероссийскому опросу Левада-Центра, проведенному в ноябре 2011-го, за

«Единую Россию» готовы были голосовать 34 проц. всех респондентов и 34 проц. интернет-пользователей; за КПРФ — 4 и 9 проц., соответственно; за ЛДПР — 10 и 11 проц.; за «Справедливую Россию» — 7 и 8 проц., «Яблоко» — 1 и 2 проц.; «Правое дело» — по 1 проц.; партию «Патриоты России» — 1 и 0 проц. См.: *Волков Д.* Протестное движение в России в конце 2011 — начале 2012 г.: Истоки, динамика, результаты / Рукопись доклада. М., Левада-Центр. Сент. 2012. С. 22.

¹⁴ *Паин Э., Мохов С., Поляков Е., Федюнин С.* Этнополитические процессы в зеркале Рунета // Политическая наука. 2013. № 1. С. 133–160.

¹⁵ *Широпаев А.А.* (<http://shiropaev.livejournal.com/>).

¹⁶ *Тор В.* Похвальное слово Майдану. 11 дек. 2013 (<http://rosndp.org/pohvalnoe-slovo-majdanu.htm>).

¹⁷ *Дёмушкин Д.* (http://m.youtube.com/watch?v=AVwsOYskLTk&feature=player_embedded).

¹⁸ *Федоров В.* Указ. соч.

¹⁹ Новое электоральное равновесие: среднесрочный тренд или «временное затишье»? // Доклад ЦСР. Июль 2013. Доступно в Интернете: (<http://new.csr.ru/index.php/ru/published-works/media/2581-r>).

²⁰ Там же.

²¹ Проявления антисемитизма в России и противодействие ему со стороны государства. Выступление А. Верховского в Вене 17 марта 2009 года. Доступно в Интернете (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/publications/2009/03/d15514/>).

²² Юрий Чайка рассказал сенаторам о статистике преступлений экстремистской направленности (<http://www.sova-center.ru/racism-xenophobia/news/counteraction/2013/04/d26917/>).

²³ Средняя продолжительность жизни в России и странах мира в 2013 году (<http://bs-life.ru/makroekonomika/prodolzitelnost-zizni2013.html>).

²⁴ Население России стареет, 13 проц. граждан старше 65 лет, сообщает Минтруд // РИА Новости. 2013. 5 июля (<http://ria.ru/society/20130705/947795397.html>).

²⁵ *Васин С.* Население России стареет быстрее других стран // Демоскоп Weekly. 2008. 15–31 дек. № 357–358 (<http://polit.ru/article/2008/12/28/demoscope357/>).

²⁶ Там же.

²⁷ *Федоров В.* Указ соч.

²⁸ *Карачурина Л.Б., Мкртчян Н.В.* Некоторые итоги анализа зависимости межрайонной мигра-

ции в России от расстояния (demoscope.ru/weekly/2013/0573/biblio/bib_mkrt.php).

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Собянин и Навальный делят националистов // Телеканал «Дождь». 2013. 20 июня (http://tvrain.ru/articles/sobjanin_i_navalnyj_deljat_natsionalistov-346162/).

³² Там же.

³³ См. подробнее: *Паин Э.А.* Российское идеологическое безвременье в зеркале Рунета // Вестник Института Кеннана в России. 2013. Вып. 24. С. 62–72.

³⁴ Там же. С. 71.

³⁵ Там же. С. 72.

³⁶ *Константин Крылов.* Лучшие демократы получают из бывших фашистов (http://ru-nazdem.livejournal.com/836129.html).

³⁷ Там же.

³⁸ Там же.

³⁹ *Лазаренко И.* Выступление в дискуссии X Старовойтовских чтений. Москва, НИУ ВШЭ. 20.11.2013 (<http://www.kennan.ru/index.php/Sobytiya/Starovojtovskie-chteniya/Desyatye-Starovojtovskie-chteniya/Diskussiya>).

⁴⁰ Правда, этнический ксенофобный национализм иногда прорывается сквозь заслоны национализма гражданского. Так было в Польше во времена президента Леха Валенсы, это заметно в Венгрии сейчас при правительстве, возглавляемом Виктором Орбаном. Однако в обоих случаях этнический национализм ограничен самим фактом включенности этих стран в ЕС. Здесь он рассматривается как аномальный, предвзятый и осуждаемый европейским общественным мнением. Главное же, что европейская идентичность большинства населения превращает этнический национализм в этих странах в исторический эпизод, в мерцание угасающего явления. Сошлюсь на мнение специалиста по польскому

национализму: «У польского национализма возникли новые проблемы: действительно упало общественное значение костела. Урбанизация, а еще больше интеграция в ЕС и НАТО принесли с собой либерализм. Либерализм сократил пространство веры, а участие в западных институтах ограничило возможности для фундаменталистских движений и решений... Новый польский национализм принял внутрь своего духовного тела европеизм и «демократические ценности», которые пришли на смену католическому духовному началу. Именно вокруг адаптации к европейским ценностям произошла дивергенция внутри Польши... Похожие процессы, кстати, проходят во всех восточноевропейских странах. Везде традиционный национализм трансформируется в современный консерватизм, везде возникает сильный либеральный национализм «молодых прагматиков», обращенный к поиску как можно более высокого места своих стран внутри ЕС и НАТО». См.: *Бойченко А.* Польские националисты: сегодня, завтра, вчера... (<http://antifashist.com/latest-news/18927-polskie-nacionalisty-segodnja-zavtra-vchera.html>).

⁴¹ Гражданское понятие нации в том виде, в каком оно появилось в Декларации прав человека и гражданина (1789) стало известно российской элите почти сразу же вслед за Францией. В таком значении оно использовалось с 1790-х до середины 1860-х годов. Отношение к нему менялось от положительного во времена молодого Александра I (в 1797 году Александр, тогда наследник престола, предполагал, что, после того как он дарует конституцию, «нация изберет своих представителей») до крайне негативного во времена Николая I. Однако другого понятия нации не было более 70 лет. Лишь в 1864-м впервые появилась этническая трактовка нации в словосочетании «национальный вопрос». См.: *Миллер А.* История понятия «нация» в России // Отечественные записки. 2012. №1 (<http://magazines.russ.ru/oz/2012/1/m22-pr.html>).

«Русский национализм» как область научных исследований

Всего за несколько лет поле исследований на тему национализма коренным образом изменилось: уход от политической или идеологической составляющей позволит расширить спектр толкований понятия «русский национализм» | **МАРЛЕН ЛАРЮЭЛЬ**

В западных исследованиях, посвященных России, всегда уделялось большое внимание вопросам идентичности. С одной стороны, это помогло объяснить, чем Россия «отличается» от Запада, а с другой — это было своего рода подражанием российской национальной традиции вести споры о «русской идее». Изучение проблемы идентичности включает в себя широкий спектр концептуальных подходов (идентичность может быть культурной, религиозной, этнической, гендерной, региональной, экономической), вовлекая в свой оборот все социальные и гуманитарные дисциплины. Мужду тем со времен холодной войны изучение «русского национализма» стало, можно сказать, отдельным жанром. Отчасти это объясняется тем, каким образом советология как дисциплина складывалась на Западе, особенно в Соединенных Штатах, но дело также и в том, что даже сегодня изыскания в области «русского национализма» зачастую подразумевают оценочные суждения и лежащие в их основе политические стратегии. Лишь совсем недавно это направление западной

науки стало утрачивать свою политизированность, более активно применять методы, принятые в антропологии и социологии, и интересоваться не только идеологическим аспектом, но и более широким социальным контекстом. В данной статье дается краткий исторический обзор исследований по проблеме «русского национализма» и рассматриваются основные теоретические рамки, в которых подобные исследования проводятся, а также новые тенденции в изучении проблемы, как уже проявившиеся, так и те, что с большой вероятностью будут возникать в ближайшие годы по мере развития концепции русской национальной идентичности.

Краткий исторический обзор исследований по проблеме «русского национализма»

«Русский национализм» в западном научном дискурсе, связанном с Россией, представляет собой совершенно отдельную категорию. В качестве научной темы этот термин появился в 1960-х годах в работах, посвященных основным политико-философским школам императорской России (славянофильство, панславизм, консерватизм)¹. Новый всплеск интереса к российской политической фило-

АВТОР ВЫРАЖАЕТ ОГРОМНУЮ БЛАГОДАРНОСТЬ ГЕНРИ ХЕЙЛУ, ЧАРЛЗУ САЛЛИВАНУ И ДЖУЛИАНУ УОЛЛЕРУ ЗА ЦЕННЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ПО ПОВОДУ ЭТОЙ СТАТЬИ.

софии XIX века можно объяснить контекстом холодной войны, в котором формировалось большинство западных школ по изучению Советского Союза, а также ощущением, что для понимания советского общества уже недостаточно знания марксизма и революционного образа мыслей. Новая волна исследований, таким образом, сосредоточилась на русской консервативной традиции, которая до сих пор оставалась вне поля зрения, поскольку основное внимание уделялось революционным авторам.

Во второй половине 1970-х акцент в исследованиях сместился с России XIX века на тогдашнее советское общество. Это явилось заслугой таких авторов, как Джон Данлоп, Александр Янов и Уильям Лакёр, пытавшихся в течение многих лет привлечь внимание к явлению, которое они определяли как «возрождение русского национализма»². Они изучали тенденцию, казавшуюся им парадоксальной: рост интереса среди советских диссидентов к темам, которые считались националистическими, что выражалось в обращении к имперскому прошлому и в защите исторических и природных памятников, а также параллельно нарастающее внимание к тем же темам в среде «официальной» советской интеллигенции, проявлявшееся главным образом в литературе («деревенская проза») и в изобразительном искусстве³, одобренном партией⁴.

Годы перестройки и распада Советского Союза стали своего рода золотым веком для изысканий в области «национализма», которые теперь уже не ограничивались Россией, а охватывали все народы СССР⁵. Политические и социальные потрясения во вновь возникших странах интерпретировались как «пробуждение» народов, находившихся под гнетом России, который был назван «шовинистическим». Таким образом, национализм рассматривался в рамках бинарной схемы: национализм не русских народов,

поскольку он был демократическим и антиколониальным, считался «здоровым», равно как и «народные фронты» эпохи Горбачёва, в то время как национализм русских определялся как консервативный, самодержавный и колониальный, символом которого стала антисемитская «Память», основная организация русских националистов⁶. В некоторых работах предпринимались попытки исследовать различия между «хорошим» и «плохим» национализмом, как если бы его интуитивно определяемая бинарная природа и непосредственное влияние на внешнюю политику Запада (поддержка новых государств в их противостоянии российскому господству) могли быть достаточным основанием для признания легитимности подобного рода разделения. Отсутствие работ, в которых рассматривались бы «националистические» черты российских политиков, считавшихся либеральными (от Ельцина до Гайдара и Чубайса), говорит о том, что западным ученым было трудно приклеивать ярлык «националистический» к своим на тот момент политическим союзникам.

В 1990-х схема, сложившаяся в предыдущее десятилетие, сохранилась. В работах, посвященных проблеме национальной идентичности, речь главным образом шла о том, какую роль играли интеллектуалы в формулировании идеи своей нации⁷. «Национализм» рассматривался как отдельная область исследований в рамках проблемы «национальной идентичности», относящейся к политической философии или истории идей, и исследовался по большей части как идеологическое явление. Идеологическая подоплека работ мало изменилась: русский национализм по-прежнему понимался как продукт имперского и советского наследия. Таким образом, прилагались усилия к тому, чтобы проследить идеологическую преемственность с царских времен (черносотенцы, антисемитизм и т. п.) и социальную преемственность с советских времен (различные группы вокруг

«Памяти»: монархисты, сталинисты и др.). Сформировавшийся нарратив по-прежнему дополнялся скрытым подтекстом, который сводился к осуждению национализма как российской «проблемы»⁸. При этом множились медицинские метафоры: *тело* России было *больным*, а национализм сравнивался с *раком* или *гангреной*, для которых необходимо найти *лекарства* или *лечение* и т. д. Аналогия с веймарской Германией способствовала появлению основной метафоры, на этот раз исторической, для описания России начала 1990-х

соотносилось с «этническим большинством» и идеей «русской идентичности». Регионы, которые столкнулись с проявлениями массового насилия и/или сепаратистскими движениями (Армения, Азербайджан, Грузия, Молдавия, Чечня), выделились в совершенно особую категорию: там «национализм» изучался в основном не как продукт идеологии, а с точки зрения его социальных причин и геополитических факторов, в результате которых страны оказались в столь критических ситуациях¹¹. На этом фоне практически толь-

“Начиная со второго срока президентства Ельцина некоторые исследователи заговорили о **возрождении патриотической тематики** и отказе от прозападной риторики”.

годов, когда ученые были сосредоточены на успехе Владимира Жириновского и искали параллели с нацизмом⁹.

В то время как «русский национализм» анализировался в соответствии с вышеописанной схемой, различные «национализмы» других народов бывшего Советского Союза оценивались гораздо более позитивно: украинский, белорусский, прибалтийские варианты национализма бурно приветствовались, поскольку считалось, что они вносят свой вклад в демократизацию соответствующих республик и даже в укрепление их связей с Европой. С тех же позиций изучались и разные внутророссийские варианты национализма, поскольку они воспринимались как своего рода локомотив демократизации страны — через опыт федерализации: Татарстан и Якутия возглавляли список республик, превозносимых западными учеными¹⁰. Дебаты по поводу концепции гражданской нации и понятия «россияне», продвигаемого Борисом Ельциным, рассматривались по большей части как способ обезвредить национализм этнических республик и в гораздо меньшей степени уделялось внимание тому, как это

ко работы, посвященные русским национальным меньшинствам в ближнем зарубежье, пытались каким-то образом встроить «русский национализм» в более широкий социальный и политический контекст и представить анализ культурных мотивов, связанных с национализмом, что существенно отличалось от упомянутых медицинских метафор. С этой точки зрения наиболее плодотворными были исследования, посвященные странам Балтии и звучавшим там требованиям со стороны русского национального меньшинства¹².

В 2000-х инструменты, применяемые для анализа «русского национализма», изменились. Начиная со второго срока президентства Бориса Ельцина некоторые исследователи справедливо заговорили о возрождении патриотической тематики и отказе от прозападной риторики, преобладавшей в первые годы существования постсоветской России¹³. Однако только в первые годы президентства Владимира Путина термин «националистический» стал все чаще употребляться для осуждения политики Кремля. Более принципиально то, что в это десятилетие сместились дисциплинарные акценты

при обсуждении «русского национализма»: вместо политической философии на первый план вышла политология, которая в 2000-е годы стала своего рода королевой среди научных дисциплин, занимавшихся Россией¹⁴. Перемены, происшедшие при Путине, представляют собой хрестоматийный пример того, как теоретические дебаты о природе постсоветских режимов и национализма смещаются в сторону «этнической политики»¹⁵. Идеологическая составляющая этих работ, таким образом, включала в себя попытку понять путинский режим, а иногда — но отнюдь не систематически — обличить проклятие авторитаризма в России, которое рассматривалось в качестве основного фактора, объясняющего возрождение российского национализма на международном уровне и патриотизма внутри страны.

Международные отношения вновь стали рассматриваться сквозь призму национализма, когда внешняя политика России обычно характеризовалась как «националистическая». Данное прилагательное использовалось для описания самоуверенного, великодержавного тона Москвы и критического отношения Кремля к западной и особенно американской позиции в международных делах. Кроме того, с его помощью подчеркивалась «агрессивность» российской политики по отношению к тем странам «ближнего зарубежья», которые отказываются идти на поводу у Москвы (Грузия, Украина), а также объяснялись неспособность России предлагать взаимоприемлемые и надежные варианты политического урегулирования для Северного Кавказа и презрение российских элит к своим партнерам из Центральной Азии. Наконец, этим же определением характеризовалась российская энергетическая политика и неблагоприятный бизнес-климат в стране для иностранных инвесторов. Таким образом, термин «национализм» применялся как всеохватывающее универсальное поня-

тие, позволяющее описывать российскую внешнюю политику в интуитивно улавливаемых, как предполагалось, категориях¹⁶.

Однако некоторые области по-прежнему остаются за рамками анализа. Например, крайне мало работ, исследующих такие явления, как «базарная ксенофобия», расистский юмор или, в более обобщенном виде, ксенофобия на бытовом уровне. Нерусские варианты национализма внезапно совсем исчезли с горизонта. С утверждением «вертикали власти», положившей конец асимметричному федерализму в России, западные ученые во многом утратили недавний интерес к проблеме идентичности в различных республиках РФ. Более того, тема «регионов России», столь модная в 1990-х, также перестала быть привлекательной¹⁷. Постсоветские государства теперь исследовались не с точки зрения национализма, а с точки зрения государственного строительства (с дебатами вокруг школьных учебников, празднования исторических дат и гражданской идентичности). При этом горячие точки, связанные с очагами радикального исламизма на Северном Кавказе, уже не служили предметом полемики о постколониальном национализме, а стали темой узконаправленных дискуссий о «войне с террором».

Общие замечания относительно изучения национализма в России

Вполне очевидно, что приведенный выше обзор имеет упрощенный характер и может быть подвергнут критике. Начать с того, что хронология по десятилетиям могла бы быть более детальной, а это достаточно сложная задача. Во-вторых, вышеупомянутые сдвиги в научных интересах во многом закономерны, поскольку они так или иначе соответствуют изменениям политического ландшафта в России и тем глубинным преобразованиям, которыми были отмечены 1990-е и 2000-е годы. В-третьих, что еще более важно, всег-

да появляются работы, которые не соответствуют общепринятым взглядам, всегда существуют ученые, по-своему разрабатывающие темы, связанные с «русским национализмом», и центры производства знаний, которые остаются верными своим изначальным установкам, не поддаваясь соблазну следовать преходящей моде, такие как журнал *Ab Imperio*.

Тем не менее хотелось бы выделить несколько основных пунктов, в отношении которых, как мы надеемся, возможно достичь консенсуса.

1. Исследования «русского национализма» редко имеют нейтральный характер и бывают лишены идеологической подоплеки: в большинстве публикаций научный анализ сочетается с личным мнением и политическими соображениями, что подразумевает оценочное суждение в отношении «национализма». Политическая составляющая оказывает заметное воздействие на научные изыскания и по-прежнему преобладает в дебатах, касающихся России, особенно в Соединенных Штатах, где экспертная оценка аналитических центров гораздо больше на слуху, нежели результаты научных исследований, и тем самым возникает тенденция к сужению рамок анализа¹⁸.

2. Из первого пункта вытекает, что изменения, происходящие в России, как правило, трактуются в соответствии с тем, какое значение они имеют для положения России на международной арене и ее отношений с Западом. Таким образом, нередко создается впечатление, что анализ российской внешней политики сосредоточен преимущественно на внутренних проблемах, как будто все, что происходит в российском обществе, значимо только с той точки зрения, как это влияет на внешнюю политику. Подобное положение дел приводит к целому ряду идеологических упрощений, примером которых может служить искусственная параллель

между определением сторонника авторитаризма как приверженца антизападной политики, а демократа или либерала — как приверженца прозападной политики. Отсюда и трудности, например, при попытке определить, какое место занимает Алексей Навальный и новые национал-демократические движения, поскольку неожиданные проявления ксенофобии среди так называемых либеральных противников Путина вызывают замешательство у западных экспертов. Предлагаемые интерпретации выдвигают на первый план тенденцию следовать «политкорректному», черно-белому стилю мышления. Возникают вопросы: а могут ли ультранационалисты *дискредитировать* демократические протесты¹⁹, окончательно ли «плохие парни» избрали стратегию стать *респектабельными* националистами и является ли теплый прием, который оказывают националистам некоторые либералы, в какой-то степени *политическим расчетом*? Описанная выше схема строится на наивном предположении, что демократия не может быть националистической и что либерализм не может внезапно превратиться во что-то не очень хорошее.

3. «Русский национализм» по-прежнему воспринимается сквозь призму тезиса о «русской исключительности», который был сформулирован русскими мыслителями еще в XVIII веке, но который западные ученые по сей день, как правило, прямо или косвенно воспроизводят. Остается только сожалеть о том, что так мало исследований, сравнивающих русский национализм с национализмом в Западной или Центральной Европе, либо рассматривающих российский и американский патриотизм как два во многом сходных явления²⁰. Жаль также, что отсутствуют исследования отдельных «национализмов в России», которые давали бы более общее понимание проблемы без упора на этническую принадлежность и в которых все «национализмы» воспринимались бы на равных:

русский и украинский, русский и чеченский, русский и якутский и т. д.

4. При обсуждении «русского национализма» идеологическая составляющая всегда ставится выше социальной. Работы по этой теме находятся в основном в русле мыслительных школ, которые ориентированы на то, чтобы давать устоявшиеся определения, вроде: «национал-большевизм», «евразийство», «советский патриотизм», «антисемитизм», «империализм» и т. п. Между тем любая идеология — это нечто размытое и непостоянное,

идет от общества и в свою очередь влияет на Кремль, или крайне правое движение задает тон, а Кремль перенимает его. При такого рода анализе возникают проблемы, напоминающие вопрос о яйце и курице. Подобно тому как в советский период национализм существовал одновременно *среди сторонников* власти, ее *противников* и *внутри* нее самой и ее административного аппарата, в современной России нельзя определенно сказать, где источник «русского национализма». Высказывания, которые классифицируются как «националистические»,

“Политическая составляющая оказывает заметное воздействие на научные изыскания и по-прежнему преобладает в дебатах, касающихся России”.

и она ничего не говорит о частных стратегиях, сетях и способах общения националистических группировок и их лидеров и о том, выступают ли они на стороне Кремля или против него. Кроме того, в большинстве работ националистические течения по-прежнему делятся на две основные группы: империалистические и этнонационалистические. Однако такой подход ошибочен, поскольку главные идеологи национализма и политики могут использовать одновременно и империалистические, и этнонационалистические аргументы. Типологии, которые строятся на основе идеологической составляющей, лишены смысла, если они не объединяются с социологическим подходом при рассмотрении стратегии, используемой каждой группой для общения со своей аудиторией и при попытках воздействия на политическую или культурную сферу.

5. Исследователи русского национализма зачастую надеются на то, что они без труда способны определить, где национализм есть, а где его нет. Они ищут националистов «по какому-то одному голосу» и поэтому теряются в спорах, исходит ли этот голос из Кремля и воздействует на общество, или, наоборот, он

исходят из самых разных мест и пространств. Национализм *полифоничен*, иными словами, у каждого свой собственный национализм: есть национализм проигравших в результате постсоветских реформ, который выражается в протестном голосовании за КПРФ или за ЛДПР Жириновского; есть национализм политических элит, которые поддержали патриотический призыв «Единой России», объединяющий ностальгию по Советскому Союзу и постсоветские реалии; есть национализм малообразованных и малообеспеченных слоев молодежи, который выражает себя в актах насилия скинхедов; и наконец, национализм городского среднего класса — который, кстати, появился на сцене последним, по характеру проевропейский и демократический, но при этом ксенофобский — выразителями которого стали национал-демократы и Навальный. Итак, этих голосов множество, и среди них официальные, которые поддерживает Кремль; полуофициальные, такие как Московский Патриархат и государственные аналитические центры; политическая оппозиция от «коммунистов» до «либералов»; регионы и республики; а также мир СМИ, наиболее известные издатели

публицистики, представители научных кругов, искусства и литературы.

6. И последнее, чем можно заключить данный перечень соображений, — это практически полное отсутствие работ по проблеме «бытового национализма» применительно к России. Изучение бытового национализма — это изучение обрешей материальное воплощение фольклорной культуры, каждодневных привычек и заведенного порядка, подкрепленных здравым смыслом: культурный ландшафт, манера одеваться и манера поведения, социальные нормы (вежливость, гостеприимство, правила этикета), установившаяся практика потребления, предпочтения в еде и проведении досуга. Существующие работы на эту тему в основном посвящены западным странам²¹, что свидетельствует о том, что «национализм» других всегда вызывает больше сомнений и подозрений, чем свой собственный.

Нынешнее положение дел

Во второй половине 2000-х характер научных дискуссий в области «русского национализма» претерпел серьезные изменения. Видоизменился аналитический инструментарий, с тем чтобы можно было учитывать эволюцию российского общества, а также в связи с тем, что новые поколения ученых в большей степени интегрируют свои изыскания в отдельных областях в современные социальные науки, так что культурная антропология, возможно, стала самой передовой сферой в исследованиях, посвященных России. Отметим также, что хотя активность российских организаций, которые занимаются проблемой национализма (в частности, информационно-аналитический центр «СОВА», Левада-Центр, Институт этнологии и антропологии РАН, Санкт-Петербургский независимый центр социологических исследований), с изменением политической конъюнктуры снизилась, появились новые пло-

щадки для дискуссий, например, в сетевых журналах, что расширило и обогатило дебаты на Западе («Неприкосновенный запас», *Laboratorium, Pro et Contra*, «Россия в глобальной политике», «Вопросы национализма», «Форум новейшей восточноевропейской истории и культуры»).

Сегодня изучение «русского национализма» более разнообразно. Всегда можно найти анализ содержания идеологических преобразований (например, новых интеллектуальных течений, которые находят выражение через социальные СМИ²²), а также типологию крайне правых движений²³. Но перечисленные темы — это лишь малый спектр множества направлений научных изысканий, которые включают гораздо больше разнообразных вопросов. Роль русской нации в советской доктрине была в значительной степени пересмотрена благодаря архивным материалам, а споры относительно имперской природы Советского Союза продолжают вызывать разногласия среди экспертов²⁴. Влияние «мягкой силы» России как в ближнем зарубежье, так и в мире в целом анализируется без обязательных заключений относительно политических последствий²⁵. Все большее число исследователей занимаются, например, вопросом о том, как русскоязычные диаспоры выстраивают свои взаимоотношения с Россией и откликаются на — или, напротив, игнорируют — призывы Москвы участвовать в судьбе страны²⁶.

За последнее десятилетие число социологических работ существенно увеличилось. Одним из направлений исследований стал рост ксенофобии, однако этой проблемой по большей части занимаются российские эксперты и очень немногие среди их европейских и американских коллег. Постепенно стали возобновляться дебаты о роли этнонационализма²⁷ — отчасти в результате возрастающего межэтнического насилия и появления нового демократического этнонациона-

лизма²⁸. Больше стало работ, посвященных молодежной субкультуре, в центре их внимания оказались организация «Наши» и другие пропрезидентские молодежные движения²⁹. Но в то же время акты уличного насилия также стали предметом обсуждения, и, более того, дискуссии вышли за рамки простого мониторинга преступлений на почве расизма и идеологических классификаций, охватив, например, скинхедов и группы «антифа»³⁰. Классические темы, такие как гендерные исследования, в той же мере включаются в область социологического анализа³¹.

Что еще более важно, возникла новая тенденция изучать национализм в расширенном общественном и культурном контексте. С этих позиций поддерживаемый Кремлем «патриотизм» рассматривается как фактор, формирующий социальный консенсус, в стране, где различие в образе жизни все время увеличивается. При таком подходе существенно обновилось само поле для размышлений благодаря той роли, которую стали играть исследования по проблеме исторической памяти, и тому, как в них рассматривается вопрос о ностальгии по Советскому Союзу³². Ностальгия по советскому прошлому не может быть приравнена к национализму; это более обширное явление, истоки которого следует искать как в изменении «габитуса» (по Бурдьё), культурных ценностей и норм³³, так и в свойственных россиянину страхах лишиться советского благополучия³⁴. Благодаря тому, что проливается свет на социальные и культурные мотивации, становится возможной деидеологизация понятия «национализм» путем изучения его в социальном контексте (в частности, как своего рода «габитуса» для образованного, но доведенного до нищеты среднего класса³⁵) и одновременно в культурном контексте (успех так называемых патриотических фильмов и телесериалов, воспроизводящих советскую классику³⁶).

Всего за несколько лет поле исследований по теме национализма коренным образом изменилось, здесь возник диалог с социальными науками, особенно с культурологией и антропологией. Подобный «уход от политической» или «уход от идеологической» составляющей, вероятно, будет весьма полезным для дальнейших размышлений и позволит расширить возможные толкования понятия «русский национализм».

Изменение парадигмы в рамках концепции российской национальной идентичности

Исследуя «русский национализм» в более широком контексте, где учитываются общие эволюционные изменения в России, мы получаем возможность, среди прочего, лучше осознать продолжающуюся трансформацию парадигмы в рамках концепции российской национальной идентичности. В данном случае речь пойдет о четырех основных направлениях: изменения в определении внутренних различий, изменение в территориальной самоидентификации, изменение отношения к Европе и изменения в негласном договоре между государством и обществом.

МИГРАЦИОННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ Внутренние различия стали пониматься иначе — во многом из-за «миграционной революции». Традиционное этническое разнообразие, формально выраженное в наличии автономных республик и округов, ушло на второй план, и теперь главное место в спорах относительно национальной идентичности занимают новые, неожиданные этнические различия, обнаружившиеся в результате трудовой миграции. В постсталинском Советском Союзе этническое многообразие России было оформлено в виде трех четко определенных и согласованных структур: это многообразие было территориальным (национальные меньшинства относительно

компактно жили в определенных регионах страны), культурно интегрированным (этническая самобытность ярко проявлялась в пределах национального целого и интегрировалась в более широкую концепцию «дружбы народов») и политически подконтрольным (существовали четко определенные механизмы субординации, срабатывавшие даже в том случае, если внезапно возникали локальные очаги межэтнической напряженности). Этническое многообразие, обнаруженное трудовой миграцией, не вписывается ни в одну из этих прежних

В этом контексте ксенофобия, особенно в отношении мигрантов (возник даже неологизм *мигрантофобия*), стала одним из новых дискурсов путинской России, и по этому вопросу среди населения — в иных случаях разделенного идеологией, образом жизни, уровнем доходов, социальными и возрастными различиями — возник широкий консенсус. По данным аналитического центра «СОВА», насилие в отношении людей, воспринимаемых как иностранцы (а к этой категории относятся и выходцы с Северного Кавказа, которые юридически являются

“Россия испытывает трудности с поиском новых схем, которые помогли бы справиться с дилеммой между российской и русской идентичностью”.

схем. Территориальные границы стерлись, и, более того, этническое многообразие распространяется по всей территории России, включая регионы, где раньше с подобным явлением не сталкивались. Оно не интегрировано в русскую культуру, поскольку мигранты, хотя большая часть из них — это бывшие советские граждане, которые пусть немного, но говорят по-русски, уже не включаются в воображаемую национальную общность. Даже сторонникам евразийской концепции России (которые сами составляют явное меньшинство) в данных обстоятельствах трудно разрабатывать промигрантский нарратив. Наконец, отсутствует и такое преимущество, которое предполагает наличие тех или иных политических механизмов, поддерживающих новую структуру. Наоборот, трудная миграция делает еще более очевидным, насколько дисфункциональна государственная система в путинской России, в том что касается коррумпированности государственных органов и отсутствия правовой среды, способствующей легализации мигрантов и их интеграции в российское общество.

гражданами России), занимает третье место в перечне наиболее распространенных видов насилия в России — после насилия по отношению к членам новых религиозных движений (НРД) и лицам, принадлежащим к ЛГБТ-сообществам. Однако в политическом отношении этническое насилие намного более значимо, нежели акты насилия в отношении религиозных групп и сексуальных меньшинств, которые остаются маргинальными и пока не могут вызвать мощной коллективной реакции. Этническое насилие наиболее важно с точки зрения его роли в формировании новой модели национальной идентичности в России, даже если три перечисленные категории насилия имеют сходные тенденции развития. Религиозные, сексуальные и этнические меньшинства явным образом исключаются из национальной общности, которая подразумевает принадлежность к православию, нравственные ценности, символизируемые гетеросексуальностью, и русскую этнокультурную идентичность.

При наличии примерно 13–14 млн мигрантов-иностранцев Россия просто не может

позволить себе плохо проработанную миграционную политику. Российские власти надеются вернуть себе контроль над общественным мнением и сделать так, чтобы казалось, будто они возглавляют борьбу против нелегальной миграции, все это время призывая к расширению Евразийского союза, что, похоже, идет вразрез с ксенофобскими настроениями российского общества, и будучи не в состоянии предложить стратегии по интеграции мигрантов и членов их семей. Между тем в реальности проблема гораздо шире собственно проблемы миграции. Все более очевидно, что Россия испытывает трудности с поиском новых схем, которые помогли бы справиться с дилеммой между российской и русской идентичностью. В действительности весьма вероятно, что в ближайшие годы, в соответствии с общеевропейской моделью, новым фактором отличия станет ислам.

Исламофобия, которая не имеет исторических корней в царской России, на наших глазах становится важным элементом разграничения между «мы» и «они», формируя категорию, объединяющую — без разбора — «террористов» с Северного Кавказа и мигрантов, которые просят выделить им места для культовых сооружений в городах, не имеющих традиции религиозного разнообразия. До недавнего времени антиисламские высказывания ограничивались более традиционной чеченофобией, где мусульмане и террористы воспринимались как одно и то же, но теперь этот нарратив отчасти перекрывается той напряженностью, которая возникает в связи с требованиями строить новые мечети для мигрантов. Совсем недавно Совет муфтиев был вынужден подать протест против распространения официального предупреждения ФСБ, в котором говорится о мечетях как о месте сбора террористов, а об «усердной молитве» — как о характерном для террориста-смертника поведении³⁷. Обретающая в России все большее значение

исламская идентичность повлияет на то, каким образом российским гражданам придется определять собственную национальную идентичность применительно к своей стране, и на то, как они будут урегулировать внутренние разногласия. Сложившаяся ситуация создает некую амбивалентность для той части российского населения, которая не определяет себя как «мусульмане», в частности татары или башкиры, и возникает риск, что они окажутся зажатыми между нарастающей исламофобией и радикальными исламскими группами.

ДЕЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ПРИ ОТСУТСТВИИ ФЕДЕРАЦИИ

Сохранение территориальной целостности России по-прежнему проблематично, но не в том смысле, в котором это имело место в начале 1990-х, когда «парад суверенитетов» угрожал развалить страну на части так же, как это произошло с Советским Союзом.

Во-первых, представление о собственной территории за последние годы изменилось: ближнее зарубежье, издавна воспринимаемое российским общественным мнением в качестве «естественных» границ России, даже если они уже не являются ее юридическими границами, уже не существует как единое целое. Если Украина, Белоруссия и Приднестровье, как и раньше, считаются территориями скорее внутренними, нежели внешними по отношению к России, то Южный Кавказ и Центральная Азия исключены из воображаемой национальной общности и теперь рассматриваются как нечто принципиально чуждое России. В частности, сегодня это проявляется в том, насколько существенное значение приобрели дискуссии о необходимости введения визового режима со странами Центральной Азии и Закавказья: это предложение поддерживают примерно две трети российских граждан³⁸.

Далее, проблемой по-прежнему остается Северный Кавказ. Будучи табу еще несколько

лет назад, идея, что Россия обретет территориальное единство и политическую стабильность, отказавшись от Северного Кавказа, приобретает все большую значимость. Все большая часть российского общества полагает, что отделение Северного Кавказа от России не стало бы серьезной трагедией для страны. Этот взгляд получил широкое распространение во время избирательных кампаний так называемой национал-либеральной оппозиции, в том числе блогера и оппозиционера Алексея Навального, благодаря которому приобрел популярность лозунг «Хватит кормить Кавказ». С этого момента антикавказские настроения и растущее недовольство путинским режимом стали взаимосвязанными, тем самым наделив национализм, направленный против режима, серьезным потенциалом для мобилизации³⁹.

Наконец, несмотря на то что в первой половине 2000-х «асимметричный федерализм» был упразднен, появляется новое территориальное многообразие. Размежевание между регионами усиливается: нарастает разрыв между донорами федерального бюджета и получателями денег из него; различается экономическая и социальная структура, образуя три разных «России», а именно Европейскую часть России, Юг России и Сибирско-Дальневосточно-Арктическую Россию; разнятся и торговые стратегии (торговый оборот между Дальним Востоком и остальной частью страны сокращается в пользу увеличивающейся торговли со странами Азии). Таким образом, у власти нет другого выбора, кроме как признать необходимость большей децентрализации, но она отказывается от повторной федерализации и пытается ограничить изменения, передавая «регионам ответственность за физическую реализацию некоторых обременительных надзорных функций, при том что контроль над процессом принятия решений прочно закреплен за Москвой»⁴⁰.

ИЗМЕНЕНИЯ В ПАРАДИГМЕ «ДРУГОЙ ЕВРОПЫ»

В том, как Россия определяет свою идентичность по отношению к Европе, также происходят серьезные изменения. Как и другие европейские государства, Россия начала задумываться о своей национальной идентичности со второй половины XVIII века. Идея особого пути (*Sonderweg*), на которую вдохновил пример Германии, противопоставлялась декларируемому универсализму французской модели — как монархии, так и республики — и распространилась по всей России: и в университетской среде, и в аристократических кругах. С появлением течения славянофилов в начале XIX века начал формироваться и огромный массив текстов, условно объединяемый под названием «русской идеи», который определял вневременные черты национальной сущности, признаки, образующие различные комбинации в зависимости от времени и целевой аудитории: религиозное мессианство (миф о Москве как о Третьем Риме), православная духовность, соборность, вера в центральную роль государства и/или самодержца, управляющего народом, преклонение перед крестьянством как носителем «самобытной» культуры, идея, что Россия и ее имперские окраины образуют отдельный мир, уникальную цивилизацию, которую Западу не дано понять. Представляя принадлежность России к Европе в качестве основной проблематики существования нации, это течение превратило русскую национальную идентичность в явление, которое в основе своей и «имитировало» идентичности Западной Европы, и «конкурировало» с ними⁴¹, так что они одновременно были как источником вдохновения, так и предметом осуждения. Это стремление к подражанию возникало из-за нежелания ощущать свою второсортность по отношению к Европе и от отсутствия поклонников России, способных оценить все ее достоинства⁴².

Сегодня отношения с Европой стали более сложными. Опросы общественного мнения показывают, что большинство россиян поддерживает официальный дискурс Кремля, который пытается оспаривать однополярность мира под американским господством, который считает НАТО врагом, стремящимся уменьшить влияние Москвы в ближнем зарубежье, а в Европейском союзе видит организацию, пытающуюся ослабить Россию и исключить ее из своей архитектуры безопасности и торговли⁴³. В то же время опросы

есть, что у России и Европы много общих ценностей, и «европейский выбор России — это не мода и не политическая конъюнктура. Это естественный итог нескольких столетий развития государства и общества»⁴⁶. Однако это не означает, что Россия должна позволить Брюсселю подвергать ее «тестам на европейскость», поскольку российские правящие элиты больше не воспринимают Запад как моральный авторитет⁴⁷. По словам Владислава Суркова, который долгое время был путинским *серым кардиналом*, «не выпасть

“Все большая часть российского общества полагает, что отделение Северного Кавказа от России не стало бы серьезной трагедией для страны”.

подтверждают, что россияне очень «европеизированы»: российский средний класс проводит отпуск в Европе, отправляет туда учиться своих детей, стремится туда эмигрировать, чтобы там работать или жить после выхода на пенсию, высоко ставит европейский образ жизни и социальные ценности демократии и полагает, что Россия является частью этой самой Европы (однако отстраняясь от ЕС как бюрократического института)⁴⁴.

Такие взгляды в целом соответствуют точке зрения, продвигаемой пропрезидентской партией «Единая Россия» и близким окружением Путина, которые играют на амбивалентности, критикуя Запад и особенно Соединенные Штаты и в то же время определяя Россию как часть более широкой европейской цивилизации. В ряде случаев российские официальные лица открыто и недвусмысленно поддерживают тезис о «европейскости» России: так, министр иностранных дел РФ Сергей Лавров назвал Европу, Соединенные Штаты и Российскую Федерацию «тремя столпами и тремя ветвями европейской цивилизации»⁴⁵. В некоторых официальных документах подчеркива-

из Европы, держаться Запада — существенный элемент конструирования России»⁴⁸.

Между тем антиамериканизм вновь стал одним из идейных инструментов, который Кремль использует для повышения статуса России на международной арене и для общения с наиболее консервативной частью внутренней аудитории. Двусторонние отношения с США действительно ухудшились, но сделать из Запада козла отпущения — это очевидно был политический ход путинской президентской кампании 2012 года, когда Кремль столкнулся с массовыми протестами против возвращения Путина к власти.

Вместе с тем Россия пользуется более широким спектром идеологических аргументов, которые выходят за рамки простого антиамериканизма; теперь она позиционирует себя как державу, выступающую за традиционные ценности и моральные нормы и противостоящую якобы упадническому Западу. Речь Путина на Валдае 20 сентября 2013-го ярко продемонстрировала, что вопросы морали и консервативные ценности включены в инструментарий Кремля, как обычно, скорее из прагматических, нежели из идео-

логических соображений. Российский президент сказал, что сегодня стране необходимы «поиски новой стратегии и сохранение своей идентичности в кардинально изменяющемся мире, в мире, который стал более открытым, прозрачным, взаимозависимым». «Вопросы “Кто мы?”, “Кем мы хотим быть?” звучат в нашем обществе все громче и громче. (...) Очевидно, что наше движение вперед невозможно без духовного, культурного, национального самоопределения. (...) Мы видим, как многие евроатлантические страны фактически пошли по пути отказа от своих корней, в том числе и от христианских ценностей, составляющих основу западной цивилизации. Отрицаются нравственные начала и любая традиционная идентичность: национальная, культурная, религиозная или даже половая»⁴⁹. Здесь мы опять сталкиваемся с давно существующей амбивалентностью в отношениях между Россией и Европой, которую можно было наблюдать еще среди славянофилов, когда Россия критикует Европу, защищая европейские ценности. Так, кампания против ЛГБТ-сообщества осуществлялась в поддержку иных европейских ценностей, то есть христианских корней Европы, а осуждение «евромайдана» на Украине объяснялось борьбой против атлантизма и НАТО.

НЕГЛАСНЫЕ И ГЛАСНЫЕ ДОГОВОРЕННОСТИ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ОБЩЕСТВОМ Последнее, но не менее важное, это то, что кардинально меняются условия соглашения между государством и обществом. После распада Советского Союза в отношении любого идеологического кредо Кремль придерживался осторожной или негативной позиции. Восторженные возгласы в пользу западного либерализма, звучавшие в 1990-х, быстро стихли, и постепенно была реабилитирована тема родины. Несмотря на все перемены, имевшие место при Путине, идеологическая ангажированность остается спорным вопросом, и внутри

правлящей элиты нет единодушного мнения по этому поводу. Третий срок Путина подтверждает две тенденции. Во-первых, на протяжении многих лет Кремль постепенно создавал идеологический метанарратив, хотя он по-прежнему отказывается конкретизировать какие-либо детали или систематизировать его содержание. Во-вторых, данный метанарратив воплощает ценности, которые определяются как консервативные. Означает ли это, что Путин и его ближайшее окружение изменили свой взгляд на мир и неожиданно ощутили большую потребность в идеологии? Нет, поскольку их подход к внутренним проблемам по-прежнему остается прагматичным, а в международных делах они следуют стратегии реальной политики (*realpolitik*) и руководствуются нигилистическими принципами, что способствует цинизму, патернализму и консьюмеризму. И вместе с тем — да, поскольку они стареют. Их легитимность постепенно уменьшается, а неспособность выдвинуть новое поколение выбранных преемников (в соответствии с китайской моделью) слишком очевидна. Таким образом, те, кто находится у власти, надеются компенсировать недостаток легитимности избытком идеологии. Еще более важно, что изменились обстоятельства, при которых власть заключала свой контракт с обществом. Сам по себе режим не изменился, несмотря на глубокие социальные трансформации, произошедшие в 2000-х годах. Нынешний консервативный поворот — это попытка как-то отреагировать на столь увеличившийся разрыв.

Мария Липман поясняет, что негласный «договор о невмешательстве», который регулировал отношения между государством и обществом в 2000-х (государство не вмешивается в частную жизнь граждан, а они в обмен на это не вмешиваются в управление государством), был нарушен демонстрациями против Путина зимой 2011—2012 годов⁵⁰. Система пытается сохранить статус-кво,

усиливая идеологическое принуждение. Для этого она все больше опирается на консервативное — и молчаливое — электоральное большинство, с тем чтобы маргинализовать активное меньшинство, исповедующее либеральные ценности, но в то же время и тех, кто придерживается националистических взглядов и хотел бы участвовать в принятии решений. Другими словами, система была вынуждена сделать явным то, что ранее лишь подразумевалось. Однако переход от неявного к явному труден и опасен.

“После распада Советского Союза Кремль придерживался осторожной или негативной позиции в отношении каких бы то ни было идеологических установок”.

Он *труден*, потому что идеологический консенсус в России стремится к минимуму. Согласие в отношении того, что в публичную сферу следует продвигать только те идеи, которые разделяют все, и ограничивать спорные вопросы частной сферой, существует, но не в том, что касается самой сути. Если же возникает необходимость объяснять суть, единодушие исчезает. Среди правящих элит нет единого мнения относительно национальной идентичности, будущей судьбы федерализма, демографии и миграционной политики, интерпретации советского прошлого, отношений с ближним зарубежьем и всего, что с ним связано (проблема соотечественников и др.). Нет единства между теми, для кого главные враги — это Соединенные Штаты и НАТО, и теми, кого больше всего беспокоит ислам или Китай, а также между теми, кто полагает, что можно обеспечивать экономическое развитие, сохраняя статус-кво, и теми, кто уверен в необходимости реформ. Формулирование идеологического контента — дело действительно сложное, тем более в такой открытой и разнообразной стране, как современная Россия. Это видно из дискуссий о необходи-

мости единого учебника по истории XX века, о роли православной церкви и др.

Переход от неявного к явному *опасен*, потому что открыто сформулированный общественный договор подразумевает признание идеологических разногласий, в то время как существующий в России режим ориентирован именно на отрицание разногласий в общественной сфере. А это в том числе предполагает, что инакомыслие должно быть дискредитировано (или подавлено) с помощью аппарата принуждения

с использованием правовых средств (закон об «иностранных агентах»), технологий (контроль над интернетом) и обеспечения безопасности (соответствующие службы). Однако такое предприятие дорого обходится с финансовой точки зрения, требует непомерного числа сотрудников и, кроме того, не согласуется с «нигилистическим» кредо элит. Возьмем в качестве примера закон 2012 года об иностранных агентах, который фактически остается инструментом репрессий, поскольку власти решили не давать никаких логических обоснований. И наконец, самое главное, идеология, которая формулируется открыто, предполагает признание важности политических ценностей, между тем основная идея, которую подразумевает режим, — не обсуждать природу общественного блага.

Разработка идеологии может косвенно способствовать плюрализму, что Кремль не приветствует. Это могло бы придать силу более либеральной точке зрения, к чему элиты смогли бы приспособиться с относительной легкостью, но в то же время и националистическим теориям (исходящим как со стороны «этнических русских», так и со стороны «этниче-

ских меньшинств»), которые поставят под угрозу стабильность режима. Таким образом, сохранение негласного договора Кремль рассматривает как способ избежать реальной или воображаемой опасности разделения страны. Похоже, в этом состоит основная проблема консервативного поворота, который наблюдается последние два года. До сих пор неявно формулировалось в терминах патриотизма, что позволяет пропагандировать общие социальные ценности и практики, а также коллективную память, ключевыми элементами которой являются советская культура и Вторая мировая война. Но поиски развития идеи патриотизма открывают ящик Пандоры, выпустив наружу национализм и породив цепную реакцию взаимодействия между «русским национализмом» и разными вариантами «нерусского национализма». Гражданский национализм не приветствуется, поскольку режим не поддерживает вовлеченность своих граждан в публичную сферу; этнический национализм рассматривается как угроза единству и стабильности России; государственный национализм, продвигаемый режимом в качестве третьего решения, все в меньшей и меньшей степени соответствует ситуации и не способен привести к консенсусу между государством и гражданами.

Заключение

В дальнейших исследованиях «национализма» в России нужно учитывать несколько составляющих. Во-первых, не следует использовать понятие «русский национа-

лизм» как эвристическую концепцию, суть которой понимается интуитивно, особенно в том, что касается ее политических последствий. Необходимым шагом к лучшему пониманию проблемы является деидеологизация анализа. Во-вторых, сравнительный подход позволит убрать шоры, возникающие при использовании гипотезы об исключительности России. Ксенофобия и популизм вот-вот станут мейнстримом на политической арене Западной и Центральной Европы, а американский патриотизм и претензии на исключительность вполне сравнимы с аналогичными претензиями России. В-третьих, вместо «русского национализма», вероятно, следует говорить о «русских национализмах», поскольку он преследует множество целей (повлиять на политическую повестку дня, трансформировать сознание граждан, придать новую энергию культуре), содержит разнообразные социальные и идеологические компоненты, различен в своих региональных и этнических проявлениях, у него разные целевые группы и способы общения с ними. В-четвертых, изучение «национализма» имеет смысл только тогда, когда оно объединено с исследованием социальных условий, «порождающих» национализм, и включает такие темы, как историческая память, гражданская идентичность, глобализация и пр. В результате мы получим более сложную, со многими нюансами картину, которая в гораздо большей мере соответствует нынешнему состоянию российского общества. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ См.: *Dowler W.* Dostoevski, Grigoriev and Native Soil Conservatism. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1982; *Gerstein L.* Nikolay Strakhov: Philosopher, Man of Letters, Social Critic. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1971; *Lukashevich S.* Konstantin Leontev: A Study in Russian “Heroic Vitalism”. N. Y.: Pageant Press, 1967; *Idem.* N. F. Fedorov: Study in Russian Eupychian and Utopian Thought. Newark: Univ. of Delaware Press, 1977.

² См., например: *Dunlop J. B.* The Faces of Contemporary Russian Nationalism. Princeton: Princeton Univ. Press, 1983; *Idem.* The New Russian Nationalism. N. Y.: Praeger Publishers, 1985; The New Russian Revolutionaries. Belmont, Mass.: Nordland Publishing Company, 1976; The Rise and Fall of the Soviet Union. Princeton: Princeton Univ. Press, 1993. См. также: *Yanov A.* The Russian Challenge and the Year 2000. N. Y.: Basil Blackwell, 1987; *Idem.* The Russian New Right: Right-Wing Ideologies in the Contemporary USSR. Berkeley: Univ. of California Press, 1978; *Laqueur W.* Black Hundred: The Rise of the Extreme Right in Russia. N. Y.: Harpercollins, 1993.

³ Среди работ, опубликованных позже, но посвященных тому же периоду, см.: *Brudny Y. M.* Reinventing Russia: Russian Nationalism and the Soviet State, 1953–1991. Cambridge—London: Harvard Univ. Press, 2000. См. также: *Parthé K.* Russian Village Prose: The Radiant Past. Princeton: Princeton Univ. Press, 1992.

⁴ *Митрохин Н.* «Русская партия»: Движение русских националистов в СССР 1953–1985. М.: НЛО, 2003.

⁵ *Suny R. G.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution and the Collapse of the Soviet Union. Stanford: Stanford Univ. Press, 1993. См. также более позднюю работу: *Beissinger M.* Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet Union. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.

⁶ Об организации «Память» см.: *Korey W.* Russian Antisemitism, Pamyat and the Demonology of Zionism. Harwood Academic Publishers for the Vidal Sassoon International Center for the Study of Antisemitism, The Hebrew University of Jerusalem, 1995. См. также: *Likhachev V.* Political Anti-Semitism in Post-Soviet Russia: Actors and Ideas in 1991–2003. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2006.

⁷ См.: *Suny R. G.* Intellectuals and the Articulation of the Nation. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1999; *Shnirel'man V.* Who Gets the Past? Competition

for Ancestors Among Non-Russian Intellectuals in Russia. Wash.: Woodrow Wilson Center Press, John Hopkins Univ. Press, 1996.

⁸ См.: *Shenfield S. D.* Russian Fascism: Traditions, Tendencies, Movements. N. Y.; L.: M. E. Sharpe, 2001; *Reznik S.* The Nazification of Russia: Antisemitism in the Post-Soviet Era. Wash. D. C.: Challenge Publications, 1996; *Parland T.* The Extreme Nationalist Threat in Russia: The Growing Influence of Western Rightist Ideas. L.; N. Y.: Routledge—Curzon, 2004; *Rossmann V.* Russian Intellectual Antisemitism in the Post-Communist Era. Lincoln, L.: Univ. of Nebraska Press, Vidal Sassoon International Center for the Study of Antisemitism, The Hebrew University of Jerusalem, 2002.

⁹ На эту тему см. дебаты, проходившие на страницах журнала *Post-Soviet Affairs*, между Стивенном Хансоном, Джефффри Копштейном и Стивенном Шенфилдом: *Hanson S. E., Kopstein J. S.* The Weimar / Russia Comparison // *Post-Soviet Affairs*. 1997. Vol. 13. No. 3. P. 252–283; *Shenfield S.* The Weimar / Russia Comparison: Reflections on Hanson and Kopstein // *Post-Soviet Affairs*. 1998. Vol. 14. No. 4. P. 355–368; *Hanson S. E., Kopstein J. S.* Paths to Uncivil Societies and Anti-Liberal States: A Reply to Shenfield // *Post-Soviet Affairs*. 1998. Vol. 14. No. 4. P. 369–375.

¹⁰ См.: *Giuliano E.* Constructing Grievance: Ethnic Nationalism in Russia's Republics. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2011; *Gorenburg D.* Minority Ethnic Mobilization in the Russian Federation. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.

¹¹ Среди многих других работ см., в частности: *Cheterian V.* War and Peace in the Caucasus: Russia's Troubled Frontier. L.: Hurst, 2009; *Шнифельман В.* Быть аланами: Интеллектуалы и политика на Северном Кавказе в XX веке. М.: НЛО, 2006; *De Waal T.* Black Garden: Armenia and Azerbaijan Through Peace and War. N. Y.: N. Y. Univ. Press, 2003, reed. 2013.

¹² Прежде всего речь идет о работах Дэвида Лэйтина и Пола Колстё: *Laitin D.* Identity in Formation: The Russian-Speaking Populations in the New Abroad. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1998, а также многие другие его статьи, посвященные странам Балтии; *Nation-Building and Ethnic Integration in Post-Soviet Societies: An Investigation of Latvia and Kazakhstan* / P. Kolstoe (ed.). Boulder, Westview, 1999; *Idem.* Political Construction Sites: Nation Building in Russia and the Post-Soviet States. Boulder, Westview, 2000. См. также: *Ingram A.*

A Nation Split into Fragments: the Congress of Russian Communities and Russian Nationalist Ideology // *Europe-Asia Studies*. 1999. No. 4. P. 687–704. Помимо этого, имеется в виду литература, в которой обсуждались концепции Роджерса Брубейкера: *Brubaker R. Nationalism Reframed: Nationhood and the National Question in the New Europe*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1996.

¹³ *Hill F. In Search of Great Russia. Elites, Ideas, Power, the State, and the Pre-Revolutionary Past in the New Russia, 1991–1996*. Ph.D., Cambridge: Harvard Univ., 1998.

¹⁴ Среди прочих работ см.: *Wilson A. Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World*. New Heaven: Yale Univ. Press, 2005; *Hale H. E. Why Not Parties in Russia? Democracy, Federalism, and the State*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007; *Sakwa R. Putin: Russia's Choice*. L.: Routledge, 2008, 4th ed.; *Idem. The Crisis of Russian Democracy: The Dual State, Factionalism and the Medvedev Succession*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011; *Rose R., Mishler W., Munro N. Russia Transformed: Developing Popular Support for a New Regime*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006; *Kononenko V., Moshes A. Russia as a Network State: What Works in Russia When State Institutions Do Not?* N. Y.: Palgrave Macmillan, 2011; *Ledeneva A. Can Russia Modernize? Sistema, Power Networks and Informal Governance*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013.

¹⁵ *Hale H. E. The Foundations of Ethnic Politics. Separatism of States and Nations in Eurasia and the World*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.

¹⁶ Анализ связи между «национализмом» и «внешней политикой» см.: *Tsygankov A. Russia's Foreign Policy: Change and Continuity in National Identity*. Lanham: Rowman & Littlefield, 2006; *Kuchins A., Zevelev I. Russia's Contested National Identity and Foreign Policy* // *Worldviews of Aspiring Powers: Domestic Foreign Policy Debates in China, India, Iran, Japan, and Russia* / H. R. Nau, D. M. Ollapally (eds). Oxford: Oxford Univ. Press, 2012. Исторический взгляд на проблему см.: *Tuminez A. Russian Nationalism Since 1856. Ideology and the Making of Foreign Policy*. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, Inc., 2000.

¹⁷ *Ortung R., Lussier D., Paretskaya A. The Republics and Regions of the Russian Federation: A Guide to Politics, Policies, and Leaders*. N. Y.: M.E. Sharpe, 2000; *Aldis A., Graeme P. Russian Regions and Regionalism: Strength Through Weakness*. L.:

Routledge, 2002; см. также: *Russian Regional Report*, переставший выходить в 2006 году (<http://www.isn.ethz.ch/Digital-Library/Publications/Detail/?lng=en&id=13831>).

¹⁸ См.: *Tsygankov A. Russophobia: Anti-Russian Lobby and American Foreign Policy*. N. Y.: Palgrave Macmillan, 2009.

¹⁹ *Umland A. Could Russia's Ultranationalists Subvert Pro-Democracy Protests?* // *World Affairs*. 2012. Jan. 19 (<http://www.worldaffairsjournal.org/article/could-russia%E2%80%99s-ultranationalists-subvert-pro-democracy-protests>).

²⁰ Это направление исследований сейчас только начинает появляться. См., например: *March L. My Country, Right or Wrong? Comparing Russian and American Nationalism's Foreign Policy Manifestations* // *Centenary Conference of Slavic Studies*, Leiden Univ. Oct. 11. 2013.

²¹ *Billig M. Banal Nationalism*. L.: Sage, 1995; *Ederson T. National Identity, Popular Culture and Everyday Life*. Oxford: Berg, 2002; *Fox J., Miller-Idriss C. Everyday Nationhood* // *Ethnicities*. 2008. Vol. 8. No. 4. P. 536–562.

²² См.: *Laruelle M. Inside and Around the Kremlin's Black Box: The New Nationalist Think Tanks in Russia* // *Stockholm Papers*. 2009. Oct.; а также нынешнее исследование, которое проводит Игорь Торбаков в Упсальском центре российских и евразийских исследований.

²³ См. серию книг под редакцией Александра Верховского, выпускаемых центром «СОВА»: *Демократия вертикали*. М.: СОВА, 2006; *Русский национализм: Идеология и настроение*. М.: СОВА, 2006; *Цена ненависти: Национализм в России и противодействие расистским преступлениям*. М.: СОВА, 2005; *Пути несвободы*. М.: СОВА, 2005; и кроме того: *Радикальный русский национализм: Структуры, идеи, лица* / Под ред. Г. Кожевниковой, А. Верховского. М.: СОВА, 2009. См. также: *Шнифельман В. Интеллектуальные лабиринты: очерки идеологий в современной России*. М.: Academia, 2004; *Он же. «Чистильщики московских улиц»*: Скинхеды, СМИ и общественное мнение. М.: Academia, 2007; *Sheiko K.*, in collaboration with S. Brown. *Nationalist Imaginings on the Russian Past. Anatolii Fomenko and the Rise of Alternative History in Post-Communist Russia*. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2009; *Лихачев В., Прибыловский В. Русское национальное единство 1990–2000*. Stuttgart: Ibidem Verlag, 2005.

²⁴ См. авторитетную работу Терри Мартина: *Martin T.* The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2001; а также: *Hirsch F.* Empire of Nations: Ethnographic Knowledge and the Making of the Soviet Union. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2005; *Slezkine Yu.* Arctic Mirrors. Russia and the Small Peoples of the North. Ithaca: Cornell Univ. Press, 1994; *Hosking G.* Rulers and Victims: The Russians in the Soviet Union. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2006.

²⁵ См., например: *Russian Nationalism, Foreign Policy and Identity Debates in Putin's Russia / M. Laruelle* (ed.). Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2012.

²⁶ См., например, материалы, которые были представлены на конференции «Национальная идентичность в Евразии II: миграция и диаспора», проходившей в *Wolfson College* (Оксфордский университет) 10–12 июля 2009 года (<http://www.mod-langs.ox.ac.uk/russian/nationalism/migrancyconf.htm>).

²⁷ *Giuliano E., Gorenburg D.* The Unexpectedly Underwhelming Role of Ethnicity in Russian Politics, 1991–2011 // *Demokratizatsiya. The Journal of Post-Soviet Democratization*. 2012. Vol. 20. No. 2. P. 175–188.

²⁸ См., например, коллективный проект *Nation-building and nationalism in today's Russia (NEORUSS)*, финансируемый Научно-исследовательским советом Норвегии.

²⁹ *Lassila J.* The Quest for an Ideal Youth in Putin's Russia II. The Search for Distinctive Conformism in the Political Communication of *Nashi*, 2005–2009. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2012; а также: *Mijnssen I.* The Quest for an Ideal Youth in Putin's Russia I: Back to Our Future! History, Modernity and Patriotism According to *Nashi*, 2005–2012. Stuttgart: Ibidem-Verlag, 2012; *Topalova V.* In Search of Heroes: Cultural Politics and Political Mobilization of Youth in Contemporary Russia and Ukraine // *Demokratizatsiya*. 2006. No. 1. P. 23–41; *Levintova E., Butterfield J.* History Education and Historical Remembrance in Contemporary Russia: Sources of Political Attitudes of Pro-Kremlin Youth // *Communist and Post-Communist Studies*. 2010. No. 43. P. 139–166.

³⁰ См., например: *Pilkington H., Omel'chenko E., Garifzianova A.* Russia's Skinheads: Exploring and Rethinking Subcultural Lives. L.; N. Y.: Routledge, 2010. См. также: *Омельченко Е.* АНТИФА против ФА: О терминах и не только // *Polit.ru*. 2010. Май 24 (<http://polit.ru/article/2010/05/24/antifa/>); *Аксюткина О.* Панк-вирус в России. М.: Леан, 1999.

³¹ *Sperling V.* *Nashi Devushki: Gender and Political Youth Activism in Putin's and Medvedev's Russia* // *Post-Soviet Affairs*. 2012. Vol. 28. No. 2. P. 232–261; а также нынешнее исследование Джулии Хеммерт по проблеме участия женщин в молодежных патристических движениях.

³² См., например, проект *Memory at war*, в рамках которого исследуется культурная динамика «войн памяти», которые в настоящее время бушуют в Польше, России и Украине (<http://www.memoryatwar.org/>).

³³ См., например: *Laruelle M.* In the Name of the Nation: Nationalism and Politics in Contemporary Russia. N. Y.: Palgrave/MacMillan, 2009; *Lipman M.* The Kremlin Turns Ideological: Where This New Direction Could Lead // *Russia 2025: Scenarios for the Russian Future / M. Lipman, N. Petrov* (eds). N. Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 220–239.

³⁴ См.: *Sullivan Ch.* Motherland: Soviet Nostalgia in Post-Soviet Russia. PhD, Political Science. The George Washington Univ. 2014.

³⁵ *Oushakine S.* The Patriotism of Despair: Nation, War, and Loss in Russia. Ithaca: Cornell Univ. Press, 2009.

³⁶ Среди прочего см.: *Norris S.* Blockbuster History in the New Russia: Movies, Memory, and Patriotism. Bloomington: Indiana Univ. Press, 2012; *Beumers B.* Myth-making and Myth-taking: Lost Ideals and the War in Contemporary Russian Cinema // *Canadian Slavonic Papers*. 2000. Vol. 42. No. 1–2. P. 171–189; *Prokhorova E.* Flushing Out the Soviet: Common Places, Global Genres and Modernization in Russian Television Serial Productions // *Russian Journal of Communication*. 2010. Vol. 3. No. 3/4. P. 185–204; *Hutchings S., Rulyova N.* Commemorating the Past/Performing the Present: Television Coverage of WWII Victory Celebrations and the (De)Construction of Russian Nationhood // *The Post-Soviet Russian Media: Conflicting Signals / B. Beumers, S. Hutchings, N. Rulyova* (eds). L.: Routledge, 2009. P. 134–155.

³⁷ Мусульмане Москвы возмущены распространением официального предупреждения ФСБ, в котром говорится о мечетях как о месте сбора террористов // *СОВА-центр*. 2014. 24 янв. (<http://www.sova-center.ru/religion/news/authorities/feelings/2014/01/d28874/>). Ссылка на материал на английском языке: <http://www.sova-center.ru/en/religion/news-releases/2014/01/d28886/>

³⁸ Отношение к мигрантам // Левада-Центр. 3 июля 2013 г. (<http://www.levada.ru/03-07-2013/otnoshenie-k-migrantam>).

³⁹ См.: *Laruelle M.* Alexei Navalny and Challenges in Reconciling “Nationalism” and “Liberalism” // *Post-Soviet Affairs*. 2014. Forthcoming.

⁴⁰ *Petrov N.* Gap Between Moscow and Regions Widens // *The Moscow Times*. 2012. July 30 (<http://carnegie.ru/2012/07/30/gap-between-moscow-and-regions-widens/eqe7>).

⁴¹ Цит. по: *Jaffrelot C.* Les Modèles explicatifs de l'origine des nations et du nationalisme. *Revue critique // Les Théories du nationalisme. Nation, nationalité, ethnicité / G. Delannoi, P.-A. Taguieff* (eds). Paris: Kimé, 1991. P. 167.

⁴² *Angenot M.* Les Idéologies du ressentiment. Montréal: XYZ, 1997.

⁴³ Россияне стали хуже относиться к Украине и Европе — опрос // <http://glavred.info/politika/rossiyane-stali-huzhe-otnositsya-k-ukraine-i-evrope-opros-260783.html>

⁴⁴ Около 60 проц. россиян хорошо относятся к Европейскому союзу (как правило, этот процент выше, когда речь идет не в целом о Еросоюзе, а об отдельных европейских странах). См., напр.: Россияне об отношении к другим странам // Левада-Центр. 11 окт. 2013 г. (<http://www.levada.ru/11-10-2013/rossiyane-ob-otnoshenii-k-drugim-stranam>); опрос по Германии: Россия и Германия:

оценка нынешних отношений и перспективы их развития // ВЦИОМ. Пресс-выпуск № 2453 (<http://wciom.ru/index.php?id=459&cuid=114603>).

⁴⁵ Foreign Minister of the Russian Federation Sergey Lavrov Visits Centre for Strategic and International Studies (Washington, D.C.), Meets With Politicians and Journalists and Gives a Speech on “Russia in a Multipolar World: Implications for Russia—EU—U.S.” 2011. July 16 (<http://www.rusembassy.ca/ru/node/589>).

⁴⁶ Агитатор «Единой России». М.: Европа, 2006. С. 35.

⁴⁷ См. на эту тему: *Тренин Д.* Интеграция и идентичность: Россия как «новый Запад». М.: Европа, 2006 или на английском языке: *Getting Russia Right*. Wash. D.C.: Carnegie Endowment for International Peace, 2007.

⁴⁸ *Сурков В.* Национализация будущего (параграфы про суверенную демократию) // Суверенная демократия: От идеи к доктрине. М.: Европа, 2006. С. 43.

⁴⁹ Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай» // <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>

⁵⁰ *Lipman M.* The Kremlin Turns Ideological. Where This New Direction Could Lead // *Russia 2025. Scenarios for the Russian Future / M. Lipman, N. Petrov* (eds). N. Y.: Palgrave Macmillan, 2013. P. 220–239.

Движения из Центральной Азии в Россию: в модели нового мироустройства

Территориальные перемещения становятся не только и не столько способом выживания, но и импульсом для распространения и «сборки» людей, капиталов, информации, навыков в новые социальные конфигурации | **СЕРГЕЙ АБАШИН**

Перемещение большого количества людей из Центральной Азии в Россию стало неожиданностью для экспертов и политиков. Я помню еще советские дискуссии 1980-х годов о том, почему жители «южных республик» неохотно выезжают за пределы своего региона. Невысокая, даже по советским меркам, тяга узбеков, таджиков и киргизов к добровольной мобильности была объявлена их врожденной и неисправимой культурной привязанностью к семье, общине и жаркому климату. Однако все эти объяснения оказались опровергнуты спустя всего лишь пару десятилетий, когда миллионы выходцев из региона вдруг оказались в российских городах.

Современная дискуссия о движении из Центральной Азии в Россию разворачивается в основном вокруг темы, хорошо ли это и нужно ли — или плохо и не нужно. Чрезмерная политизация этих обсуждений не позволяет в достаточной мере отстра-

ниться от идеологических предпочтений и взглянуть на происходящее в более широкой временной и пространственной перспективе. Поэтому в данной статье я хочу выполнить простую задачу — поместить наблюдаемые процессы в некоторую историческую последовательность, увидеть их этапы, классифицировать обстоятельства и создаваемые ими практики и идентичности.

Две постсоветские волны

Ниже в нескольких словах охарактеризована современная история движений из стран Центральной Азии в Россию, которые сильно активизировались еще в 1990-е годы. Вновь возникшие, преобразовавшиеся из бывших советских республик государства основывали свою легитимность на национальном нарративе возрождения и освобождения титульного народа. Неизбежным следствием такого идеологического сдвига стало масштабное переселение людей в

страны, которые они считали «своими»: русские (а также татары, чеченцы и ингуши) уезжали в Россию, украинцы (а также крымские татары) — в Украину, немцы — в Германию, евреи (даже бухарские евреи) — в Израиль. Дополнительными выталкивающими факторами были тяжелый экономический кризис, который охватил все постсоветские страны, и политическая нестабильность, которая особенно остро проявилась в Таджикистане, где началась гражданская война.

Отмечу тот важный факт, что выезд так называемого нетитульного населения из Центральной Азии в Россию не был спровоцирован распадом СССР, а начался задолго до этого. Уже в 1970–1980-е годы количество выезжающих превысило количество въезжающих¹. Всплеск выезда произошел в 1990-м, накануне распада СССР, а пика достиг в 1994 году. После чего масштабы выезда постепенно, с некоторыми колебаниями, снижались, но сама тенденция оставалась устойчивой на протяжении и 1990-х, и 2000-х годов. Всего в 1990-е годы Центральную Азию покинули около 2–2,5 млн человек.

Это движение из Центральной Азии в Россию (и другие страны) в 1990-е имело несколько особенностей.

Во-первых, оно носило, как отмечалось выше, в значительной мере этнически-ориентированный характер: выезжали из региона главным образом представители «нетитульных» национальностей, причем в самом начале 1990-х процесс имел, можно сказать, паническое развитие. Соответственно, очень часто в качестве мотива покидающие Среднюю Азию называли либо присоединение к «своему» национальному государству, либо бегство от притеснения в «чужом» национальном государстве. Даже если конкретный человек не имел никаких постоянных связей с «исторической родиной» и не испытывал реальной дискриминации, его решение о

переезде нередко диктовалось дискурсивным принуждением, типичными были такие высказывания: «все едут, значит, и мы должны ехать», «ситуация здесь будет только хуже, поэтому надо уезжать ради детей», «наша родина не здесь, поэтому надо уезжать»².

Во-вторых, уезжали главным образом городские жители с хорошей квалификацией. Это обстоятельство задавало высокие требования к условиям обустройства на новом месте и нередко создавало глубокую травму, связанную с необходимостью жить в каком-нибудь провинциальном российском городке и с понижением своего социального статуса.

В-третьих, это масштабное перемещение было преимущественно невозвратным — люди уезжали в Россию на постоянное место проживания и получали российское гражданство.

Наконец, в-четвертых, переезд не сопровождался никакими специальными государственными мерами ассимиляции и интеграции в стране приема. Оказавшись на «исторической родине», приехавшие быстро растворялись в основной массе местного населения, теряли свою «центральноазиатскую» специфику и не образовывали никаких «диаспоральных» сообществ. Случаи конфликта между местными и приезжими, а также примеры культивирования ностальгии по Центральной Азии, конечно, имели место, но были редки. Несмотря на болезненность этих процессов, в целом миграция 1990-х годов не привлекала общественного внимания, не осмысливалась как политическая проблема в России, требующая контроля и регулирования.

На рубеже 1990–2000-х в перемещениях из стран Центральной Азии в Россию обозначились новые тенденции. Хотя отток «нетитульного» населения продолжался, появилась и стала быстро нарастать тяга к движению и у представителей «титульной» нации. Между этими двумя процессами, безусловно, была прямая связь. Массовое перемещение людей

из одного региона бывшего СССР в другие привело к освоению и даже созданию целой инфраструктуры движения — практик перемещения через границы, распространения информации и обмена опытом, сетей поддержки в новой среде. Первые приезжие из числа «титulyных» народов использовали сохранившиеся дружеские и нередко родственные связи с уехавшими прежде представителями «нетитulyных» сообществ. В моих разговорах с теми и другими постоянно возникали примеры, когда вместе они создавали

наты попытки, правда неудачные, планового переселения жителей Центральной Азии в Россию и создания для них условий для постоянного семейного проживания³.

Кризис, который поразил Россию и страны Центральной Азии в начале 1990-х, после распада СССР, сделал идею контролируемого переселения рабочей силы бессмысленной, так как экономика резко упала и потребность в дополнительных рабочих руках исчезла. Быстрое экономическое восстановление России после 1998 года вкупе с продолжав-

“Миграция 1990-х годов не привлекала общественного внимания, не осмысливалась как политическая проблема в России, требующая контроля и регулирования”.

какой-то бизнес в России, помогали друг другу в устройстве на работу и поиске жилья, выступали в роли гарантов и свидетелей в случае контактов с полицией и т. д. Движение первой волны 1990-х, таким образом, в какой-то мере способствовало движению второй волны 2000-х.

При этом не надо забывать, что движение второй волны также имеет советскую предысторию. Уже в 1970–1980-е была сформулирована «проблема перенаселенности» Центральной Азии в результате быстрого демографического роста в этой части СССР, и тогда же было предложено решать эту «проблему» путем постепенного переселения «избыточного» сельского населения Центральной Азии в Россию, где уже в то время намечился демографический спад. Это перемещение поначалу имело временный характер — набор рабочих по вахтовому графику (сюда же можно отнести и «стройки», или военно-строительные отряды, которые комплектовались в значительной мере центральноазиатскими призывниками и работали как на оборонных, так и на гражданских объектах). В 1980-е были предпри-

шимся сокращением общей численности населения и его трудоспособной части к середине 2000-х опять создало ситуацию относительного дефицита рабочей силы на российском рынке труда. Это вызвало эффект притяжения рабочей силы прежде всего из бывших советских республик, которые сохранили безвизовый режим въезда в Россию, а также многие общие культурные привычки и навыки общения, включая русский язык.

Из стран Центральной Азии первыми двинулись жители самых бедных государств — Таджикистана и Кыргызстана, не имеющих собственных сырьевых отраслей; в обеих странах политическая нестабильность привела к глубокому экономическому упадку. Чуть позднее, в середине 2000-х, к ним присоединились жители Узбекистана, страны относительно богатой сырьем, но значительно перенаселенной. Казахстан скорее оказался в положении России: растущая на сырьевой основе экономика сама сформировала запрос на притяжение, а не выталкивание рабочей силы. В Туркменистане же экономический рост на сырьевой базе был обеспечен собственной избыточной рабочей силой.

По официальным данным Федеральной миграционной службы России, осенью 2013 года на территории страны одновременно находились около 4,5 млн выходцев из стран Центральной Азии. Примерно 4 млн из них относятся к рассматриваемой мною категории «титульного» населения⁴.

Движение 2000-х годов имеет несколько существенных особенностей, которые отличают его от 1990-х.

Во-первых, как было отмечено, оно чаще всего мотивировано экономическими причинами и связано с поисками заработка.

“Для большинства выходцев из Центральной Азии ассимиляция или интеграция в российское общество не является стратегической задачей”.

Во-вторых, преимущественно экономический характер движения обуславливает основные социальные характеристики самих мигрантов. Это в большинстве своем сельские жители или жители небольших городов, малоквалифицированная рабочая сила, то есть те, кому сложнее найти работу с хорошим заработком у себя дома. Преимущественно это мужчины трудоспособного возраста, с очень большой долей молодых.

По мере того как поездки на заработки за границу и денежные переводы домой становятся частью повседневной жизни и необходимым элементом социального статуса и социальных связей, происходит некоторая диверсификация стратегий, мотиваций и участников. Возрастает доля представителей среднего класса, которые выезжают за пределы страны для открытия собственного бизнеса. Кроме того, возрастает доля женщин, часть из которых едет, как и мужчины, за заработками, часть — вслед за мужьями и потенциальными брачными партнерами. Расширяется список стран, куда люди выезжа-

ют. Сугубо экономическая мотивация дополняется другими соображениями, такими как социальная мобильность, освоение профессиональных навыков и получение образования, поддержание социальных отношений⁵.

В-третьих, те, кто выезжает в Россию, как правило, не имеют в виду перебраться сюда на постоянное жительство. Большинство выходцев из Центральной Азии сохраняют гражданство своих стран и с разной регулярностью возвращаются на родину, часто с тем, чтобы снова отправиться за границу на заработки. У большинства семьи остаются дома,

а зарабатываемые средства они отправляют на их содержание, на повседневные нужды родственников, ремонт или строительство нового дома, приобретение предметов престижа, проведение разного рода социально-престижных публичных ритуалов (свадьбы, празднества по случаю обрезания сыновей, разного рода религиозные мероприятия), оплату лечения и учебы. Даже те выходцы из Центральной Азии, которые фактически большую часть времени находятся в России и редко выезжают в страну исхода, продолжают считать свое состояние «временным», поддерживают тесную связь с семьей и исходят из того, что рано или поздно вернуться на родину.

В-четвертых, из сказанного выше вытекает, что для большинства выходцев из Центральной Азии «ассимиляция или интеграция» в российское общество не является стратегической задачей. Значительная их часть входит в разнообразные сети, которые построены по родственному, земляческому или этническому принципу. Внутри этих сетей они воспроизводят многие «домашние»

практики, приспособленные к условиям перемещения и временного проживания. В сетевых сообществах создается своя собственная инфраструктура доверия, помощи, оказания тех или иных услуг, проведения досуга.

Постколониальность и глобализм

Почему движение из Центральной Азии в Россию вдруг стало важным элементом жизненных стратегий значительной массы населения? Ответ не так очевиден, как кажется. Конечно, крушение советской системы привело к демонтажу всей прежней социальной и экономической политики, которая удерживала население на своем месте разного рода ограничениями — пропиской и принудительными мерами, с одной стороны, а также инвестициями в порой убыточное производство и социальные программы — с другой. Резкое, почти катастрофическое падение уровня жизни, неопределенность жизненных перспектив и периодически возникающие политические катаклизмы не могли не спровоцировать поток желающих найти новое благополучие и новую устойчивость за пределами собственной страны. Безработица и ничтожно маленькие зарплаты и пенсии выталкивают людей на новые рынки труда туда, где даже небольшие, по тамошним меркам, доходы оказываются намного выше тех, на которые можно рассчитывать в своей стране.

Такой подход к движению как результату деградации объясняет спусковые механизмы процессов, но упрощает, на мой взгляд, картину происходящего в целом. В результате неверно выстраивается перспектива, и многие важные факторы остаются без внимания. Если взглянуть на рост мобильности населения в Центральной Азии в более широком контексте, то окажется, что масштабы, дальность и регулярность движения растут на всем постсоветском пространстве, а также в мире в целом. Кроме того, наблюдается безусловная связь между мобильностью и

современной стадией развития капитализма, которую иногда называют глобализацией, иногда постиндустриализмом, иногда постмодерном. С этой точки зрения, центральноазиатская ситуация предстает в несколько ином свете, нежели просто отражение бедственного состояния дел в странах, недавно получивших независимость. Территориальные перемещения становятся не только и не столько способом выживания, но и импульсом для распространения и «сборки» людей, капиталов, информации, навыков в новые социальные конфигурации. Последние имеют логику и смыслы, которые не зависят напрямую от особенностей той или иной конкретной страны, а подчиняются более широкому закономерностям.

Какие же дополнительные объяснения — помимо реакции на постсоветскую деградацию — можно найти перемещениям большого количества населения из Центральной Азии?

Представляется, что этот процесс можно описать как инерцию тех связей и взаимных зависимостей между Центральной Азией и Россией, которые складывались и укреплялись на протяжении как минимум полутора столетий существования в едином государстве. Обычно такого рода отношения характеризуются как имперские или, если хотят подчеркнуть неравенство, колониальные⁶. Принято считать, что империи неизбежно распадаются, а им на смену приходят освобожденные нации. В этой простой телеологической схеме, которая сегодня господствует в постсоветских странах, многое не до конца ясно, а одним из самых спорных является вопрос, который задают многие постколониальные критики: действительно ли империя исчезла или она приняла новые формы, где нации, то есть созданные самой империей конструкты, выполняют прежние функции окраин, по-прежнему перекачивая в бывшие метрополии ресурсы и получая взамен покровительство и контроль. Если

признать последнее, а оснований для этого немало, то тогда и массовое движение людей из Центральной Азии в Москву, Петербург и другие российские земли выглядит как постимперская ситуация, где продолжается, приобретая другие темпы и векторы, циркуляция рабочих рук, денег, практик, представлений и информации. Это движение по-новому фиксирует разделение труда между прежними «центром» и «окраинами», их иерархию и взаимную потребность друг в друге, даже если в риторике господствует резкое отторжение.

“Движение людей, становясь важной характеристикой (пост)современности, не меняет общественное устройство; оно остается иерархическим и антагонистическим”.

Еще одно объяснение, почему массы людей перемещаются из Центральной Азии, тоже достаточно очевидно, хотя на него мало обращают внимания. Как отмечено выше, значительную, если не основную, долю масштабной мобильности составляет выезд сельских жителей на заработки за границу. Иными словами, речь идет о весьма классическом процессе пролетаризации до сих пор преимущественно аграрного центральноазиатского общества. Советская модернизация пыталась по-своему организовать этот процесс, постепенно превращая местных жителей в сельскохозяйственный рабочий класс. При этом в качестве своеобразной компенсации за полупринудительный труд в регионе сохранялся частный аграрный сектор и соответствующие ему сельские практики, отношения и мировосприятие. Крушение СССР означало, в частности, и крах такой модели трансформации. После чего неизбежной стала стандартная версия капиталистического развития с разорением крестьянства, его обнищанием и исходом в города, где крестьяне становятся наемными работниками и под-

вергаются нещадной эксплуатации. Иначе говоря, то, что воспринимается как деградация, является, по сути дела, сменой социально-экономического порядка, — но не возвращением к каким-то прежним укладам, как это иногда кажется, а вхождением в совершенно новую форму общезития.

Пролетаризация не является предметом обсуждения, в частности, потому что ее ход и эффекты скрыты в сугубо национальном взгляде на движения. В странах исхода уехавшие считаются либо предателями нации, либо жертвами, либо добытчиками дохода.

В странах прихода их рассматривают как несущих угрозу чужаков или опять же жертв. Акцент, часто культурный и расовый, на том, что они уехали или приехали, становится важнее, чем социальная суть движения⁷. Тем не менее, как только мы снимаем с себя национальные очки, мы без труда распознаем классовый характер мобильности. Специфика состоит лишь в том, что система, в которой происходит классовое взаимодействие, не ограничена рамками стран и даже регионов, а имеет наднациональный масштаб. Эта система включает в себя в первую очередь постсоветское пространство как наиболее близкое и понятное, уже имеющее, как было сказано, историю единого существования и неравных отношений господства и подчинения между «центром» и «окраиной». Но мобильность уже выходит и за постсоветские рамки, распространяясь на новые пространства глобального капитализма и вписываясь в мировой порядок.

Другой смысл движения в Центральной Азии, о котором хотелось бы сказать, — это освоение и присвоение глобального про-

странства, инфраструктур и технологий коммуникации и транспорта, которые сами по себе задают импульсы и траектории движения. Например, легкость, с которой можно в короткий срок достигнуть другого конца света и получить доступ к каким-то новым благам, сама по себе толкает людей к путешествию. Сюда я добавил бы освоение технологий получения информации о мире и коммуникации на большом расстоянии. С их помощью создаются и поддерживаются образы и сети связей, которые также включены в процессы движения и обеспечивают его устойчивость, направление и обратимость. В более широком смысле я бы также включил сюда не только телефоны, интернет, автомобили и самолеты, но знание языков, усвоение глобальных стандартов в еде и одежде, правил поиска работы и так далее. По мере того как в Центральную Азию проникают технологии и инфраструктуры такого рода, у жителей региона формируются соответствующие привычки и возникает потребность в мобильности, которая порой воспринимается не только как необходимость, но и как удовольствие.

Наконец, для интерпретации современных перемещений я бы предложил использовать понятие «переселение народов». Несмотря на то что аналогии между очень разными историческими эпохами неизбежно рискованны, мне представляется важным указать на временную глубину, преемственность и цикличность движений. А с другой стороны — на постепенные тектонические сдвиги в распределении культур, языков и даже генетических особенностей, — сдвиги, которые не всегда видны в горизонте нескольких десятилетий. Мне кажется, что надо видеть и эту перспективу, поскольку в ней происходят новые массовые смешения и гибридизации, конструируются новые культурные типы и предпочтения, формируются новые сообщества и идентичности. Браки местных и приезжих, дети при-

езжих, которые рождаются и растут на новой земле и говорят на языке местных жителей, перемещение (туда и обратно) вслед за приезжими музыкальных и пищевых вкусов, которые становятся новой модой и т. д. — все это отдельные и сиюминутные симптомы таких трансформаций. Они собираются вместе и образуют глобальные тенденции, которые становятся видны по прошествии какого-то времени и лишь на дистанции от хаоса настоящего момента. Неочевидность этого тектонического сдвига и неясность его последствий не означает, тем не менее, что мы не ощущаем (иногда в виде неясных и иррациональных беспокойств) неизбежности самого этого процесса: появления совершенно новых культурных форм, приобретающих свою собственную силу и логику.

«Мигрантскость» и нелегальность

Парадокс нынешней эпохи состоит в том, что чем более масштабным и быстрым становится движение людей, тем больше в обществах и странах создается правовых, политических, социальных, культурных и прочих регламентов, с помощью которых мобильность регулируется. Движение, становясь важной характеристикой (пост)современности, не меняет общественное устройство, которое остается иерархическим и антагонистическим. Но движение придает этим иерархиям и антагонизмам еще одно, «мигрантское», измерение, которое учитывается при распределении статусов, богатств и возможностей. Точнее говоря, этих изменений много, и я попытаюсь их обозначить, отталкиваясь от предложенной выше классификации причин, которые определяют рост мобильности.

Самой очевидной является постимперская, или постколониальная, ситуация. В ней сохраняются бывшие различия между «центром» и «окраинами», однако если в прошлом они имели осозаемую и измеряемую террито-

риальную величину, то теперь ее потеряли. Части бывшей единой империи, сросшиеся за многие десятилетия и века, и после распада единого государства по-прежнему нуждаются друг в друге — в ресурсах, финансах, рабочих руках, военной поддержке, технологиях и идеях — для поддержания собственного существования и легитимности. Взаимная зависимость имеет неизбежно, как и прежде, свои диспропорции, которые после конца СССР не только не уменьшились, но во многих отношениях стали даже более значительными. В прошлом единое российское подданство, а затем советское гражданство служили инструментом колонизации и русификации, но, помимо подчинения, они несли дополнительные модернизационные и эмансипаторские последствия и эффекты. В условиях же, когда из Центральной Азии жители потянулись в Россию, отсутствие общего гражданства и вообще лишение приезжих из этого региона какого-либо устойчивого правового статуса стало новой стратегией господства заново переопределенного «центра» над жителями центральноазиатской «окраины». Превенционная просветительская и культуртрегерская политика окончательно уступила место прагматичному расчету, где подобным задачам уже больше нет места.

Новым средством колонизации стал статус и ярлык «мигранта», вместо прежних «иностранца» и «нацмена». «Мигрантскость» (негативно удвоенная ярлыком «нелегальности») в разных своих формах сопровождает большинство выходцев из Центральной Азии на протяжении всего их путешествия в Россию и другие страны. При этом она одновременно является и средством сверхэксплуатации, и заменой расстояния, которое в прошлом отделяло жителей «центра» от населения «окраин» и создавало между ними неформальные отношения «старших» и «младших», на новый способ отдаления. Упрек в «мигрантскости» и «нелегальности» сопрово-

ждается стремлением сделать все возможное, чтобы сохранить эту серую зону, которая является условием постколониальной заботы и подчинения. Конечно, для «нелегального мигранта» остается возможность стать гражданином и даже занять высокие позиции в новой ситуации, как когда-то «иностранец» и «нацмен» могли стать царским генералом или членом ЦК, но этот путь требует сверхусилий, преодоления многочисленных преград и постоянного доказательства собственной лояльности.

Пролетаризация центральноазиатских сельских жителей совершается не просто как движение из деревни в город, но еще и как движение из одной страны в другую. Это приводит к двойной эксплуатации «мигрантов» как наемных работников и одновременно бесправных иностранцев. Причем совмещение двух социальных ролей мешает осознать классовый характер такого рода отношений.

В России, где «мигранты» работают и создают прибавочную стоимость, их рассматривают как «гастарбайтеров» и «рабов», которые не являются электоральной силой, будто бы мешают местной экономике развиваться, искажают рынок труда своими низкими зарплатами, увеличивают криминальность, то есть создают массу «проблем» и «угроз». Вопрос об их собственных социальных правах редко обсуждается в качестве приоритета. Даже местные левые партии не готовы признать в них свою аудиторию, о правах которой стоило бы заботиться и чьей классовой мобилизацией заниматься. В самой Центральной Азии, куда «мигранты» возвращаются с заработанными средствами, они также не воспринимают себя и не воспринимаются окружающими в качестве отдельной социальной группы эксплуатируемых рабочих. Скорее на них смотрят как на очень разнородную массу предпринимателей — удачливых и не очень, которые совершили некую коммерческую сделку где-то за рубе-

жом. У себя дома такие «гастарбайтеры» старательно поддерживают и воспроизводят все престижные атрибуты сельских богачей, членов общины и сторонников «традиционного» уклада⁸.

Здесь хотелось бы еще раз уточнить один важный пункт. Смысл движения не ограничивается исключительно превращением сельских жителей в городской рабочий класс. В нем участвуют и представители бизнеса, которые пытаются сохранить свои накопления и капитализировать их за границей, и городская образованная молодежь, надеющая

Формирование иерархий начинается с момента принятия решения, когда выясняется, кто обладает личными качествами и состоянием, необходимыми для того, чтобы отправиться в дальнюю дорогу. Это решение предопределяет, кто будет кормильцем, а кто иждивенцем, кто при всех повышенных рисках получит больше символических и моральных бонусов и как в будущем распределятся роли и статусы в семье и общине. В зависимости от наличия средств и навыков выезжающий выбирает между стратегиями индивидуального поиска счастья или же, чаще,

“Пролетаризация центральноазиатских сельских жителей совершается не просто как движение из деревни в город, но еще и как движение из одной страны в другую”.

яся войти в когорту «белых воротничков», и деятели культуры и науки, которые ищут свободы творчества и признания в других странах и т. д. Но эти слои центральноазиатского населения часто остаются незамеченными в публичных фобиях, не выделяются в качестве «гастарбайтеров», а иногда даже занимают вполне высокостатусные позиции в новом обществе. Однако подчинение «мигрантов» имеет свою, не только классовую, логику, поэтому любой, кто попадает в их число, рискует быть приписанным вместе с наемными работниками к одной общей «проблемной» категории.

Следующий фактор, который связан с доступом к инфраструктурам и технологиям мобильности, также создает свои разграничения и иерархии. Последние связаны с умениями, навыками, психофизическими возможностями и в особенности с наличием необходимых финансов и связей, которые позволяют получить этот доступ. Важным фактором является количество посредников между человеком и средствами мобильности.

включения в сети. Внутри сетей каждому отводится определенное место и налагаются строгие ограничения на любые проявления самостоятельности. Сеть является посредником между человеком и технологиями, она дает ему деньги на первые шаги, она его охраняет и страхует, она объясняет, какие действия ему следует совершить. Социальная сеть, которая ведет человека по проторенной колее, дает гарантии и утверждает привычный порядок отношений, воспроизводит собственные формы господства и подчинения между старшими и младшими, мужчинами и женщинами, первопроходцами и последователями, «шустрыми» и «ведомыми». Парадоксальным образом технологии и инфраструктуры глобализации для многих оказываются способом воспроизводства и даже усиления локальных практик и убеждений.

Следует также заметить, что сеть, определяющая, что и как должен делать каждый из ее участников, усугубляет стигматизацию последних в качестве «нелегальных мигрантов» и «гастарбайтеров». Попадая в сеть, человек сразу оказывается в той социальной

нише, которая заранее задает набор обязательств и прав, символов и идентичностей. Выходец из Центральной Азии, которого старший родственник или знакомый сажает в самолет, затем везет к месту работы и так далее, обречен быть «мигрантом» — других путей у него практически не остается.

И, наконец, переселение народов. Выше говорилось о том, что этот процесс приводит к изобретению и возвращению новых гибридных культурных форм и типов. При этом конструирование и материализация этих форм и типов происходит через выстраивание иерархий, приписывание к определенным — высшим или низшим — позициям в общественных классификациях, применение целого набора правил и техник признания и исключения. В частности, в этих процессах отсылки к «культуре», «религии» и «расе» — по отдельности или в различных совместных комбинациях — превращаются в необходимый атрибут выделения «мигрантов» в отдельную категорию движущихся людей.

«Мигрант» — это тот, кто обязательно наделен признаками «чужого»⁹. «Чужими» являются его физический облик, вера и религиозные практики, культурные привычки. Выходцы из Центральной Азии, будь то с европеоидными или монголоидными чертами лица, таким образом, становятся, в глазах многих политиков, особенно националистического лагеря, «черными»; центральноазиатским культурам, которые почти полтора столетия переживали масштабную модернизацию внутри Российской империи и Советского Союза, приписывается чуть ли не первобытная или феодальная архаичность; центральноазиатский ислам, который только-только заново воссоздается после атеистической эпохи и несет на себе печать эклектики и внутренней противоречивости, с точки зрения и консерваторов, и либералов, уже выглядит как часть гомогенной «мировой угрозы», которую они нередко приписывают

исламу в целом. Дискурсивная расиализация, культурная и религиозная стигматизация, которой подвергается значительная часть перемещающихся между странами людей, оказываются условием вхождения в новую среду постоянного движения. Новые обобщающие идентичности и унижительные клички легитимируют, пусть даже негативным образом, совершающееся перераспределение пространства. При этом наделение тем или иным правовым, профессиональным или классовым статусом ставится в зависимость от культурных и биологических характеристик. Эссенциализация последних усиливается и выходит с уровня отдельных стран и регионов на глобальный уровень.

Распад СССР совпал с наступлением новой эпохи глобальных трансформаций, точнее сам распад был их частью, результатом и одним из сопутствующих условий. Если мы видим и понимаем этапы, тенденции и направления этих изменений, то можем оценить, каким образом более частные процессы вписываются в новую модель мироустройства. Трансграничные перемещения людей внутри бывшего СССР, в том числе из Центральной Азии в Россию, являются, судя по всему, не только временной реакцией на трудности и не результатом злой воли или управленческих ошибок, а вполне необходимым и, не побоюсь некоторого фатализма, неизбежным следствием пересборки сложившихся конфигураций пространств, темпоральностей, технологий, социальных иерархий и представлений. Принять этот факт не означает отказаться от обсуждения возможных сценариев развития процессов и попыток влиять на них. Однако в этой дискуссии должен присутствовать и более широкий горизонт событий и прогнозов, не сводимый к сиюминутным желаниям и интересам. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Rahmonova-Schwarz D.* Family and Transnational Mobility in Post-Soviet Central Asia: Labor Migration from Kyrgyzstan, Tajikistan and Uzbekistan to Russia. Baden-Baden: Nomos, 2012. P. 60–61.

² *Космарская Н.П.* «Дети империи» в постсоветской Центральной Азии: Адаптивные практики и ментальные сдвиги (русские в Киргизии, 1992–2002). М.: Наталис, 2006. С. 84.

³ *Rahmonova-Schwarz D.* Op. cit. P. 66–68.

⁴ Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по состоянию на 13 ноября 2013 г.). (<http://www.fms.gov.ru/about/statistics/data/details/54891/>). Ещё порядка 0,5 млн выходцев (титульных национальностей) из Центральной Азии получили российское гражданство.

⁵ Недостаточность экономического объяснения хорошо видна в антропологических исследованиях, которые вскрывают сложную и противоречивую мотивацию людей, отправляющихся или не отправляющихся в путь. См., например: *Рувз М.* По ту сторону экономического детерминизма: микродинамика миграции из сельского Кыргызстана // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 4. С. 262–280.

⁶ *Адамс Л.* Применима ли колониальная теория к Центральной Евразии? // *Неприкосновенный запас*. 2009. № 4. С. 25–36.

⁷ Интересно, что об этом применительно именно к Центральной Азии писал не кто иной, как Иммануил Валлерстайн, создатель концепции мир-системы. За 20 лет до распада СССР он предсказывал массовое движение центральноазиатских жителей в российские города: *Wallerstein I.* The Two Modes of Ethnic Consciousness: Soviet Central Asia in Transition // *The Nationality Question in Soviet Central Asia* / E. Allworth (ed.). Praeger Publisher, 1973. P. 168–175.

⁸ Российские эксперты сосредоточили свое внимание на том, что с «мигрантами» происходит в России, но очень мало знают о том, как «мигранты» живут после возвращения домой. См. редкий пример исследования в стране исхода: *Зотова Н.А.* Кишлак у реки: Опыт исследования миграционных процессов на примере одного поселения // *Этнографическое обозрение*. 2012. № 4. С. 54, 56–58.

⁹ *Шнифельман В.* Порог толерантности: Идеология и практика нового расизма. Т. 2. М.: НЛО, 2011. Гл. 3.

Этническая миграция и преступность

Насколько применимы к российским реалиям концепции и практические рекомендации по решению проблемы преступности, связанной с миграцией, которые предлагаются в работах западных авторов | **СЕРГЕЙ ГОЛУНОВ**

Проблема этнической миграции и преступности воспринимается в России особенно остро. Значительная часть общественности относится к мигрантам* негативно именно из-за совершаемых ими преступлений. В ряде населенных пунктов периодически вспыхивают локальные конфликты, в которых местное население требует покончить с «криминальным засильем» приезжих. С другой стороны, довольно велико число преступлений, совершаемых против мигрантов на почве этнической и расовой неприязни.

Научные изыскания о взаимосвязи миграции и преступности, несомненно, важны, но в России такого рода исследования не отвечают практическим потребностям. Как отмечал в 2003 году Григорий Пядухов, «проблема преступности внешних мигрантов относится к числу наименее исследованных и, пожалуй, более всего мифологизированных»¹. За прошедшие десять лет количество исследований увеличилось, однако круг вопросов, которые рассматриваются в посвященных данной проблеме работах, остается довольно узким: преобладают стандартные рассуждения о специ-

ализации тех или иных этнических преступных группировок и анализ статистических показателей преступлений, совершаемых иностранцами в отдельных регионах. Вместе с тем наметился определенный прогресс в изучении такого вопроса, как восприятие преступности в среде мигрантов общественным мнением и СМИ².

Серьезный толчок к дальнейшему развитию отечественных исследований могло бы дать полноценное изучение тех зарубежных работ, в которых предпринимаются попытки концептуализации названной проблемы и предлагаются пути ее решения. Это позволило бы расширить круг изучаемых вопросов, привлечь во внимание обнаруженные иностранными авторами закономерности, избежать некоторых ловушек и сомнительных интерпретаций. Речь идет, прежде всего, о работах, в которых рассматривается ситуация в государствах Европейского союза и Северной Америки, поскольку эти страны особенно притягательны для иммигрантов. Кроме того, представители этих государств явно преобладают в теоретических исследованиях, посвященных рассматриваемой тематике. Пытаясь применить западный опыт к российским реалиям, следует учитывать специфику ситуации в РФ, которая по ряду параметров, как мы увидим, существенно отличается от европейской и североамериканской.

* В данной работе термины «мигрант» и «иммигрант» во многом взаимозаменяемы, однако автор избегает употреблять второе понятие в тех случаях, когда речь может идти о перемещении граждан РФ внутри страны.

Таким образом, в данной статье мы попытаемся проанализировать, насколько применимы к российским реалиям те концепции и практические рекомендации по решению проблемы преступности, связанной с миграцией, которые предлагают в своих работах западные авторы. Учитывая ограниченный объем статьи, наша задача будет состоять не в полномасштабной проверке такого рода концепций, а в предварительной оценке перспектив их применения, а также в определении возможных направлений дальнейших исследований.

Проблема взаимосвязи миграции и преступности в работах зарубежных авторов

Согласно расхожему представлению, неквалифицированные мигранты из «бедных» стран и регионов более склонны к совершению преступлений, чем местное население страны/региона. Однако анализ статистических данных и результатов, представленных в исследованиях западных авторов, приводит далеко не к столь однозначным выводам.

Более того, исследователи, работающие на эмпирическом материале США, Канады и Австралии, в последние десятилетия пришли к мнению, что иммиграция чаще всего снижает либо существенно не изменяет относительный уровень преступности³. Этот тезис подкрепляется работами, основанными как на анализе больших массивов статистических данных в общенациональном и региональном масштабе, так и на изучении отдельных локальных случаев.

Феномен отрицательной взаимосвязи между иммиграцией и преступностью объясняется воздействием различных факторов. Во-первых, в процессе иммиграции очень часто происходит отбор инициативных и трудолюбивых людей, которые большей частью находят себе легальные источники существования⁴. Во-вторых, получая на новом месте гораздо

большой доход, чем у себя на родине, иммигранты, как правило, отнюдь не заинтересованы вступать в конфликт с законом, что чревато депортацией⁵. В-третьих (что можно проиллюстрировать на примере русскоязычного района Нью-Йорка Брайтон-Бич), попадая в депрессивные и маргинальные районы, иммигранты нередко способствуют их оживлению благодаря своей инициативности, коллективизму и взаимоподдержке, в результате чего создаются неформальные механизмы обеспечения порядка, развития предпринимательства⁶ и т. п. Наконец, в соответствии с «теорией контроля», у многих иммигрантов (значительная часть которых — это выходцы из традиционных обществ и уроженцы сельской местности) семейные и другие социальные связи зачастую крепче, чем у местного населения⁷. С этой точки зрения появление этнических анклавов, вопреки широко распространенному в России стереотипу, далеко не обязательно становится криминогенным фактором: такие анклавы в ряде случаев способны оживить местную экономику, создать дополнительные рабочие места, привести и упрочить институты социального контроля за соблюдением правопорядка и нормами приемлемого поведения⁸.

На фоне огромного массива исследований ситуации в Соединенных Штатах в какой-то мере теряются работы, основанные на эмпирическом материале стран ЕС. Между тем подобные работы приводят во многом к другим выводам: с 1980-х годов в большей части государств — нынешних членов Евросоюза доля преступлений, совершенных иммигрантами, существенно выше среднестатистической даже с учетом поправок на половозрастной состав приезжих и оценочную численность нелегальных иммигрантов. Данная закономерность, впрочем, также отнюдь не универсальна: в Великобритании, Ирландии и некоторых других странах ЕС уровень преступности среди иммигрантов и среди местного населения вполне сопоставим⁹.

Повышенный уровень преступности среди иммигрантов также имеет свои объяснения. Во-первых, значительная часть приезжих оказывается в крайне тяжелых социально-экономических условиях, не находя источников приемлемого дохода и не получая полноценного доступа к социальным благам. Если иммигрант находится на нелегальном положении, то это существенно сужает круг его возможностей, создает предпосылки для вовлечения в криминализованные сферы занятости (например, наркоторговлю) и приближает к культуре правового нигилизма¹⁰.

“Молодежь осознает свое маргинальное положение в принимающем обществе, даже несмотря на бóльшую, по сравнению с родителями, интегрированность в нем”.

Во-вторых, иммиграция может способствовать социальной дезорганизации местного сообщества: плохо взаимодействующие друг с другом из-за языковых и культурных барьеров общины оказываются не в состоянии совместно поддерживать порядок, что затрудняет усилия властей и благоприятствует криминальным группировкам¹¹. Ряд исследователей отмечают, что проблема заключается не столько в изменении этнического состава территориального образования как таковом, сколько в резкости подобного изменения, способном вызвать социальную дезорганизацию из-за слишком быстрого разрушения социальных связей при медленном налаживании новых¹². Разумеется, очень многое зависит от политики властей, их способности поддерживать правопорядок и социальную инфраструктуру, противодействовать деградации.

В-третьих, во многих иммиграционных потоках преобладают молодые мужчины, которые, как правило, составляют статистически наиболее криминогенную категорию населения. Эта закономерность достаточно ярко прослеживается и в России, где в 2010-

году на лиц обоего пола в возрасте 18–29 лет приходилось 43,8 проц. выявленных преступлений, а на мужчин (всех возрастов) – 84,5 процента¹³.

В-четвертых, могут возникать конфликты из-за несовпадения культурных норм и стандартов поведения мигрантов и местного населения. Ряд исследователей объясняют поведение части мигрантов укорененной в их культурах предрасположенностью к низкому уровню самоконтроля (для которого характерны импульсивность, избегание словесного объяснения своего поведения,

ориентация на краткосрочные, а не долгосрочные последствия собственных поступков и т. п.)¹⁴ или влиянием «культуры чести», ставящей во главу угла необходимость жестко отвечать обидчику на его оскорбления, а также не выдавать «своих» правоохранительным органам¹⁵. Кроме того, целый ряд деяний, которые среди некоторых групп иммигрантов могут считаться допустимыми или относительно терпимыми (домашнее насилие, потребление определенных наркотиков, проституция, взяточничество и т. п.), жестко наказуемы и недопустимы в принимающей стране¹⁶. Однако не следует абсолютизировать влияние культурных норм на конфликтное поведение мигрантов, учитывая как то, что подобные качества отнюдь не в обязательном порядке присущи всем представителям соответствующих этнических групп, так и риск допустить фундаментальную ошибку атрибуции, при которой мотивация поведения личности объясняется лишь присущими ей особенностями, а влияющие на поведение внешние факторы систематически недооцениваются¹⁷. Наконец, часть исследователей

обращают внимание на то, что относительный «вклад» иммигрантов из одних и тех же стран или регионов в уровень преступности разных принимающих государств нередко существенно различается¹⁸.

В-пятых, упомянутые выше механизмы социального контроля далеко не всегда эффективно работают в новых условиях, когда мигранты отрываются от контролирующих их дома социальных институтов и оказываются на новом месте¹⁹. Те же механизмы по большей части не помогают в решении «проблемы второго поколения» иммигрантов, представители которого нередко (хотя и не всегда) более склонны к совершению преступлений (часто в составе молодежных банд), чем представители первого поколения. Главной причиной распространенности такого явления исследователи видят в том, что молодежь осознает свое маргинальное положение в принимающем обществе, даже несмотря на большую, по сравнению с родителями, интегрированность в нем, а также переживает из-за проявлений дискриминации по отношению к иммигрантам. Вследствие этого молодые люди могут испытывать фрустрацию и стресс, которые выливаются в агрессивное поведение, а также проявлять упорное нежелание уважать нормы «несправедливого общества», которое казалось их родителям гораздо более привлекательным по сравнению с тем, что было у них на родине²⁰.

Наконец, в-шестых, алармистская реакция со стороны местного населения на увеличение численности мигрантов и усиление их социальных позиций может спровоцировать конфликты и вызвать всплеск преступлений на почве этнической и расовой неприязни. Популярны концептуальные объяснения такого рода ситуаций – это модели «группового соперничества» и «обороняемого района». В первом случае агрессивная реакция представителей большинства напрямую

связана с обострением социально-экономического соперничества, а во втором – с возрастающим страхом перед перспективой увеличения численности «чужаков» и потерей контроля над территорией²¹.

Специфика российской ситуации

В какой степени рассмотренные выше концептуальные объяснения могут быть применимы к российским реалиям? Ведь ситуация в России не всегда соответствует условиям, существующим в западных странах.

Что касается «вклада» иммигрантов в общее количество совершаемых преступлений, то здесь Россия гораздо ближе к США, чем к большинству стран ЕС. Доля иностранцев и лиц без гражданства в общем числе выявленных преступников за последние годы остается стабильно небольшой, составляя примерно 3,5 проц. (доля преступников из стран СНГ – чуть более 3 процентов). В некоторых регионах «вклад» иностранцев и лиц без гражданства существенно выше: в 2012 году они совершили 21,4 проц. преступлений в Москве, 20,4 проц. преступлений в Московской области и 8,3 проц. – в Санкт-Петербурге²². Однако столь высокий процент совершивших преступления иностранцев объясняется в первую очередь мощностью направленных в данные регионы иммиграционных потоков: в особенности следует иметь в виду, что в Москву, по некоторым оценкам, приезжает примерно треть²³, а с учетом прилегающих к ней районов Московской области – и до половины²⁴ прибывающих в РФ гастарбайтеров.

Вместе с тем «вклад» иностранных граждан в статистику ряда особо опасных преступлений гораздо более существенный, и это серьезная проблема: так, по заявлениям официальных лиц, в Москве иностранцы совершают около половины всех изнасилований²⁵. Как представляется, такая аномалия может отчасти объясняться выражено «мужским»

характером иммиграции, по крайней мере в некоторые регионы РФ, в сочетании с фактором проживания значительной части гастарбайтеров в замкнутых мужских коллективах. По данным Федеральной миграционной службы, в 2012 году мужчины составили 68,4 проц. посетивших Россию иностранцев в целом и 84,0 среди тех, кто указал целью своего визита работу по найму²⁶. Особенно велика оказалась доля мужчин в иммиграционных потоках из Таджикистана и Узбекистана: в первом случае они составили 82,5 проц. (в возрасте

год в России по подозрению в распространении наркотиков было задержано 258 граждан Таджикистана: даже если предположить, что выявляется всего 1 проц. наркоторговцев, это лишь считанные проценты от объема таджикской иммиграции в Россию, который тогда оценивался в 600–800 тыс. человек²⁸.

В исследованиях западных авторов не уделяется значительного внимания ситуации в малых населенных пунктах. Между тем в российских условиях именно в такого рода поселениях происходит значительная часть

“Не имея четкого представления о числе въезжающих в страну иммигрантов, трудно оценить и реальную динамику совершаемых ими преступлений”.

17–35 лет — 56,4 проц.), а во втором — 81,7 проц. (52,8 проц. в возрасте 17–35 лет)²⁷.

В отличие от западных стран, у России безвизовый режим с большинством наиболее важных для нее государств — доноров миграционных потоков. Подавляющее большинство иммигрантов из государств СНГ попадает в РФ и находится на ее территории на легальных основаниях, становясь «нелегалами» из-за сложности оформления разрешения на работу. Безвизовый режим серьезно влияет на положение иммигрантов в принимающем обществе: у них нет необходимости навсегда укореняться в РФ и создавать «этнические кварталы», которые пока не стали распространенным явлением в России. Либеральный режим въезда в РФ влияет и на характер связанной с иммиграцией преступности: например, с одной стороны, существующий порядок уменьшает масштабы контрабанды иммигрантов, но с другой — создает благоприятные условия для деятельности не только крупных и хорошо организованных, но и мелких групп наркоторговцев. При этом ни в коей мере не корректно отождествлять определенные этнические группы с торговлей наркотиками. Показательно, что за весь 2006

межэтнических конфликтов, поводами для которых порою становятся криминальные действия внешних либо внутренних мигрантов по отношению к представителям местного населения или наоборот. Недавними примерами такого рода конфликтов могут служить столкновения в Кондопоге (2006), Сагре (2011) и Пугачеве (2013). Конфликты с криминальной подоплекой не всегда можно объяснить статистическими тенденциями роста преступности в целом, поскольку этот рост могут спровоцировать действия даже единичной преступной группы или одиночек.

Наконец, западные авторы почти не рассматривают в своих работах влияние на преступность внутренней этнической миграции. В России же эта проблема гораздо более актуальна, поскольку в состав РФ входит ряд национальных республик, значительная часть населения которых проявляет высокую миграционную активность и при этом сохраняет культурную дистанцию с местным населением в регионах назначения. Несмотря на то что статистическая информация о тенденциях преступности среди внутренних мигрантов из республик-доноров весьма скудна и фрагмен-

тарна, тот факт, что на российской территории периодически возникают межэтнические конфликты с криминальной подоплекой, делает крайне важным изучение этой проблемы.

Категоризации, интерпретации, стереотипы

Как именно оценивается взаимосвязь миграции и преступности, в значительной степени зависит от выбора категорий для анализа, интерпретации полученных результатов, а порой и от устойчивых стереотипов оценивающего. Ряд серьезных проблем возникает даже тогда, когда исследователь основывается на измеримых показателях:

- Чтобы избежать дискриминации и не спровоцировать межэтническую напряженность, ни в России, ни в странах Запада не ведется учет преступников по этническому признаку. Как правило, доступна статистика по статусу гражданства совершивших преступления лиц, в США — также по расовым группам, в некоторых регионах России — по месту жительства преступников из других субъектов РФ. Это чревато условным отождествлением граждан стран-доноров с представителями их титульных национальностей (между тем немалая часть преступлений, совершаемых представителями некоторых государств Центральной Азии в РФ, приходится, например, на русских²⁹), а также выводит из категории иммигрантов тех, кто стал гражданином принимающей страны.
- Въезжающие в РФ иностранцы существенно различаются по целям пребывания (при этом далеко не все указывают свои цели правдиво) и длительности нахождения в стране.
- При пограничном контроле и даже при регистрации одни и те же люди, посещающие страну несколько раз в течение года³⁰, могут учитываться как разные, что при-

водит к значительному завышению числа въезжающих.

- Поскольку совершающие преступления иностранные граждане в среднем проводят на территории РФ гораздо меньше времени, чем россияне, корректность сравнения «вклада» в преступность тех и других достаточно условна.
- Не имея четкого представления о числе въезжающих в страну иммигрантов, трудно оценить и реальную динамику совершаемых ими преступлений. Рост абсолютного числа последних может быть всего лишь естественным следствием увеличения количества въезжающих в страну или среднего времени их пребывания в ней.
- В России время от времени возникает путаница между показателями доли совершенных иностранцами преступлений и доли иностранцев в числе преступников: во втором случае «вклад» иностранных граждан в криминальную статистику оказывается гораздо большим, чем в первом.
- Значительная часть совершаемых иммигрантами преступлений не представляет серьезной общественной опасности, объясняется желанием иностранцев попасть в страну и получить право на пребывание или трудоустройство в ней: в частности, самая статистически распространенная группа совершаемых иммигрантами преступлений связана с подделкой документов. Раскрываемость преступлений данного вида, однако, достаточно высока, тогда как с выявлением преступлений некоторых других видов (например, распространение наркотиков или кражи) дело обстоит гораздо хуже³¹. Не случайно, многие западные авторы предпочитают оперировать не общими показателями совершенных иммигрантами преступлений, а данными по преступлениям против личности, убийствам и т. п.
- Многие преступления, совершенные как мигрантами, так и против них, остаются

невывявленными. Те приезжие, которые находятся на нелегальном положении или опасаются полицейского произвола, не хотят сотрудничать с правоохранительными органами. Кроме того, как упоминалось выше, в кругах мигрантов нередко укоренена «культура несотрудничества» с полицией.

- На статистику может повлиять и повышенное внимание полицейских к тем или иным этническим и другим сообществам. В таком случае уровень выявляемых в этой среде правонарушений может резко возрасти, что,

Несовершенство статистики в России усугубляется тем, что широко распространены «экспертные оценки», основанные не более чем на интуиции их авторов или на ошибочной интерпретации существующей статистической информации. К сожалению, к оценкам сомнительной достоверности время от времени апеллируют и официальные лица, не исключая представителей МВД³⁴; они же нередко используют двусмысленные понятия, допускающие превратные толкования. Так, вплоть до недавнего времени в публичных

“Резкое ужесточение контроля над въездом в страну приводит к тому, что иммигранты ищут возможность навсегда осесть на новом месте жительства”.

как правило, усугубляется недостаточной правовой защищенностью иммигрантов, плохим знанием официального языка и законов принимающей страны³². Вместе с тем преобладающая часть западных исследователей полагает, что более высокий уровень преступности в среде некоторых сообществ иммигрантов нельзя объяснить исключительно (или в основном) предвзятостью полиции: с такими практиками идет целенаправленная борьба, а подавляющее большинство преступлений раскрывается благодаря сообщениям частных лиц, а не профилактическим операциям полицейских³³.

- Если социально-демографический состав мигрантов существенно отличается от состава местного населения (например, в числе первых статистически преобладают более склонные к совершению преступлений молодые мужчины и люди с низким уровнем образования), то делать вывод о большей склонности мигрантов к совершению преступлений не вполне корректно без учета пропорционального «вклада» в преступность соответствующих социально-демографических групп местного населения.

выступлениях представители УВД Москвы употребляли термин «приезжие» (на которых приходилось около половины или даже более совершаемых преступлений), не поясняя, что речь идет не столько об иностранцах, сколько об иногородних россиянах.

Сами по себе статистические данные или экспертные оценки имеют ограниченное влияние на общественное мнение. Не только в России, но и в западных странах, согласно общественному мнению, иммигранты считаются в большей мере связанными с преступностью, чем показывает статистика или личный опыт. Такое положение дел объясняется тем, что люди боятся увеличивающегося числа иммигрантов, доверяют политикам, занимающим жесткую позицию по иммиграционному вопросу³⁵; этому же способствует и искаженное представление проблемы в СМИ³⁶.

Особое влияние на общественное мнение может оказать интерпретация отдельных криминальных инцидентов или их избирательное освещение. К сожалению, многие СМИ уделяют неоправданно большое внимание серьезным преступлениям, совершаемым мигрантами, так как эти новости, по сравнению с

сообщениями о «рядовых» преступлениях, притягивают читателей и, соответственно, в значительной степени повышают рентабельность издания. Это создает своего рода «эффект подборки»: частота упоминаний об участии мигрантов в подобных происшествиях формирует у читателей искаженное представление об их «криминальности». (Справедливости ради надо отметить, что многие другие СМИ, напротив, ответственно подходят к освещению данной тематики, публикуя материалы, развенчивающие расхожие стереотипы и опираясь в своих выводах на официальную статистику.)

Пути решения проблемы

Предложения, которые встречаются в работах российских исследователей, во многом перекликаются. В частности, упоминается о необходимости совершенствовать взаимодействие между ведомствами, которые занимаются иммиграционными проблемами, улучшать информационный обмен между ними, расширять правоохранительное сотрудничество со странами — донорами иммигрантов, бороться с коррупцией в соответствующих органах власти и т. п.³⁷

Вместе с тем как среди исследователей, так и среди практиков есть сторонники и жесткой, и либеральной иммиграционной политики, и между ними существуют достаточно серьезные расхождения. Одни предлагают ужесточить контроль над перемещением иммигрантов внутри РФ³⁸, а часть из них и вовсе настаивают на введении визового режима со странами Центральной Азии. Другие же считают необходимым увеличить квоты на рабочую силу, либерализовать режим регистрации и найма на работу, тем самым легализуя иммигрантов, подрывая основанный на использовании труда нелегалов сектор и разрушая питательную среду для преступности³⁹. Обоснованность такой рекомендации в какой-то мере подтверждается выводами межстрановых исследований западных авторов, что в тех государствах (в частности, в США и

Канаде), где меньше барьеров для интеграции иммигрантов в принимающее общество, ситуация с преступностью в их среде лучше⁴⁰.

Тем не менее оба пути: как ужесточение, так и либерализация иммиграционной политики — могут повлечь за собой серьезные побочные последствия. Как показал опыт США 1980—1990-х годов, резкое ужесточение контроля над въездом в страну приводит к тому, что иммигранты стремятся не возвращаться на родину, а искать возможность навсегда осесть на новом месте жительства, переходя на нелегальное положение⁴¹. Такие же последствия может вызвать и ужесточение внутреннего контроля: если перед иммигрантами возникнут новые труднопреодолимые барьеры на пути к получению легальной работы, очень многие из них вынуждены будут стать нелегалами. В то же время в условиях безвизового режима между РФ и большинством стран СНГ еще большая либерализация миграционной политики может привести к резкому увеличению количества иммигрантов и, как следствие, — к значительному росту абсолютного числа совершаемых ими резонансных преступлений, а также к возникновению острых межэтнических конфликтов и т. п.

В рекомендациях западных авторов основной акцент делается на адаптацию иммигрантов, а также на расширение взаимодействия между ними и полицейскими органами. Подчеркивается, что слишком жесткая правоохранительная политика по отношению к иммигрантам уменьшает их доверие к полиции и не вызывает желания сотрудничать с ней⁴². В этой связи систематическое участие российской полиции в репрессивных акциях против нарушителей миграционного законодательства может стать серьезной проблемой, из-за этого очень многие иммигранты имеют основания опасаться, что обращение в правоохранительные органы только ухудшит их положение. Принимая во внимание опыт многих стран (в том числе соседнего Казахстана), было бы целесообразным рассмотреть воз-

возможность поручить операции против нарушающих закон иммигрантов специализированной миграционной полиции и предпринять другие шаги, существенно ограничивающие заинтересованность прочих правоохранительных органов в преследовании обращающихся к ним за помощью иностранцев, даже если те находятся в России и работают здесь с нарушением миграционного законодательства.

Пожалуй, наиболее популярный подход к налаживанию взаимоотношений между полицейскими органами и этническими меньшинствами в странах ЕС и Северной Америки — это создание атмосферы доверия и взаимопонимания между полицией и представителями сообществ (*community policing*). Данный подход ориентирован прежде всего на налаживание контактов с такими сообществами и на решение проблем, создающих условия для преступности⁴³. Важными мерами для налаживания коммуникации с этническими меньшинствами могли бы стать телефоны доверия, распространение информационных материалов на соответствующих языках и в особенности привлечение к работе полицейских, представляющих данные меньшинства⁴⁴. Нередко высказываются опасения, что ставка на таких полицейских может привести к разрастанию коррупционных связей между ними и их соотечественниками, однако, во-первых, нет достаточных оснований полагать, что полицейские, принадлежащие национальным меньшинствам, окажутся более коррумпированными, чем остальные; а во-вторых, помогающие смягчить такого рода проблемы стандартные антикоррупционные практики (провокация взятки, периодические ротации и т. п.) достаточно хорошо известны. Более серьезная проблема заключается в том, насколько полицейские будут заинтересованы добросовестно работать с возрастающим количеством выявляемых в среде мигрантов преступлений. Для решения этой проблемы, возможно, потребуется скорректировать механизмы стимулирования соответствующей работы

полиции, в том числе с использованием передового опыта западных стран.

Помимо полиции и самих мигрантских сообществ, очень важную роль в предупреждении преступности в среде мигрантов играет школа. Существующие исследования не дают оснований для серьезных опасений, что в России назревает «проблема второго поколения», по крайней мере в ближайшей перспективе. Напротив, утверждается, что среди детей мигрантов «антишкольные настроения» распространены даже в меньшей степени, чем среди остальных школьников, хотя и отмечается, что дети, прибывшие в Россию в среднем школьном возрасте, испытывают серьезные проблемы с адаптацией из-за плохого знания русского языка⁴⁵. Помимо адаптации мигрантов, школа играет ключевую роль в воспитании толерантности к представителям иных этнических и культурных групп, что уменьшает вероятность возникновения межэтнических конфликтов и совершения преступлений на почве этнической, расовой и религиозной ненависти. Учитывая эти соображения, продолжающаяся деградация российской системы образования может оказать весьма негативное влияние на динамику связанной с миграцией преступности.

Заключение

Исследования по проблеме взаимосвязи миграции и преступности, которые проводятся зарубежными учеными, имеют важное значение для концептуального осмысления и практического решения данной проблемы в России. В первую очередь речь идет о разного рода нюансах в процессе оценки статистических показателей, о влиянии различных социально-демографических факторов на динамику преступности, роли социальной дезорганизации в многоэтнических районах, о значении механизмов социального контроля в среде мигрантов для предупреждения преступности и т. п. Следует обратить самое серьезное внимание на рекомендации западных авторов, которые касаются налажи-

вания работы полиции с этническими меньшинствами и направлены на то, чтобы предотвратить втягивание детей иммигрантов в молодежные этнические преступные группировки. Кроме того, российским властям и общественности следует пересмотреть свое отношение к этническим анклавам, формирование которых не нужно считать безусловным злом, в случае если в них удовлетворительно поддерживаются правопорядок и социальная инфраструктура.

Вместе с тем своеобразие российских условий накладывает некоторые ограничения на возможность использования концепций и рекомендаций западных авторов в нашей стране. Основная часть западных исследований сфокусирована на «этнических кварталах» в крупных городах, в России же такие кварталы пока не стали распространенным явлением. Кроме того, для РФ большее значение имеет внутренняя этническая миграция, а также в России особенно остро стоит проблема связанных с криминальным фактором конфликтов в малых населенных пунктах.

Исходя из этих соображений, хотелось бы обратить особое внимание на следующие направления исследования проблемы взаимосвязи миграции и преступности в России:

- Нужно достичь консенсуса относительно базовых принципов подсчета, чтобы выяснить «вклад» иммигрантов в преступность, учитывая перечисленные выше проблемы подобных подсчетов. Широкая популяризация результатов дискуссии по этому вопросу затруднила бы спекуляции, основанные на некорректных категориях, необоснованных «экспертных оценках» и т. п.
- Необходимо проводить корреляционные исследования, устанавливающие влияние тех или иных социально-демографических факторов на динамику связанной с миграцией преступности. Накопленные результаты подобных исследований позволили бы российским ученым внести весомый

вклад в изучение данной темы на международном уровне.

- Следует обратить серьезное внимание на проблемы социальной дезорганизации на локальном уровне. Понимание механизмов такой дезорганизации может помочь в разработке социальных и правоохранительных мер, которые позитивно сказались бы на криминогенной обстановке в данном районе в условиях интенсивной миграции и многоэтнического состава жителей.
- Очень важная задача — это определить закономерности связанной с миграцией преступности в малых населенных пунктах. Как говорилось выше, эта проблема недостаточно изучена в работах западных авторов, и все же некоторые из предлагаемых ими концепций (например, социальной дезорганизации, социального контроля, группового соперничества и обороняемого района), вероятно, можно продуктивно использовать в такого рода исследованиях.
- Серьезное внимание следует уделить проблеме взаимосвязи с преступностью внутренней этнической миграции. Сложность состоит в том, что в случае с внутренней миграцией адекватные статистические данные в меньшей степени доступны для исследователей (по сравнению с данными об иностранных иммигрантах), а кроме того, нужно проявлять повышенную корректность в публичном освещении соответствующих вопросов. Вместе с тем злободневность проблемы настоятельно требует поиска путей ее решения.
- Необходимы исследования, основанные на социологических и экспертных опросах, а также на мониторинге СМИ, о восприятии проблемы обществом в целом, а также журналистами, представителями власти и правоохранительных органов. Важно оценить механизмы формирования, распространенность и динамику тех

или иных восприятий и понять, насколько соответствует действительности ряд укорененных представлений: например, кочующие из одной работы в другую характеристики криминальной специализации этнических преступных группировок.

- Целесообразно отслеживать ситуацию в

школах, основываясь на социологических и экспертных опросах, что может помочь вовремя диагностировать тенденции возникновения «проблемы второго поколения» или определить существенное снижение уровня толерантности в молодежной среде. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ *Пядухов Г.А.* Преступность среди этнических групп внешних мигрантов // Демоскоп *Weekly*. 2012. № 533–534 (<http://demoscope.ru/weekly/2003/0111/analit03.php>).

² См., например: *Осунов А.Г.* Идеология «миграционной политики» как элемент конструирования этнической конфликтности (на примере Краснодарского и Ставропольского краев) // Институт гуманитарно-политических исследований (http://www.igpi.ru/info/people/osipov/krasnodar_stavr.html).

³ См., например: *Andresen M. A.* International Immigration, Internal Migration, and Homicide in Canadian Provinces // *International Journal of Offender Therapy and Comparative Criminology*. 2013. Vol. 57. No. 5. P. 632–657; *Martinez R., Stowell J.* Extending Immigration and Crime Studies: National Implications and Local Settings // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2012. Vol. 641. No. 1. P. 174–191; *Ousey G. C., Kubrin Ch. E.* Exploring the Connection Between Immigration and Violent Crime Rates in U.S. Cities, 1980–2000 // *Social Problems*. 2009. Vol. 56. No. 3. P. 447–473.

⁴ *Davies G., Fagan J.* Crime and Enforcement in Immigrant Neighborhoods // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 2012. Vol. 641. No. 1. P. 103–104.

⁵ *Andresen M. A.* Op. cit. P. 635.

⁶ *Davies G., Fagan J.* Op. cit. P. 104.

⁷ *Ousey G. C., Kubrin Ch. E.* Op. cit. P. 453.

⁸ См., например: *Bell B., Machin S.* Immigrant Enclaves and Crime // *Journal of Regional Science*. 2013. Vol. 53. No. 1. P. 118–141.

⁹ *Solivetti L. M.* Looking for a Fair Country: Features and Determinants of Immigrants' Involvement in Crime in Europe // *The Howard Journal*. 2012. Vol. 51. No. 2. P. 147.

¹⁰ *Ibid.* P. 147.

¹¹ *Davies G., Fagan J.* Op. cit. P. 102.

¹² *Ibidem.*

¹³ Российский статистический ежегодник – 2011. Состав лиц, совершивших преступления (тысяч человек) (http://www.gks.ru/bgd/regl/b11_13/IssWWW.exe/Stg/d3/10-02.htm).

¹⁴ См., например: *Windzio M, Baier D.* Violent Behavior of Juveniles in a Multiethnic Society: Effects of Personal Characteristics, Urban Areas, and Immigrants' Peer Networks // *Journal of Ethnicity in Criminal Justice*. 2009. Vol. 7. No. 4. P. 239.

¹⁵ См., например: *Mbuba J. M.* Do Members of Racial Minority Groups Have an Affinity With Serious Crimes? An Empirical Analysis // *Journal of Ethnicity in Criminal Justice*. 2009. Vol. 7. No. 2. P. 123.

¹⁶ *Wortley S.* Introduction: The Immigration-Crime Connection: Competing Theoretical Perspectives // *International Migration and Integration*. 2009. Vol. 10. Iss. 4. P. 354.

¹⁷ *Jones E. E., Harris V. A.* The Attribution of Attitudes // *Journal of Experimental Social Psychology*. 1967. Vol. 3. No. 1. P. 1–24.

¹⁸ *Solivetti L. M.* Op. cit. P. 148, 151, 153.

¹⁹ *Ibid.* P. 134.

²⁰ *Hawkins D. F.* Things Fall Apart: Revisiting Race and Ethnic Differences in Criminal Violence Amidst a Crime Drop // *Race and Justice*. 2011. Vol. 1. No. 1. P. 652, 655.

²¹ *Grattet R.* The Urban Ecology of Bias Crime: A Study of Disorganized and Defended Neighborhoods // *Social Problems*. 2009. Vol. 56. No. 1. P. 135–137.

²² Рассчитано по данным Портала правовой статистики (http://crimestat.ru/offenses_rate).

²³ *Торюканова Е.* Трудовые мигранты в Москве: «второе» общество // Демоскоп *Weekly*. 2009. № 389–390 (<http://demoscope.ru/weekly/2009/0389/analit01.php#01>).

²⁴ Региональное измерение трансграничной миграции в Россию / Под ред. С.В. Голунова. М.: Аспект Пресс, 2008. С. 41,51, 83.

²⁵ См., например: Прокурор Москвы: Половина изнасилований и треть грабежей совершаются мигрантами // РБК. 2013. 1 февр. (<http://www.rbc.ru/rbcfreenews/20130201105732.shtml>).

²⁶ Сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации, в половозрастном разрезе (по целям прибытия) (по состоянию на 31 марта 2013 г.) // Федеральная миграционная служба. Статистические сведения в отношении иностранных граждан, находящихся на территории Российской Федерации (<http://www.fms.gov.ru/about/statistics/foreign/details/54893/>).

²⁷ Там же.

²⁸ См.: *Голунов С.В.* Фактор безопасности в политике России и Казахстана по отношению к их общей границе. Диссертация на соискание ученой степени доктора политических наук. Нижний Новгород, 2008. С. 408.

²⁹ *Пядухов Г.А.* Указ. соч.

³⁰ Граждане стран СНГ, не имеющие официального трудоустройства, могут находиться в РФ до 90 дней подряд, после чего они должны выехать из России, сохраняя право посещать ее неограниченное количество раз в течение года.

³¹ *Ренецкая А.Л.* Миграция и региональная преступность: характеристика и проблемы борьбы (по материалам одного криминологического исследования) // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2007. № 1–2. С. 52.

³² *Wortley S.* Op. cit. P. 370–371.

³³ *Solivetti L. M.* Op. cit. P. 135.

³⁴ Например, в июне 2013 года начальник УВД по Южному административному округу г. Москвы Александр Подольный заявлял, что в его округе иностранные граждане будто бы совершают 49 проц. преступлений. См.: Глава УВД ЮАО: планшеты и камеры делают работу полиции оперативнее // Сайт Управления внутренних дел по Южному административному округу города Москвы, 25.06.2013 (<http://uvduao.ru/news1420.html&file=news>). Учитывая, что доля иностранцев в количестве преступлений по всей Москве в 2012-м

в девять (!) раз меньше, этот процент выглядит заметно преувеличенным. Возможно, подобная оценка появилась в результате путаницы между категориями «иностранный» и «приезжий».

³⁵ *Ceobanu A. M.* Usual Suspects? Public Views About Immigrants' Impact on Crime in European Countries // International Journal of Comparative Sociology. 2011. Vol. 52. No. 1–2. P. 114.

³⁶ *Fitzgerald J. K., Curtis A., Corliss C. L.* Anxious Publics: Worries About Crime and Immigration // Comparative Political Studies. 2012. Vol. 45. No. 4. P. 484.

³⁷ См., например: *Аветисян А.С.* Криминологическая характеристика и анализ этнической преступности на Дальнем Востоке России // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского государственного университета экономики и сервиса. 2011. № 4. С. 179–180; *Ренецкая А.Л.* Указ. соч. С. 53.

³⁸ См., например: *Аветисян А.С.* Указ. соч. С. 178.

³⁹ *Ренецкая А.Л.* Указ. соч. С. 52–53.

⁴⁰ *Wortley S.* Op. cit. P. 350.

⁴¹ *Голунов С.В.* Безопасность американско-мексиканской границы: Опыт пограничной политики США // США и Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 4. С. 40.

⁴² *Kirk D. S., Papachristos A. V., Fagan J., Tyler T. R.* The Paradox of Law Enforcement in Immigrant Communities: Does Tough Immigration Enforcement Undermine Public Safety? // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 2012. Vol. 641. No. 1. P. 79–98.

⁴³ *Black P. J., Kari C. J.* Policing Diverse Communities: Do Gender and Minority Status Make a Difference? // Journal of Ethnicity in Criminal Justice. 2010. Vol. 8. No. 3. P. 217; *Ong M., Jenks D. A.* Hispanic Perceptions of Community Policing // Journal of Ethnicity in Criminal Justice. 2004. Vol. 2. No. 3. P. 54.

⁴⁴ *Ibidem.*

⁴⁵ *Александров Д.А., Баранова В.В., Ивановшина В.А.* Дети и родители-мигранты во взаимодействии с российской школой // Вопросы образования. 2012. № 1. С. 176–199 (http://www.hse.ru/data/2012/09/03/1243132132/Вопросы%20Образования%20No.1_2012%20Alexandrov.pdf).

Трансформация Северного Кавказа: от традиционного общества к современному

Северный Кавказ — это не застойное, архаичное общество. Это общество, переживающее драматичный, но совершенно не уникальный период разложения традиционной системы отношений и институтов

Ирина Стародубровская

Северный Кавказ все больше воспринимается как тяжелая, болезненная и практически неразрешимая российская проблема. Значительные бюджетные ресурсы, не дающие особого видимого эффекта; проблемы насилия и терроризма, порождаемые этим регионом; значимые культурные отличия, демонстрируемые его представителями, — все это формирует однозначно негативный облик Северного Кавказа в глазах жителей остальной России. Средства массовой информации привычно рисуют образ страны, которая имеет значительный потенциал развития и в целом ориентирована на общецивилизационные стандарты (хотя и в большей мере привержена консервативным ценностям), но дикий, архаичный Кавказ тянет ее назад. Общественное сознание воспринимает этот образ в качестве практически абсолютной истины.

Между тем не только обыватель, но и большинство экспертов вряд ли знают про Северный Кавказ что-либо, выходящее за рамки распространенных штампов: депрессивная экономика, не имеющая экономических перспектив; нищее, неразвитое население, живущее по архаичным обычаям; широкая популярность радикальных идей, по сути призывающих вернуться в средневе-

ковье; конфликтность и насилие как неизменные атрибуты населяющих этот регион этносов. Эта картинка, внутренне вполне логичная, на самом деле оторвана от действительности.

В рамках данной статьи я хотела бы рассмотреть расхожие представления о Северном Кавказе и продемонстрировать, насколько они соответствуют реальной ситуации в данном регионе. Знания о реальности почерпнуты из первых рук. В течение пяти лет наша команда¹ проводит полевые исследования в различных северокавказских республиках. Основной акцент был сделан на Кабардино-Балкарию, Карачаево-Черкесию и Дагестан, именно к опыту этих регионов я буду апеллировать в своем анализе. В этих республиках исследования распространялись на самые разные территории: города и сельскую местность, равнину и горы, а также на различные социальные страты и сообщества, в особенности на молодежь.

Начнем с самого главного, основополагающего стереотипа, из которого, собственно, так или иначе, вырастают все остальные: *Северный Кавказ – это отсталый, застойный, архаичный регион.* На самом деле, на Северном Кавказе в последние два с половиной десятилетия происходят столь радикальные,

динамичные и необратимые изменения, что в этом отношении его трудно сравнить с каким-либо другим российским регионом. Как и вся страна, Северный Кавказ за этот период пережил качественную трансформацию от плановой к рыночной экономике. Но на Кавказе она совпала с еще одной не менее радикальной трансформацией — от традиционного к современному обществу². В истории любой страны и любого народа подобная трансформация — один из самых болезненных периодов. Для этого периода характерны:

- незавершенный демографический переход, когда существенное снижение смертности еще не сопровождается адекватным падением рождаемости, тем самым резко растет население, усиливается конкуренция за ресурсы, возрастает потенциал насилия;
- разрушение традиционных социальных регуляторов при несформированности современных, что в социологической науке получило название *аномия* — «безнормие», беззаконие;
- активные миграционные процессы, в первую очередь урбанизация — перетекание сельского населения в города, что разрушает целостность городской культуры, усиливает аномию и конкуренцию за ресурсы;
- манифестация межпоколенческого конфликта не как межличностного, а как ценностного, причем конфликтность усиливается вследствие новизны и непривычности этого явления, нехарактерного для традиционного общества;
- пересекающиеся права на ресурсы, которые имеют своим источником как нормы и правила традиционного общества, так и современное законодательство.

Во всех этих характеристиках нет ничего специфически кавказского. Так, термин «аномия» ввел французский социолог Эмиль Дюркгейм на рубеже XIX и XX веков, о меж-

поколенческом конфликте писали, в частности, авторы российского сборника «Вехи» в 1909 году, на феномен пересекающихся прав на ресурсы обращал внимание Карл Маркс в «Капитале», характеризуя первоначальное накопление в Англии XVII века.

Но данная трансформация не бесконечна. И на Северном Кавказе уже видны признаки ее завершения.

Так, по результатам последней переписи населения, из всех северокавказских регионов суммарный коэффициент рождаемости существенно превышает уровень простого воспроизводства лишь в Республике Ингушетия и Чеченской республике. В некоторых других регионах, например в Республике Дагестан, сохраняется существенная внутрорегиональная дифференциация, но общий тренд на завершение демографического перехода просматривается достаточно четко. У отдельных северокавказских этносов, для которых в прошлом была характерна экстремально высокая рождаемость — карачаевцев, табасаранцев — в настоящий период происходит резкое снижение количества детей в семье. А большинство сообществ северо-западного Кавказа завершило демографический переход еще к началу 1990-х³.

То же можно сказать и про эффекты, связанные с процессом урбанизации. После массового отъезда образованного городского населения (как русского, так и местного) из северокавказских городов в начале 1990-х в течение достаточно длительного времени можно было с уверенностью говорить о господстве тенденции «село переваривает город». Но в последние несколько лет появились определенные признаки того, что «город начал переваривать село», по меньшей мере, в отдельных крупных городах. В них постепенно формируется вполне современная городская среда, не сильно отличающаяся от других крупных российских городов, а иногда и отличающаяся в лучшую

сторону. Так, в Махачкале складывается культура кофеен как современных коммуникационных площадок и «третьих мест», все более активно идет структуризация городского сообщества (многочисленные группы по интересам, дискуссионные площадки), формируется запрос на современную культуру общения.

Попробуем теперь разобраться с экономическим развитием. Правда ли, что *экономика Северного Кавказа глубоко депрессивна, характери-*

ситуация не везде характеризуется позитивными тенденциями, но при этом явно складываются центры активного экономического роста, динамично развивающиеся территории. На Северо-Западном Кавказе они существуют как в рамках формальной, так и в рамках теневой экономики. К первым, хотя бы частично, можно отнести давно функционирующие горнолыжные курорты — Приэльбрусье, Домбай, — где развитие идет не без проблем и конфликтов, но в целом

“Подавляющее большинство работников теневого сектора искренне считают себя безработными. На практике же **реальная занятость достаточно высока**”.

зуется отсутствием экономического роста, массовой безработицей и неспособностью к развитию? Заметим, что именно на этой предпосылке построена Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа до 2025 года, которая на настоящий момент является основным документом, определяющим долгосрочные перспективы региона. Действительно, данный документ исходит из того, что для решения не только экономических проблем (депрессивность и безработица), но и социальных (борьба с радикальными идеями и насильственными практиками) необходимо ускоренное развитие, а этого невозможно добиться за счет использования внутреннего потенциала региона. Внутренних ресурсов накопления и инвестирования в бедных, застойных регионах нет, поэтому нужно привлечь инвесторов со стороны. А чтобы внешние инвесторы пошли на территорию со столь серьезными проблемами, государство должно обеспечить им масштабную поддержку, позволяющую страховать неизбежно высокие риски.

Между тем картина экономического развития на Северном Кавказе далеко не столь однозначна. Как и в любом регионе,

достаточно успешно, а также ряд современных промышленных предприятий, в том числе и возникших «с нуля». Теневой сектор представлен, в частности, «трикотажным кластером» в Карачаево-Черкесии, использующим вполне современные технологии, профессиональные дизайнерские решения и имеющим широкий рынок сбыта. Что касается Северо-Восточного Кавказа, то тут развитие в рамках теневой экономики явно преобладает, но «очаги модернизации» достаточно многочисленны как в промышленности, так и в сельском хозяйстве. Здесь, хотя и не очень быстро, происходит технологическая модернизация (например, внедрение новых сортов, капельный полив, анализ почв, современные хранилища в растениеводстве), развиваются современные логистические сети, кое-где начинается формирование собственных брендов.

Конечно, это не значит, что в экономике Северного Кавказа нет серьезных проблем, решение которых требует целенаправленных усилий власти и общества. Попробуем обозначить основные из них.

Развитие практически любой, не связанной с государством экономической деятель-

ности на Северном Кавказе имеет достаточно четкий «потолок». В условиях недейственности правовых норм и тотальной коррупции каждый бизнес, по тем или иным причинам обративший на себя внимание, попадает в зону повышенного риска. Тем самым вместо расширения вложений в экономическую деятельность и развития бизнеса местные предприниматели предпочитают «не высываться». И тратят полученные доходы на престижное потребление — дорогие дома, машины, роскошные свадьбы, драгоценности и т. п. Либо вкладываются в другие регионы, где инвестиционный климат представляется более благоприятным. Поэтому основная проблема, собственно, не в том, что в регионе нет ресурсов для инвестирования, а в том, что издержки легализации и барьеры для инвестиций настолько высоки, что собственники предпочитают не рисковать.

Экономика региона несет в себе значительные риски, связанные с нестабильностью спроса и условий производства. Особенно наглядно это можно продемонстрировать на примере растениеводства. Факторы нестабильности здесь — изменение конъюнктуры рынка и климатические условия. Ярким примером их влияния стала динамика капустного бизнеса — одного из наиболее активно развивающихся «очагов модернизации» на Кавказе. Благоприятная конъюнктура рынка в один из прошедших годов позволила производителям капусты получить аномально высокие доходы. Это создало стимулы для неконтролируемого расширения производства как в рамках «капустного кластера», так и со стороны производителей других сельскохозяйственных продуктов (моркови, картофеля), которые переключились на выращивание капусты. В результате на следующий год спрос превысил предложение, и цены резко упали. Ранние морозы, погубившие значительную часть урожая, завершили дело — потери сельхозпроизводителей оказа-

лись велики. А в условиях теневой экономики страхование рисков, естественно, не предусмотрено.

Положение работников в рамках теневой экономики также отличается нестабильностью и незащищенностью. Отсутствие социальных гарантий, варьирование занятости и оплаты труда в широких масштабах в зависимости от конъюнктуры рынка, ненормированный рабочий день и рабочая неделя — все эти факторы отличают положение работающего в теневой экономике от официально занятого. И порождают у местного населения ощущение неустойчивости собственного положения и неопределенности жизненных перспектив.

Последний фактор необходимо принимать во внимание, когда мы говорим о высокой безработице на Северном Кавказе. Дело в том, что подавляющее большинство работников теневого сектора искренне считают себя безработными. На практике же реальная занятость, судя по всему, достаточно высока не только среди мужского, но и среди женского населения. Во время одной из первых моих поездок в регион на вопрос об основных проблемах территорий чиновники отвечали достаточно единообразно: безработица и отсутствие детских садов. И только при попытке уточнить, почему в условиях массовой безработицы женщины не могут сидеть со своими детьми, выяснилось, что на самом деле все они заняты: кто на рынке, кто в личном подсобном хозяйстве, кто в теновом цеху.

В общественном сознании Северный Кавказ характеризуется не только застоем, но и высокой конфликтностью. Причем считается, что *наиболее важную роль играют межнациональные конфликты, связанные с тем, что на Северном Кавказе совместно проживает множество различных этнических групп, негативно настроенных по отношению друг к другу*. Так ли это? Данный вопрос требует развернутого

комментария, но сразу можно сказать, что сводить корень проблемы к межнациональным отношениям является недопустимым упрощением.

Для того чтобы понять реальные источники конфликтности, вспомним три из приведенных выше характеристик трансформации традиционного общества: незавершенность демографического перехода, активные миграционные процессы и пересекающиеся права на ресурсы. Очевидно, первые две характеристики объясняют, почему на Северном Кавказе столь высока конкуренция за ресурсы и статусы, а третья демонстрирует, что в этой конкуренции нет однозначных правил игры. В подобной ситуации этничность является не источником конфликта, а одной из форм мобилизации в конкурентной борьбе за ресурсы и статусы. Претензия на «этнические» земли, на распределение должностей с учетом этнических квот — дополнительные аргументы в этой борьбе.

Подобная «инструментальная» роль этничности хорошо видна в земельных конфликтах на Северном Кавказе — именно том типе конфликтов, который наиболее часто относят к межнациональным. Рассмотрим этот вопрос на примере Республики Дагестан. В результате сохранявшейся на отдельных территориях высокой рождаемости, а также активной миграции населения с гор на более пригодные для жизни территории, равнинные земли во многих местах оказываются в дефиците. Причем не только для ведения сельскохозяйственного производства, но и под застройку: в соответствии с местными традициями, каждая семья должна иметь свое отдельное жилье, а народу становится все больше. Ситуация осложняется еще и тем, что значительная часть равнины (как говорят в Дагестане, «плоскости») имеет статус земель отгонного животноводства и по факту предоставлена в распоряжение жителей горных районов не только для ведения хозяйства, но и для переселения.

В этих условиях создается социальная база для земельных конфликтов.

На практике эти конфликты могут принимать разнообразные формы. Они могут затрагивать одну этническую группу (например, конфликт между разными муниципальными сообществами, где проживают люди одной национальности, или между руководством муниципалитета и его жителями) или происходить между разными этническими группами. По своей сути и в той, и в другой ситуации конфликты однотипны. Но во втором случае начинается мобилизация сообщества под этническими лозунгами, и на поверхности конфликт, являющийся, по сути, ресурсным, приобретает межэтническую окраску. Особенно часто этнический компонент становится значимым в силу клановой структуры властных отношений. В результате, благодаря связям во властной элите, представители той или иной национальности получают очевидный привилегированный доступ к дефицитным ресурсам.

Конфликт, межэтнический по форме, может порождаться и другими факторами. Например, в результате миграции с гор на равнину новые жители приносят с собой не только собственные культурные нормы, но и альтернативные хозяйственные модели. Для потомственного животновода с гор старые яблони не несут особой культурной нагрузки и легко могут быть срублены, если необходимо освободить место во дворе. Для потомственного садовода с равнины такое действие выглядит кощунственным. Скот, гуляющий по территории поселения, для животновода — обычная картина, для огородника — угроза урожаю. Подобное столкновение хозяйственных моделей и связанных с ними культурных норм также нередко искаженно интерпретируется в терминах этнических противоречий.

Однако в последнее время роль мобилизации под этническими лозунгами явно снижает

ется. Это связано в первую очередь с двумя факторами. Во-первых, все больше осознается, что земельные конфликты порождены не столько несовместимыми интересами простых людей, сколько мотивами властной элиты. В одном из хозяйственных земельных споров, где стороны конфликта принадлежали к разным этническим группам, его участники говорили, что «Магомед» (простой человек) одной национальности

ных формирований, членов которых называют ваххабитами; распространение различных исламских течений, которые принято относить к радикальным и экстремистским, — все это, вроде бы, не оставляет сомнений в том, что приведенные выше тезисы — не мифы, а тревожная реальность. И все же попробуем проанализировать, что на самом деле скрывается за теми фактами, наличие которых никто не собирается отрицать.

“На Северном Кавказе этничность является не источником конфликта, а одной из форм мобилизации в конкурентной борьбе за ресурсы и статусы”.

и «Магомед» (простой человек) другой национальности вполне могут найти компромисс. А вот что делать в этой ситуации с интересами «Магомеда Магомедовича» (важного человека) — совершенно непонятно. Во-вторых, в условиях все более широкого распространения исламского дискурса националистическая повестка размывается. Для последовательных сторонников ислама все мусульмане — единая умма (община), и в этом контексте этничность значения не имеет. Хотя динамика здесь не столь однозначна и значимость этнических движений регулярно возрождается, успешная конкуренция со стороны исламской идеологии ослабляет потенциал этнической мобилизации.

Однако остается вопрос об исламской мобилизации. Правда ли то, что *на Северном Кавказе все большую роль приобретают фундаменталистские исламские учения, которые зовут назад в Средневековье и стремятся к построению теократического государства?* И действительно ли сторонники этих учений готовы вооруженным путем свергнуть светскую власть и установить религиозную диктатуру? Факты многочисленных терактов против представителей российского государства (в первую очередь силовых ведомств); наличие незаконных вооружен-

Начнем с так называемого фундаменталистского ислама. Действительно ли основная причина распространения этого течения (точнее, целой совокупности исламских течений, которые далеко не во всем согласны друг с другом) — это деятельность зарубежных миссионеров и отсталость местного населения? Чтобы ответить на этот вопрос, вспомним еще две характеристики переходного общества — аномию и межпоколенческий конфликт. И опять же не забудем про урбанизацию.

На протяжении постсоветского периода молодые люди (а фундаменталистский ислам весьма молод) на Северном Кавказе, вступая в жизнь, оказываются в достаточно сложной ситуации. С одной стороны, практика предшествующих поколений часто не может служить им путеводной нитью — реальность меняется столь быстро и резко, что полагаться на прошлые рецепты невозможно и приходится искать новые решения. С другой стороны, они попадают в мир, где отсутствуют общепринятые «правила игры», каждый преследует лишь собственный интерес, вертикальные лифты во многом перекрыты, и чрезвычайно сложно найти опору для построения жизненных стратегий.

Очевидно, в этой ситуации формируется объективный запрос на:

- собственную систему ценностей, отличную от той, что была у родителей (и предков вообще), чей опыт оказался бесполезен в новой ситуации и не смог стать жизненным ориентиром;
- систему правил и норм, обязательность которых не может быть оспорена и которые имеют более серьезное основание,

“Нетрадиционный ислам становится базой формирования молодежных сообществ, объединенных общими ценностями”.

чем просто договоренности людей и авторитет старших;

- сообщество единомышленников, в рамках которого можно выстраивать горизонтальные связи, воспринимать и перерабатывать новый опыт и для которого обязательность выбранной системы правил и норм не может быть поставлена под сомнение.

Собственно, распространяющиеся в последнее время на Северном Кавказе исламские течения⁴ вполне отвечают подобным запросам. Во-первых, течения нетрадиционного ислама в отличие от религиозных взглядов, свойственных предшествующим поколениям, не предполагают безоговорочного подчинения авторитетам, приветствуют духовный поиск. В социальной жизни они так или иначе выступают как протестные идеологии, позволяющие молодежи выразить свое неприятие того мира, который был создан старшими без их участия. Но в то же время эти течения не требуют от своих сторонников радикального разрыва с культурными нормами, которые характерны для традиционного общества (протест в виде хиппи или панк-культуры для современного Кавказа представляется немыслимым). Во-вторых, ислам дает представление о нормативности, которая идет непосредственно от

Всевышнего, и потому не может быть оспорена людьми. Причем представители нетрадиционного ислама выступают за безоговорочное соблюдение тех правил и установлений, которые содержатся в священных текстах (а в исламе они достаточно детально регламентируют жизнь мусульман). Тем самым возникает точка опоры, целевая функция, которую многим молодым людям сложно найти в условиях аномии, и их жизнь, таким образом, стано-

вится более упорядоченной и предсказуемой. Наконец, нетрадиционный ислам становится базой формирования молодежных сообществ, объединенных общими ценностями и не имеющих других «барьеров входа», кроме принадлежности к определенной идеологии. Причем речь идет как о реальных сообществах, где люди знают друг друга лично, так и о воображаемом сообществе⁵ — единой исламской умме, что позволяет ощущать себя частью глобального движения, которое влияет на судьбы мира.

Очевидно, для различных групп молодежи важными оказываются разные черты нетрадиционного ислама. Молодых интеллектуалов привлекает самостоятельный духовный поиск, возможность самовыражения, социальный протест. Для бизнеса весьма полезным оказывается установление четких «правил игры» с контрагентами и работниками на основе исламских норм (любая другая нормативность в условиях аномии работает очень плохо, впрочем, и исламская не всегда помогает). Молодой мигрант, приехавший из села и испытывающий трудности адаптации в городе, будет счастлив найти сообщество, где к нему не станут предъявлять особых требований, а также хоть какую-то «систему координат», позволяющую ориентироваться в непонятном и некомфортном мире.

Как все это соотносится со стремлением построить теократическое государство на фактически средневековых принципах? По-разному. Большинство сторонников нетрадиционного ислама утверждают, что пока люди к этому не готовы и перспективы халифата отодвигаются в неопределенное будущее. Поэтому сейчас необходимо действовать проповедью, показывать пример праведной жизни (не пить, не курить, не ругаться, уважительно относиться к окружающим), не лицемерить и бороться за справедливость в обществе. Возникает интересный парадокс — носители вроде бы наиболее реакционных, архаичных взглядов оказываются проводниками вполне современных представлений об образе жизни, культуре общения, самопозиционировании в обществе; представители ряда течений нетрадиционного ислама активно участвуют в гражданской, правозащитной деятельности. Такие парадоксы — характерная черта переходных обществ, естественное следствие переломных моментов в истории.

Но где же в этой далеко не однозначно негативной картине появляются насилие, убийства, терроризм? Нетрадиционный ислам и терроризм можно рассматривать как пересекающиеся, но далеко не совпадающие множества. Среди нетрадиционных мусульман значительная часть отрицает насильственные методы достижения собственных целей. По информации, которую удастся получить, естественно, из вторых рук, сейчас среди участников незаконных вооруженных формирований идейных исламистов явное меньшинство. Кто же остальные? Судя по всему, это достаточно разные группы людей, примкнувшие к вооруженной борьбе по различным причинам.

Во-первых, отождествление нетрадиционного ислама и терроризма на Северном Кавказе привело к тому, что многие молодые люди подверглись издевательствам и преследованиям просто потому, что их религиозные взгляды не соответствовали «мейнстриму».

В результате эти люди, изначально вполне мирные, начинают мстить за себя либо за своих близких и включаются в вооруженную борьбу. Специалисты называют это явление замкнутым кругом, или спиралью насилия. Все новые жертвы и мученики с каждой из сторон создают стимулы для мести, для продолжения насилия, и конфликт становится самовоспроизводящимся вне зависимости от его исходных причин.

Во-вторых, определенная часть боевиков — это наемники или просто бандиты, которые участвуют в вооруженной борьбе, руководствуясь финансовыми интересами. Именно с ними в первую очередь связывают «рэкетирскую» составляющую вооруженного подполья — рассылку бизнесменам флэшек с требованиями выплатить крупную денежную сумму на «джихад» (и с угрозами в адрес тех, кто осмелится не подчиниться) и обслуживание интересов криминализованных сегментов властной элиты.

Наконец, в-третьих, в лес действительно уходит дезориентированная, не нашедшая себя в жизни молодежь, часто из социально неблагополучных районов, люмпенизированных семей. И здесь лозунги исламского джихада очевидно пользуются определенной популярностью. Однако необходимо понимать, что в данном случае мы имеем дело не с глубокими знаниями ислама и не с осознанным идеологическим выбором. Скорее, в данной среде существует запрос на насильственный протест, который связан с глубоким внутренним отчуждением от того социума и государства, в котором эти люди живут, с ощущением враждебности по отношению к ним общественных и властных структур и осознанием невозможности обеспечить себе вертикальную мобильность. Если бы этот запрос не удовлетворялся джихадистской версией ислама, нашлась бы другая радикальная идеология, которая была бы взята на вооружение (в прямом и переносном смысле этого слова).

Подведем итоги. Итак, Северный Кавказ — это НЕ застойное, архаичное общество. Это общество на переломе, переживающее драматичный, но совершенно не уникальный период разложения традиционной системы отношений и институтов.

Экономика данного региона НЕ является депрессивной и неспособной к росту. Как и на любой другой территории, здесь есть зоны застоя и зоны активного развития. Особенность Северного Кавказа состоит в том, что это развитие во многом осуществляется в рамках теневой экономики, что создает значительные барьеры для расширения бизнеса и усиливает нестабильность положения как работников, так и работодателей.

Полиэтничность НЕ является основной причиной конфликтов на Северном Кавказе. Но в борьбе между разными группами интересов за ресурсы и статусы активно используется этнический фактор и этническая мобилизация.

Нетрадиционный ислам выражает НЕ стремление архаичных, отсталых социумов к возврату в Средневековье. Скорее это ответ на те вызовы, с которыми сталкивается молодежь региона в условиях разложения традиционного общества, ответ, в котором смешиваются черты архаики и модерна.

Вооруженная борьба и нетрадиционный ислам — это НЕ совпадающие, хотя и пересекающиеся множества. Значительное число сторонников нетрадиционного ислама не приемлет насилия, значительная часть участников незаконных вооруженных формирова-

ний примкнула к движению не из идеологических соображений.

Какие же выводы можно сделать из проведенного анализа?

Во-первых, Северный Кавказ — это регион, безусловно имеющий определенную специфику. Но эту специфику не следует преувеличивать. Отсутствие правового государства, клановость, коррупция, воинствующий традиционализм — это далеко не только кавказские проблемы, это болезнь, которой в разной степени болеет вся страна. Когда на достаточно представительном собрании лидеров гражданского общества Северного Кавказа (в том числе нетрадиционных мусульман) обсуждался вопрос об основных проблемах региона, явный приоритет был отдан двум — честные выборы и верховенство закона. Это — общероссийская гражданская повестка.

Во-вторых, Северный Кавказ — это средоточие серьезнейших проблем, глубоких конфликтов, масштабных трудностей. Но эти проблемы и конфликты — совсем не те, которые бытуют в общественном сознании и в представлениях лиц, принимающих решения. А если диагноз неверен, вряд ли можно назначить адекватное лечение. Поэтому не стоит удивляться, что используемые для улучшения ситуации на Северном Кавказе инструменты не работают. Нужно применять новые подходы, учитывающие реальное положение вещей в регионе, имеющийся здесь потенциал и барьеры на пути развития и основанные на широкой общественной и экспертной дискуссии⁶. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Исследования ведутся в рамках научного направления «Политическая экономия и региональное развитие» Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара и Центра регионального развития и урбанистики Института прикладных экономических исследований РАНХиГС. В полевых исследованиях принимали участие, кроме автора данной статьи, К. Казенин,

Д. Лободанова, И. Стариков, А. Чепурная и ряд других сотрудников.

² Вопрос о влиянии советской модернизации на Северный Кавказ, безусловно, неоднозначен. С одной стороны, коллективизация, антирелигиозная политика и насильственная депортация ряда народов серьезно потрясли свойственные этому региону традиционные структуры (а севе-

рокавказское общество вошло в советский период более традиционным, чем, например, центральные регионы страны). Центрами модернизации стали города, где развивалась промышленность и к позднесоветскому периоду сложились протоструктуры гражданского общества (но эти центры были фактически разрушены массовым оттоком квалифицированного населения, деурбанизацией и деиндустриализацией, характерными для начала 1990-х годов, о чем ниже). С другой стороны, консервативный характер советской модернизации не способствовал подрыву таких институциональных черт традиционного общества, как подавление индивидуализма, иерархичность, внешний характер социального контроля. Кроме того, глубина проникновения советской трансформации не везде была одинаковой — в некоторых горных районах Дагестана, например, формально обобществленные колхозные земли, по сути, находились в пользовании своих бывших владельцев. В этих условиях базовые структуры традиционного общества, по меньшей мере на селе, во многом сохранили свою живучесть, что и проявилось после падения коммунистического режима.

³ По результатам последней переписи населения суммарный коэффициент рождаемости превышает уровень простого воспроизводства только по двум регионам — Республике Ингушетия и Чеченской Республике. По Дагестану он находит-

ся в пределах 2, по остальным северокавказским республикам — от 1,8 до 1,5. Но при этом необходимо учитывать, что в начале 1990-х суммарный коэффициент рождаемости по северокавказским республикам находился в промежутке от 3,1 до 2,2, в Республике Дагестан и Чечено-Ингушетии он был выше 2,7, демографический переход мог считаться завершенным только в Карачаево-Черкесии и Северной Осетии. Поэтому возрастные когорты находящиеся сейчас во взрослом состоянии либо в него входящие, еще достаточно многочисленны.

⁴ Подобные исламские течения называют по-разному: фундаменталистский, радикальный, чистый, нетрадиционный ислам — и все эти термины не очень удачны. Далее мы будем пользоваться последним термином — нетрадиционный ислам — для обозначения совокупности различных исламских течений и направлений (салафиты, ихваны Хизб-ут Тахрир и т. п.), получивших распространение, в первую очередь, в молодежной среде.

⁵ Понятие воображаемого сообщества ввел в научный оборот Бенедикт Андерсон. См.: Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М.: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле, 2001.

⁶ Автор данной статьи уже неоднократно высказывала свою точку зрения на то, каковы эти подходы. См., например: Стародубровская И., Казенин К. Экспертный доклад «Северный Кавказ: *quo vadis?*» (<http://polit.ru/article/2014/01/14/caucasus/>).

Трудное возрождение российской оппозиции *

Стратегия правящих групп по сохранению и удержанию власти может измениться лишь в том случае, если российская оппозиция будет способна сплотить и мобилизовать значительную часть явных и скрытых противников режима

Владимир Гельман

Весной 2004 года автор этих строк написал статью, озаглавленную «Политическая оппозиция в России: вымирающий вид?»¹. В тот период казалось, что оппозиция, если и не совсем исчезла с российской политической арены, то была оттеснена на ее глубокую периферию. В федеральном и региональных парламентах почти все решения утверждались голосами депутатов от «партии власти» и ее сателлитов, а немногие оппозиционные парламентарии почти ни на что не могли повлиять². На несправедливых выборах разных уровней доля голосов за оппозиционные партии и кандидатов была не то чтобы ничтожной, но (за отдельными исключениями) довольно незначительной³. Наконец, на уровне общественных движений большинство протестов под политическими лозунгами собирали лишь по несколько сотен записных активистов, воспринимавшихся в элитах, да и в обществе в целом в лучшем случае как бесполезные фрики, в то время как борцы с «уплотнительной застройкой» или защитники экологии всячески чурались оппо-

зиционеров, не без оснований полагая, что политические требования закроют им дорогу к достижению поставленных целей⁴. Иными словами, политическая оппозиция в России была втиснута в рамки очень узких ниш, если не сказать — загнана в гетто, и шансы на ее возрождение казались призрачными.

Десять лет спустя политический ландшафт России выглядит совершенно иначе. В 2011–2012-м митинги в Москве и других городах страны собрали сотни тысяч участников. Массовые протесты, хотя и не изменили политический режим, но позволили российской оппозиции, которая заметно расширила свои ряды и во многом сменила состав лидеров и активистов, выйти на политическую авансцену, достигнув «негативного консенсуса» в отношении нынешнего российского режима. Некоторые деятели оппозиции стали легитимными участниками политического процесса, а нескольким из них удалось добиться значимых результатов на выборах (по-прежнему несправедливых). Голос оппозиции в публичном пространстве звучит гораздо громче, и власти, не имея более возможности ее игнорировать, вынуждены прибегать к запугиванию оппозиционеров и их потенциальных сторонников. Однако от достижения своих политических целей российская оппозиция по-прежнему

* Работа выполнена в рамках программы «*Choices of Russian Modernization*» при поддержке Академии наук Финляндии. Автор благодарит Юсси Лассила и Дмитрия Травина за обсуждение ряда идей этой статьи.

далека, ее по-прежнему раздирают внутренние противоречия, которые умело используют власти, а ее позитивная повестка дня остается расплывчатой. На этом фоне даже некоторое снижение уровня массовой поддержки российского режима и его лидеров не слишком прибавляло очков его политическим противникам⁵.

Чем было вызвано возрождение политической оппозиции в России в 2010-е годы, какие факторы способствуют, а какие — препятствуют достижению ее целей? Почему и как оппозиция реагирует тем или иным образом на внешние вызовы и решает (или не решает) свои внутренние проблемы и противоречия? Наконец, каковы перспективы нынешней российской оппозиции? Статья посвящена поиску ответов на эти и некоторые другие вопросы. В ее начале представлен обзор политической эволюции оппозиции в России в 2000–2010-е годы, затем рассмотрены ее основные стратегические и организационные вызовы и альтернативы с учетом опыта оппозиции в условиях авторитарных режимов в других странах. В заключение обсуждаются некоторые выводы и возможные сценарии развития событий.

Поскольку понятие «оппозиция» как в политической науке в целом, так и в дискуссиях о российской политике, в частности, употребляется в самых разных контекстах, имеет смысл уточнить, что в данной работе речь идет главным образом о «несистемной» оппозиции (в теоретических и сравнительных работах ее также иногда называют «принципиальной» или «подрывной»)⁶. К ней могут быть отнесены политические организации, движения и отдельные политики, чьи цели включают в себя смену или кардинальную трансформацию существующего авторитарного политического режима. В этом смысле «несистемную» оппозицию можно считать и демократической («анти-авторитарной») оппозицией, независимо от (весьма различных) взглядов отдельных ее

представителей⁷. Отличие ее от «системной» оппозиции (специалисты также используют термин «полуоппозиция» или «секторальная оппозиция») состоит в том, что системные критики властей, хотя и выступают за смену политического курса в отдельных сферах, но по тем или иным причинам не склонны добиваться смены политического режима⁸. Данное аналитическое различие не означает, что «системная» и «несистемная» оппозиции на персональном уровне представляют собой непересекающиеся множества — по крайней мере, в российском контексте они, скорее, выглядят как сообщающиеся сосуды. Однако стратегическая разница между ними весьма существенна — в авторитарных режимах первые выступают как «попутчики» и младшие партнеры правящих групп (хотя риски нелояльности с их стороны отнюдь не нулевые), а вторые являются их явными оппонентами. «Несистемная» оппозиция стала основным актором в процессе демократизации многих авторитарных режимов в 1980–1990-е годы — от Мексики⁹ и Южной Кореи¹⁰ до Польши¹¹ и позднего СССР в 1989–1991 годах¹². Какую же роль группа политических акторов, объединенных этим «лейблом», играет в сегодняшней России?

Выйти из гетто: траектория новой оппозиции

Как часто бывает, возрождение российской оппозиции в 2010-е годы происходило отчасти в силу объективных («структурных») причин, напрямую с оппозицией не связанных, отчасти в результате изменения политических возможностей (тех рамок политического процесса, которые создают условия и задают стимулы для коллективных действий тех или иных агентов)¹³, а отчасти и в силу собственных стратегических решений. Вместо того чтобы пытаться определить «удельный вес» каждого из этих факторов, гораздо важнее понять логику их взаимного влияния.

Среди политологов принято считать, что спрос на демократизацию авторитарных режимов возникает как побочный продукт экономического роста, который выталкивает на политическую арену представителей растущего городского среднего класса, выступающих за расширение своих прав¹⁴. Проблема, однако, в том, что справедливость данного суждения в отношении постсоветских стран не вполне очевидна¹⁵. Кроме того, такой подход (основанный на теории

отношением к советской эпохе, воспринималась как «дела давно минувших дней»: эту эпоху они застали в лучшем случае подростками. По сходным причинам те конфликты, которые разделяли постсоветскую политическую общественность — будь то связанные с крахом КПСС и роспуском СССР в 1991 году или разгромом парламента в 1993-м — практически не отразились на их ценностном и политическом формировании¹⁸. Дело даже не только в том, что оппозиционерам

“Вышедшие на российскую политическую сцену в 2010-х представители нового поколения были ориентированы на перспективу”.

политической модернизации в ее базовой версии) оставляет за скобками те механизмы, которые переводят спрос на политические перемены из латентной в открытую форму. На мой взгляд, в российском случае в качестве такого механизма во многом выступала смена поколений. Противоречия «отцов» и «детей» были характерны для российских преобразований второй половины 1980-х и 1990-х годов, ключевыми участниками которых выступали представители, соответственно, «шестидесятников» и «семидесятников»¹⁶. Аналогичные противоречия сыграли свою роль и в событиях 2010-х годов, в ходе которых на первый план начали выдвигаться представители постсоветского поколения как личности и как публичные фигуры, сформировавшиеся в 1990-е и особенно в 2000-е годы. Под «противоречиями» здесь имеются в виду не столько расхождения на уровне политических установок и ценностей¹⁷, сколько различия политического контекста и коллективного опыта представителей разных поколений, повлиявших на формирование и эволюцию их мировоззрения и поведения.

Прежде всего, для нового поколения оппозиционеров вся система координат, заданная

2010-х годов было гораздо легче, чем их предшественникам, выстраивать «негативный консенсус» по отношению к режиму и искать общий язык с потенциальными союзниками (в том числе теми, кто придерживался кардинально иных взглядов). Гораздо важнее то, что «семидесятники», доминировавшие на политической сцене страны в 2000-е годы (среди представителей как правящих групп, так и оппозиции), выстраивали свои стратегии ретроспективно: одни стремились к тому, чтобы удержать завоеванные ранее позиции, другие — к тому, чтобы взять реванш за былые поражения. Но вышедшие на российскую политическую сцену в 2010-х представители нового поколения были ориентированы на перспективу, которая, помимо прочего, предполагала, что вскоре доминирующие позиции в политике вместо «семидесятников» займут они сами. И если в лагере правящих групп возможности для подобной смены лидеров были заблокированы, то в лагере оппозиции на фоне пережитого ею в 2000-е годы упадка лишь смена поколений давала шансы на возрождение. Не случайно волна протестов 2011–2012 годов оттеснила ранее признанных оппозиционеров — «семи-

десятников» и вынесла на первый план новые фигуры. Символический момент, ознаменовавший завершение этого процесса, наступил летом 2013 года, когда партия РПР-ПАРНАС, возглавляемая 54-летними сопредседателями Борисом Немцовым и Михаилом Касьяновым, выдвинула кандидатом на пост мэра Москвы 37-летнего Алексея Навального — пожалуй, наиболее яркого оппозиционера нового поколения.

Другим значимым фактором, обусловившим возрождение российской оппозиции, стал курс «модернизации», провозглашенный Дмитрием Медведевым, занимавшим в 2008–2012 годах пост главы государства. Хотя «модернизация» представляла собой не более чем хаотический и неэффективный набор полумер (типа отмены «зимнего времени» или переименования милиции в полицию), она сопровождалась весьма громкой либеральной риторикой Кремля (типа «свобода лучше, чем несвобода») и рядом шагов, призванных создать иллюзию более «прогрессивного» стиля управления страной — в частности, большей открытости в процессе принятия решений и привлечения к их выработке представителей общественности¹⁹. Независимо от намерений Кремля, эти шаги влекли за собой непредсказуемые последствия. Снижение давления властей на общественность и демонстрация готовности диалога с согражданами позволили ряду гражданских инициатив, носивших в 2000-е годы сугубо локальный и/или групповой характер, публично заявить о своих требованиях²⁰. В то же время бурно насаждавшиеся Кремлем разного рода консультативные советы позволяли общественности включать свои требования в политическую повестку дня, не опасаясь обвинений в оппозиционности. Иными словами, прежде закрытая структура политических возможностей в период президентства Медведева сменилась некоторой, пусть частичной и иллюзорной, либерализацией,

которая сама по себе создавала условия для политизации общественности; именно эта политизированная общественность позднее стала питательной средой для новой оппозиции, успешно освоившей новые каналы онлайн-коммуникаций. Как всякая частичная и иллюзорная либерализация, она способствовала тому, что практически любой исход конфликтов властей и общественности сближал последнюю с оппозицией. Прежде всего это происходило в тех случаях, когда власти открыто водили сограждан за нос, обманывая их и отказываясь идти на компромисс. Пожалуй, наиболее ярким примером такого рода стало движение в защиту Химкинского леса, которому так и не удалось заблокировать проект строительства автомагистрали в зеленом массиве Подмосковья. Обещания Медведева пойти навстречу гражданским активистам при разрешении конфликта оказались пустыми словами. Неудивительно, что лидер местного движения Евгения Чирикова вскоре стала одной из наиболее заметных фигур российской оппозиции.

Но и в тех случаях, когда власти как будто уступали давлению общественности (например, отказавшись от строительства башни «Охта-центра» в Санкт-Петербурге, против которого выступали градозащитники), активисты лишь расширяли объем требований и стремились официально закрепить их на уровне принятия решений. Помимо этого, либерализация способствовала появлению ряда новых, не подконтрольных властям организаций, начиная от СМИ (не только политически-новостных — например, телеканал «Дождь», но и досуговых, как, например, «Афиша») и заканчивая движениями типа «Синие ведерки» (против использования чиновниками автомашин, оборудованных спецсигналами)²¹ и сообществами типа «Диссернет» (специализируется на разоблачении плагиата в диссертациях чиновников)²². Эти процессы носили спонтанный

характер, став побочным эффектом либерализации.

В сентябре 2011 года власти объявили о предстоящем возвращении Владимира Путина на пост президента страны, что предполагало сворачивание либерализации и связанных с ней иллюзий. Предстоявшее сужение политических возможностей не оставляло активизировавшейся общественности иного выхода, кроме политизации и солидарности с оппозицией. В более общем

2010-х годов воспользовались тем же оружием, что и прогрессистское (реформистское) движение в США в начале XX века²⁶, демократические движения 1970–1980-х годов в ряде стран Латинской Америки, да и российское демократическое движение конца 1980-х — начала 1990-х годов²⁷. Разоблачения злоупотреблений верхушки КПСС и борьба с привилегиями номенклатуры в период перестройки оказались куда более эффективным средством массовой мобилизации против

“Разоблачения «жуликов и воров» в России формировали и упрочивали «негативный консенсус» по отношению к режиму поверх барьеров идеологических предпочтений”.

плане, ряды потенциальных сторонников оппозиции пополнился за счет тех россиян, которые почувствовали себя обманутыми, когда риторика «модернизации» оказалась не более чем пустым звуком²³.

Наконец, еще одним важным фактором, способствовавшим возрождению российской оппозиции в ходе электорального цикла 2011–2012 годов, стали стратегические шаги самих оппозиционеров накануне и в ходе кампании. Оппозиция сменила не просто фокус критики властей, но и повестку дня в целом: на смену продвижению абстрактных идей (демократия, права человека) и решению конкретных проблем (против тех или иных мер, предпринятых властями) пришел популизм, предполагавший мобилизацию общества против режима в целом как глубоко антинародного, неэффективного, неспособного к позитивным преобразованиям и сознательно им препятствующего²⁴. Антикоррупционные кампании, развернутые Алексеем Навальным и другими активистами («Роспил» и другие проекты), отвечали наметившемуся в обществе запросу на перемены²⁵ и становились площадкой для консолидации разных сегментов оппозиции. Российские оппозиционеры

правлящего режима, нежели либеральная риторика диссидентов и правозащитников²⁸. Разоблачения «жуликов и воров» в России 2010-х годов выполняли сходные функции: они формировали и упрочивали «негативный консенсус» по отношению к режиму поверх барьеров идеологических предпочтений — как среди самих оппозиционеров, так и среди сограждан; они выступали минимальным общим знаменателем любых перемен. Противостоять популистской стратегии — нелегкая задача для любых авторитарных режимов. В российском случае она оказывалась еще сложнее, поскольку власти стремились не злоупотреблять репрессивными методами²⁹ и опирались на манипуляции в СМИ («виртуальная политика», как ее называл Эндрю Уилсон)³⁰, в то время как покупка лояльности, в немалой мере обеспечивавшая массовую поддержку режима в прежние годы, после кризиса 2008–2009 годов оказалась менее эффективной. Как отмечал Адам Пшеворский, «авторитарное равновесие держится на лжи, страхе или экономическом процветании»³¹. В России 2010-х годов экономическое процветание оказалось под вопросом, а страх россиян

перед нарушением авторитарного равновесия начал отступать (как на фоне проводимого Медведевым курса либерализации, так и в силу смены поколений). Стало ясно, что ложь кремлевской пропаганды сама по себе не способна противостоять популистской стратегии оппозиционеров. Популизм носил асимметричный характер по отношению к действиям властей, переводя прежний конфликт «сильный режим vs. слабая оппозиция» в измерение «враждебное государство vs. гражданское общество», тем самым подрывая легитимность статус-кво подобно лозунгам оппозиции в борьбе против коммунистических режимов в Восточной Европе³².

Таким образом, накануне электорального цикла 2011–2012 годов все источники перемен в лагере оппозиции: (1) смена поколений оппозиционеров; (2) расширение политических возможностей и (3) переход к популистской стратегии — слились воедино, взаимно усиливая друг друга. В то время как российские власти явно недооценивали вызовы, исходившие от оппозиции, последняя смогла умело использовать просчеты «самоуверенных жуликов и беспечных воров»³³. Избранная на думских выборах 2011 года тактика — голосовать за кого угодно, кроме «Единой России», в сочетании с умелым ведением негативной кампании — способствовала политизации довольно широких слоев избирателей, укрепляя «негативный консенсус», а массовые злоупотребления властей в ходе кампании и при подсчете голосов³⁴ сыграли роль катализатора массовых постэлекторальных протестов. Их масштаб оказался неожиданным не только для Кремля, но и для самих представителей оппозиции, которые даже в самых смелых мечтах не рассчитывали на такое развитие событий. Выход десятков, если не сотен тысяч граждан на улицы Москвы и других городов России под лозунгами, в которых требования пересчета итогов голосования быстро сменились призывами

к полной смене политического режима, означал конец прежней российской оппозиции — малочисленной, маргинальной и неинтересной обществу — и ее переход в новое качество. Но этот переход и вызванные им «болезни роста» создали для оппозиции новые вызовы, ответ на которые оказался непростым и отнюдь не всегда удачным.

По ту сторону «негативного консенсуса»

Не будет большим преувеличением утверждать, что в ходе массовых протестов 2011–2012 годов российская оппозиция во многом пала жертвой собственного успеха. Объективно, она была не готова — ни организационно, ни стратегически — к тому, чтобы решать новые задачи. С организационной точки зрения, оппозиция представляла собой разрозненный конгломерат малочисленных групп и отдельных публичных фигур, которые не имели опыта кооперации и подчас с трудом переносили друг друга. Оппозиционеры не имели какого-либо стратегического плана; их шаги сводились лишь к подготовке очередных протестных акций и усилиям по наращиванию численности участников. Справедливости ради, стоит отметить, что события развивались столь стремительно, что у оппозиционеров попросту не было ни времени, ни ресурсов для каких-либо иных действий. В результате некоторые возможные шаги оппозиция даже не рассматривала всерьез, но при этом участники нередко питали неоправданные надежды. Так, идея выдвижения Навального в качестве кандидата от оппозиции на президентских выборах 2012 года была отвергнута, а номинация кандидатуры Григория Явлинского от «Яблока» не встретила поддержки в среде оппозиционеров. Вместе с тем попытки некоторых представителей оппозиции начать переговоры с властями (через посредника в лице Алексея Кудрина) были явно преждевременны — к концу 2011-го масштаб и продол-

жительность протестной мобилизации были явно недостаточны, в то время как позиции режима не настолько ослабли, чтобы вынудить Кремль к некоему подобию «круглого стола»³⁵. Напротив, зимой 2011–2012 годов в России не было ни малейших признаков вождя для оппозиции «раскола элит»; более того, не было и намека на кооперацию с «системной» оппозицией — партии, оказавшиеся главными бенефициариями стратегии голосования за кого угодно, кроме «Единой России», не имели никаких стимулов для того, чтобы примкнуть к протестам против режима. В случае, если бы «несистемная» оппозиция добилась своих целей и Путин лишился власти, будущее КПРФ или «Справедливой России» могло оказаться весьма призрачным, в то время как сохранение политического статус-кво не сулило особых рисков. Поэтому к оппозиции примкнули лишь второстепенные фигуры среди «системщиков» (например, отец и сын Гудковы и Илья Пономарев). Сходным образом обстояло дело и в других сегментах российского истеблишмента — даже те представители бизнеса или чиновничества, которые втихомолку симпатизировали оппозиционерам, отнюдь не спешили пополнять их ряды. Предельно огрубляя, в ходе протестов 2011–2012 годов оппозиция усилилась за счет доселе скрытых противников режима, но не за счет его более или менее лояльных «попутчиков».

Дефицит организационных ресурсов и стратегического видения оппозиция пыталась компенсировать посредством «коннективного действия» (*connective action*): мобилизации сторонников с помощью Интернета и социальных сетей³⁶, через индивидуальные связи и повседневные контакты, которую специалисты противопоставляют логике «коллективных действий» (*collective action*), предполагающей, что в ходе массовых протестов ключевую роль играют организации

и/или идеологии³⁷. Действительно, эти механизмы координации протестов сыграли немалую роль в ходе «арабской весны» 2011 года и в ряде других случаев, но российский опыт, скорее, продемонстрировал пределы логики «коннективного действия» в случае, когда мобилизация носит не разовый, а повторяющийся характер. Если на первоначальном этапе социальные сети помогли собрать немалое число участников первых московских митингов, транслировать и усилить протестные настроения, конвертируя их в массовые акции, онлайн-трансляции заседаний оргкомитета протестных действий привлекали широкое внимание, а список выступающих на митингах определялся голосованием через Интернет, то позднее в полной мере проявилась именно слабость «коннективного действия».

Ресурс рекрутирования участников протестов через социальные сети вскоре оказался исчерпан: в феврале 2012 года опрос участников московского митинга показал, что в основном это были те же люди, которые присоединились к протестам на более ранних стадиях³⁸. По сходным причинам не отмечалась и диффузия протестов от столицы к другим городам; скорее, напротив — активизм там быстро «съежился». В целом оказалось, что хотя «слабые связи»³⁹ сетевой мобилизации через Интернет легко активизировать на эмоциональном подъеме, как это происходило после думских выборов, они тем не менее не могут служить основным инструментом протестной мобилизации — для этого необходимы «коллективные действия». В полной мере эти слабости проявились уже после завершения электорального цикла. Когда осенью 2012 года волна протестов пошла на спад, Навальный, обращаясь на митинге к сторонникам оппозиции, призвал их регулярно ходить на протестные акции, «как на работу»: однако социальные сети и Интернет (в отсутствие сильных организаций) не со-

давали массовых стимулов для поведения такого рода ⁴⁰.

Неудивительно, что Кремль быстро перехватил инициативу у оппозиции, и итоги президентских выборов в марте 2012 года стали для нее холодным душем. В отсутствие у оппозиции реальной стратегии дальнейших действий предпринятое властями «закручивание гаек» (ужесточение ряда законов, провокации в ходе акций протеста, приведшие к аресту ряда активистов и участников, публичная

обладавшая локальной базой поддержки в Химках, на выборах мэра города осенью 2012 года смогла набрать лишь 17,5 проц. голосов избирателей (на предыдущих выборах мэра, в 2009-м она получила 15 проц. голосов, так что прогресс был невелик) ⁴². По сути, это означало, что оппозиция, участвуя в электоральной политике, могла претендовать лишь на «нишевый» статус, не создававший вызовов для властей ⁴³: она получала голоса только своих верных сторонников (и прежде не

“Оппозиция, участвуя в электоральной политике, могла претендовать лишь на «нишевый» статус, не создававший вызовов для властей”.

дискредитация оппозиционеров и преследование лидеров) грозило привести к маргинализации протестного движения. Вместе с тем некоторая либерализация, осуществленная властями в ответ на протесты 2011–2012 годов, — упрощение регистрации политических партий и расширение возможностей для участия в выборах — становились для оппозиции новым политическим вызовом ⁴¹.

Дискуссия среди оппозиционеров весной 2012-го выявила два полярных подхода к дальнейшей стратегии борьбы, отчасти напомиравшие полемику «отзовистов» и «ликвидаторов» в среде русских революционеров после 1905-го года. В то время как сторонники «уличных» протестов во главе с Сергеем Удальцовым делали ставку на рост численности участников акций («Марш миллионов»), их оппоненты во главе с Владимиром Миловым предлагали альтернативы в виде активного партийного строительства и участия в выборах. Однако вскоре обе стратегии оказались проигрышными. «Марши» с их неизменным репертуаром инвектив в адрес «жуликов и воров» начали выдыхаться; что же до выборов, то их итоги принесли оппозиционерам немного выгод. Та же Чирикова,

голосовавших за представителей режима), но имела мало шансов привлечь на свою сторону более широкие круги избирателей, в том числе и негативно относившихся к властям. Тем самым участие оппозиции в выборах укрепляло легитимность режима, поддерживая политическое статус-кво ⁴⁴. Сходную тенденцию фиксировали и массовые опросы и фокус-группы: даже некоторое снижение поддержки режима отнюдь не означало, что тем самым усиливается поддержка оппозиции ⁴⁵.

Вместе с тем логика противостояния режиму требовала, чтобы организационно и идейно разрозненные сегменты оппозиции занялись координацией своих шагов. Но взятый на вооружение механизм кооперации оказался неудачным. Координационный совет оппозиции (КСО) был широко анонсирован в качестве новой демократической формы, созданной на основе свободного волеизъявления граждан — альтернативы нечестным голосованиям на думских и президентских выборах 2011–2012 годов. Любой гражданин России мог баллотироваться в 45-местный КСО, и все желающие могли принять участие в голосовании, организованном по всей стране и за рубежом. Кампания по выборам

КСО включала прямые теледебаты участников, а процесс голосования предполагал избрание трети членов КСО по квотам для идеологических лагерей — левых, либералов и националистов. В октябре 2012-го свыше 81 тыс. избирателей проголосовали на выборах КСО. Его члены как будто могли утверждать, что представляют не только самих себя, но и своих сторонников. Однако позитивные эффекты этой кампании оказались сведены на нет, поскольку у КСО не было реальной

прекратил свое существование. Этот опыт не был бесполезен для активистов, но скудные ресурсы оппозиции во многом оказались потрачены впустую.

К 2013 году стало казаться, что Кремлю удалось справиться с угрозой возникновения влиятельной оппозиции. Успехи противников режима оказались не слишком значительными — оппозиционные партии в лучшем случае могли рассчитывать на отдельные места в региональных парламентах (как

“Взлет Навального был значим как свидетельство нарастающих трудностей для режима электорального авторитаризма”.

повестки дня. Изначально КСО должен был выступать в качестве организатора протестов и представительного органа, уполномоченного выступать от имени оппозиции (в том числе и в случае гипотетических переговоров с властями, о чем мечтали некоторые оппозиционеры, имея в виду российский аналог польского «круглого стола» образца 1989 года). Но первая из этих задач могла успешно решаться (и решалась ранее — в конце 2011-го и первой половине 2012 года) и без КСО, а вторая была явно преждевременной. Некоторые из членов КСО пытались представить этот орган как некий альтернативный парламент, более легитимный, нежели Дума, но подобные мечты были как минимум наивными. В итоге члены КСО тратили время на бесконечные дебаты (транслировавшиеся в Сети), принимали множество резолюций, но едва ли могли сколько-нибудь повлиять на политические процессы в стране. Вскоре некоторое количество выбранных членов КСО покинули его ряды из-за невозможности договориться друг с другом и неэффективности самого органа. В октябре 2013 года после истечения срока полномочий КСО, хотя формально и не был распущен, фактически

РПР-ПАРНАС в Ярославской области осенью 2013 года). Властям это доставляло не больше хлопот, чем партии «системной» оппозиции. Но картину сильно изменили выборы мэра Москвы в сентябре 2013 года. Изначально, позиции инкубента Сергея Собянина казались почти незыблемыми. Опросы предсказывали ему легкую победу, отводя потенциальному конкуренту Навальному не более 10 проц. голосов⁴⁶. Сокрушительная победа Собянина над Навальным на выборах могла укрепить легитимность режима и продемонстрировать избирателям отсутствие реальной политической альтернативы. Отчасти поэтому Навальный, несмотря на то, что ему пришлось вести кампанию, находясь в статусе обвиняемого в уголовном преступлении (по явно сфабрикованному делу), смог не только собрать подписи муниципальных депутатов, необходимые для регистрации на выборах, но и был освобожден из тюрьмы почти сразу после обвинительного приговора. Кремль тем не менее недооценил потенциал оппозиционера: ему удалось провести энергичную избирательную кампанию, его команда смогла привлечь немалое количество волонтеров, эффективно использовать

краудфандинг для сбора средств и мобилизовать большое количество избирателей. В результате Навальный смог привлечь на свою сторону не только и не столько явных противников режима, но и часть тех, кто в ходе волны протестов 2011–2012 годов занимал нейтральную и/или пассивную позицию (прежде всего среди молодежи). Итоги выборов мэра превзошли все ожидания: Навальный получил свыше 27 проц. голосов против 51,3 проц. у Собянина, который с трудом избежал второго тура голосования. Хотя немало активистов оппозиции считали, что победа Собянина стала следствием фальсификаций при подсчете голосов, сам Навальный справедливо счел, что время для «восстания масс» еще не пришло⁴⁷.

Несмотря на поражение, результат Навального, заручившегося поддержкой свыше 630 тыс. москвичей, оказался исключительным успехом — не столько потому, что он стал безусловным лидером оппозиции, сколько потому, что его кампания смогла преобразовать потенциал «коннективных действий» в коллективные действия противников режима. Вместо спонтанных разовых протестов, выражавших эмоциональную реакцию участников, заработала электоральная машина с ее разделением труда, централизацией и систематической ежедневной работой, столь необходимой для организационного развития оппозиции — прежде всего, в Москве, главном средоточии политического активизма в стране в целом. Последующие шаги Навального: он возглавил партию «Народный альянс», которая объединила его сторонников («партия Навального») и анонсировала планы участия в выборах в Московскую городскую Думу осенью 2014 года, — в этой связи были вполне логичны⁴⁸. Кроме того, Навальному удалось резко расширить круг сторонников оппозиции⁴⁹ — к разочарованию кремлевских политтехнологов, которые, по всей видимости, рассчиты-

вали, что безоговорочная победа над оппозицией на конкурентных выборах укрепит легитимность власти. Взлет Навального был значим как свидетельство нарастающих трудностей для режима электорального авторитаризма; однако он содержит и новые вызовы для оппозиции, которая выходит на политическую арену страны в надежде нанести поражение режиму.

Вызовы и альтернативы демократической оппозиции

Весной 1990 года известный политолог-компаративист Альфред Степан опубликовал статью под названием «О задачах демократической оппозиции». В ней он рассуждал о роли оппозиции в процессе демократизации авторитарных режимов в Латинской Америке и тех уроках, которые могли извлечь из этого процесса страны Восточной Европы⁵⁰. К моменту публикации этой работы политический контекст ряда восточноевропейских стран сильно изменился и кое-где вчерашняя оппозиция оказалась у власти и вынуждена была решать совсем иные задачи, но почти четверть века спустя тезисы Степана вполне релевантны для сегодняшней российской оппозиции и стоящих перед ней проблем.

Отмечая первостепенную значимость демократической оппозиции для эрозии авторитарных режимов, Степан сформулировал ее основные задачи в процессе демократизации. К ним были отнесены: (1) сопротивление кооптации со стороны режима; (2) сохранение зон автономии общества по отношению к режиму; (3) подрыв легитимности режима; (4) повышение цены авторитарного правления, и (5) создание убедительной демократической альтернативы режиму⁵¹. В этом плане сегодняшние достижения российской оппозиции выглядят противоречиво. Хотя шаги Кремля во многом облегчали оппозиции решение задачи (1) и (4), однако задача (3), а тем более, задача

(5) по-прежнему далеки от сколько-нибудь успешного решения. Поддержание «негативного консенсуса» как необходимого (хотя и недостаточного) условия подрыва режима оставалось достижением российской оппозиции со времен, предшествующих протестам 2011–2012-го ⁵², но ее прогресс на других направлениях был не столь значителен.

Нерешенность названных Степаном задач препятствовала становлению оппозиции как центра консолидации всех несогласных с режимом общественных сил и организованных групп. Даже влиятельные фигуры, по разным причинам дистанцировавшиеся от Кремля — такие как Алексей Кудрин или Михаил Прохоров — не спешили солидаризироваться с оппозиционерами, предпочитая развивать собственные проекты (Комитет гражданских инициатив, партия «Гражданская платформа»), оставляя себе пространство для маневра при любом развитии дальнейших событий. Сходным образом обстояло дело и в отношении других сегментов элит, в том числе и не разделявших стратегические ориентиры Кремля ⁵³. Хотя Навальному в ходе кампании 2013 года удалось заручиться открытой поддержкой со стороны некоторых представителей бизнеса, эти достижения были эпизодическими и не меняли (по крайней мере, пока) общей картины. В целом, препятствием для перехода тех или иных акторов на сторону противников режима были не только риски и угрозы со стороны власти; проблема была еще и в том, что победа оппозиции представлялась маловероятным событием как элитам, так и рядовым россиянам, а ее возможные последствия казались неочевидными. Перефразируя последнюю фразу «Манифеста коммунистической партии», можно вслед за Сергеем Рыженковым полагать, что россиянам было что терять при подрыве режима, цепи казались не слишком крепки и тяжелы, а приобретения в случае поражения авторитаризма

выглядели не столь заманчиво ⁵⁴. Тем самым даже для критиков режима сохранение политического статус-кво выглядело меньшим злом и убедить сограждан в том, что оппозиция способна предложить привлекательную альтернативу нынешнему режиму, пока что никому не удалось. Более того, оппозиция и ее потенциальные союзники сталкиваются с проблемой горизонта планирования: перспектива длительной борьбы против глубоко эшелонированного авторитарного режима оказывает демобилизующий эффект, подталкивая противников режима не к «протесту» (*voice*), а к «уходу» (*exit*) ⁵⁵, который не представляет угрозы для властей. На сегодняшний день неочевидно, сможет ли оппозиция удержать своих нынешних союзников и тем более привлечь новых.

Популистская стратегия, лежавшая в основе «негативного консенсуса» оппозиции, также наталкивалась на ограничения. Она препятствовала выработке позитивной повестки дня в ситуациях, когда от оппозиции требовались не только инвективы в адрес режима, но и четкая позиция по таким вопросам, в отношении которых в обществе не отмечалось единства. С одной стороны, в отличие от самого режима, который намеренно занимал уклончивую и размытую позицию, оппозиционеры не могли позволить себе подобную неопределенность, а с другой — последовательное позиционирование по острым вопросам грозило срывом «негативного консенсуса» и позволяло властям успешно проводить политику «разделяй и властвуй». Одним из таких вопросов оказалось отношение к иммигрантам. В то время как Навальный выражал поддержку антииммигрантскому «Русскому маршу» и говорил о симпатиях к некоторым националистическим группам ⁵⁶, либеральные оппозиционеры, для которых такая позиция была категорически неприемлема, не упускали случая обвинить его в агрессивном нацио-

нализме и на этом основании отказывали ему в моральном праве на лидерство в рядах оппозиции⁵⁷. Некоторые наблюдатели подчеркивали в этой связи, что такая риторика Навального имела целью не привлечение идейных сторонников оппозиции (у них и так не было иного выбора, кроме поддержки Навального), а стратегический сдвиг в сторону «медианного избирателя», гораздо более склонного к ксенофобии⁵⁸. Очевидно, что дилемма выбора между размежеванием среди

несколько сочетание различных методов борьбы против режима на различных аренах и взаимная поддержка, когда оппозиционеры приветствуют те шаги своих потенциальных союзников, которые «раскачивают лодку» и ослабляют статус-кво. Такое сотрудничество оказывается более успешным, если различные группы оппозиционеров добиваются поддержки в разных сегментах общества и (что немаловажно для сегодняшней России) оппозиционеры отказываются от публичной борь-

“В отличие от самого режима, который намеренно занимал уклончивую и размытую позицию, оппозиционеры не могли позволить себе подобную неопределенность”.

разных групп оппозиционеров по принципиальным вопросам и их прагматическим стремлением к сохранению «негативного консенсуса» любой ценой не имела удовлетворительного решения, и это значит, что противоречия в лагере оппозиции могут нарастать и в будущем.

Неудачный опыт КСО продемонстрировал также и организационную слабость оппозиции, отчасти связанную с дефицитом влиятельных автономных организаций в стране в целом. В отличие от ряда авторитарных режимов, где союзниками оппозиции выступали независимые от властей религиозные объединения, студенческие организации или профсоюзы, в России эти ресурсы практически отсутствовали. Поэтому создание формальной «зонтичной» структуры, претендующей на объединение всех противников режима в единую организацию, в реальности не привело к умножению сил оппозиции. Такая структура сама по себе не увеличивает ее мобилизационный потенциал и не слишком помогает в ведении избирательных кампаний. Опыт демократизации ряда стран говорит о том, что для эффективной кооперации важна не столько организационная консолидация,

бы друг с другом во имя достижения главной цели, демонстрируют способность к тактическим компромиссам и готовность к гибкому пересмотру своих идейных воззрений.

Наконец, хотя по словам Степана, «консенсус [оппозиции. — В.Г.] может быть достигнут по поводу правил игры, а не ее результатов»⁵⁹, на деле ситуация в сегодняшней России представляется противоположной. Справедливо обличая режим и выдвигая лозунг смены власти («Путин должен уйти»), российские оппозиционеры пока не провозглашают в качестве приоритета пересмотр основных «правил игры» — таких как монополия на власть фактического главы государства, отказ от электоральной конкуренции элит (или ее ограничение) или иерархическая соподчиненность органов управления на всех уровнях («вертикаль власти»). Хотя такой пересмотр станет возможен, только если и когда на повестке дня окажется вопрос о смене власти в стране, неопределенность в отношении основополагающих принципов политического устройства создает реальный риск смены одного авторитарного режима другим — в том случае, если оппозиции удастся добиться своих целей. По мнению

некоторых исследователей, в российском случае проблема усугубляется и тем, что сторонники оппозиции отнюдь не обязательно стремятся к демократии — для многих предпочтительным был бы приход к власти нового сильного (и более эффективного) авторитарного лидера⁶⁰. Критики такой точки зрения отмечали, что, хотя многие россияне негативно относятся к ключевым демократическим институтам (таким как разделение властей или защита прав меньшинств), значительное большинство считает проведение свободных и честных выборов вопросом первостепенной важности⁶¹. Если так, то, по крайней мере, стремление положить конец электоральному авторитаризму выступает своего рода минимальным общим знаменателем для оппозиции и оставляет надежды на эволюцию политических установок россиян в случае демократизации страны в будущем. Так или иначе, популистское предложение со стороны оппозиции в сочетании с противоречивым политическим спросом со стороны российских граждан создает серьезные опасения относительно характера тех перемен, которые могут произойти в будущем. Подобно тому, как падение режима КПСС и приход к власти коалиции во главе с Ельциным в 1991 году привели не к демократизации страны, а к становлению нового авторитаризма, риски такого рода весьма вероятны и в случае смены режима в сегодняшней России.

Повестка на завтра

Еще осенью 2011 года немногие наблюдатели ожидали, что российская оппозиция в течение двух последующих лет станет значимым политическим актором, способным к мобилизации заметного числа сторонников и к получению существенной доли голосов на выборах. Достигнутые оппозицией успехи выглядят впечатляющими, если принять во внимание почти нулевую «точку отсчета»

середины 2000-х годов. Они, однако, не столь очевидны, если проецировать нынешнюю ситуацию на будущее.

В самом деле, всерьез говорить о перспективах российской оппозиции невозможно, не учитывая стратегии правящего режима. По мнению Лукана Уэя, роль оппозиции в кризисе электоральных авторитарных режимов не слишком значительна, а большинство рисков для этих режимов связано с теми или иными шагами правящих групп⁶². Тем не менее следует иметь в виду, что сами эти шаги предпринимаются в ответ на вызовы, которые возникают, в том числе и со стороны оппозиции⁶³. Но анализ стратегического взаимодействия режима и оппозиции в российском случае наталкивается на большое количество неизвестных величин: невозможно оценить ни тренды общественного мнения (ввиду «фальсификации предпочтений» граждан)⁶⁴, ни потенциал силового подавления протестных выступлений и связанных с ними рисков. Действия режима по отношению к оппозиции после протестов 2011–2012 годов можно считать частично успешными — властям удалось не допустить «расползания» протестных проявлений за пределы столиц и вовлечения в них широких социальных слоев и избежать присоединения к оппозиции не слишком лояльных «попутчиков» режима. Дозированный допуск оппозиции к участию в выборах также ослаблял потенциал «уличной» мобилизации, снижая риски для властей. Вместе с тем тактика «закручивания гаек» не слишком сильно запугала оппозиционеров и их потенциальных союзников, да и пропагандистские кампании Кремля по дискредитации оппозиции имели лишь ограниченный эффект. Проблема, однако, не только в том, что экзогенные шоки (прежде всего, связанные с ухудшением ситуации в экономике страны) могут нарушить нынешнее равновесие в паре «режим – оппозиция», но и в том, что протестные проявления — не только

в столицах, но и в других городах и регионах⁶⁵ — могут возникать вне всякой связи с действиями оппозиции. Пока что властям удавалось справляться с отдельными вспышками такого рода, прибегая к локализации конфликтов и частичному удовлетворению требований протестующих, тогда как потенциал оппозиции был явно недостаточным для того, чтобы капитализировать локальные «бунты». Однако никто не гарантирует, что нынешнее равновесие сохранится и в будущем.

Иначе выглядят перспективы режима и оппозиции в России, если нынешнюю ситуацию рассматривать не статически, а как элемент политической динамики. С этой точки зрения, волну политического протеста 2011–2012-го годов и трудное возрождение российской оппозиции можно рассматривать как начальный этап «ползучей» (*creeping*) демократизации страны. «Ползучая демократизация»⁶⁶ — это сложный и иногда довольно длительный во времени процесс перехода от

“Протестные проявления — не только в столицах, но и в других городах и регионах — могут возникать вне всякой связи с действиями оппозиции”.

Проецирование текущей ситуации на будущее (анализ режимов и оппозиций не служит исключением) обычно страдает двумя крайностями. Одна из них — предположение о вероятной преемственности статус-кво с теми или иными вариациями (*status quo bias*), согласно которому сохранение нынешнего положения дел рассматривается как «точка отсчета». С этой точки зрения, можно ожидать, что в обозримом будущем российская оппозиция едва ли не обречена на нынешний «нишевый» статус и не способна создать серьезный вызов режиму. Другая крайность — ожидание неизбежного обвала и краха режима, часто присущее его непримиримым критикам, имплицитно исходящим из логики «чем хуже, тем лучше». Хотя такое развитие событий невозможно исключить, а его последствия тем более непредсказуемы, стоит иметь в виду, что внезапный коллапс авторитарных режимов отнюдь не всегда играет на руку демократической оппозиции. «На обломках самовластья» порой происходит захват власти политическими предпринимателями, оказавшимися в нужное время в нужном месте, что вовсе не ведет к демократизации страны, а, скорее, означает поворот режима от «плохого» к «худшему».

авторитаризма к демократии посредством серии стратегических действий как режима, так и оппозиции, меняющих свои стратегии под воздействием шагов друг друга. Его суть состоит в том, что под давлением оппозиции правящие группы могут пойти на частичную либерализацию режима, а затем (если давление усиливается, а режим не сворачивает либерализацию) на расширение пространства политического участия, что, в свою очередь, приводит как к размежеваниям внутри правящих групп, так и к вовлечению оппозиции в политический процесс. Дальнейшее развитие событий может предполагать различные варианты — и компромисс между реформистски настроенной частью правящих групп и умеренной оппозицией («соглашение элит», как в случае Польши в 1989-м году), и инициативу правящих групп по опережающей демократизации режима, позволяющей удержать власть по итогам конкурентных выборов (как в Южной Корее в 1987-м году), и, наконец, серию противостояний на электоральной арене, правила борьбы на которой со временем могут стать более прозрачными и обеспечить мирный приход к власти оппозиции (как в Мексике в 1997–

2000-х годах)⁶⁷. Подобное развитие событий в том или ином виде было характерно для «историй успеха» демократизации ряда стран в конце XX века, и нет оснований исключать его и для сегодняшней России, хотя «ползучая демократизация» зачастую оказывается непоследовательной и порой включает в себя несколько попыток.

Стратегия правящих групп по сохранению и удержанию электорального авторитаризма может измениться, лишь если и когда давление со стороны оппозиции будет не просто усиливаться, но приобретет одновременный и кумулятивный характер на разных направлениях — то есть российская оппозиция будет способна сплотить и мобилизовать значительную часть противников режима. Помимо массовых протестных выступлений в разных формах важнейшим механизмом, способным подорвать нынешнее авторитарное равновесие в России, служат выборы. Это не означает, что переход России к демократии, если и когда он наступит, станет результатом победы оппозиции над правящей группой на выборах, которые проходят по нынешним «правилам игры». В обозримом будущем электоральный авторитаризм в России не исчезнет сам по себе, но выборы, важные для режима как источник его легитимации, могут носить «опрокидывающий» характер, подобно тому, что произошло в ходе думского голосования в декабре 2011-го года⁶⁸. В этих условиях кооперация оппозиции и поддержка ею альтернативных Кремлю кандидатов могут на определенном этапе нанести режиму максимальный урон. Если региональные и местные выборы в 2014–2015-м годах повлекут за собой целый каскад «опрокидывающих» эффектов, то нельзя исключить, что правящая группа вынуждена будет пойти по пути более серьезной либерализации в преддв-

рии цикла думских (2016) и президентских (2018) выборов, под давлением общества меняя не только формальные, но и неформальные правила их проведения и расширяя политические возможности для оппозиции. Однако трудно сказать, сможет ли сама оппозиция воспользоваться этими шансами, если и когда они ей представятся.

После краха коммунизма и распада СССР Россия не смогла воспользоваться внезапно открывшимся «окном возможностей» для демократизации страны. Казалось бы, за два десятилетия строительства авторитаризма в России правящие группы смогли наглухо его заколотить. Но волна протестов 2011–2012 годов по крайней мере позволила оппозиции приоткрыть — если не окно, то «форточку» возможностей — и понимание необходимости смены режима сегодня ширится среди различных групп российского общества. Спрос на перемены в России, будучи предъявлен властям, со временем может возрасти, давая тем самым новые шансы для оппозиции (хотя никто не гарантирует, что она сможет успешно ими воспользоваться). Но все же смена поколений оппозиции не проходит даром: нынешние ее представители учитывают ошибки предшественников и, пусть не сразу, также учатся на собственных ошибках. Это дает основания рассчитывать на то, что в процессе новых изменений политического режима Россия не будет вновь попадать из огня да в полымя, подобно тому, как произошло в 1990-е и особенно в 2000-е годы⁶⁹. И потому лозунг оппозиционных митингов — «Россия будет свободной!» — может в обозримом будущем стать ключевым аспектом политической повестки дня. Россия на самом деле будет свободной страной — вопрос в том, когда именно, каким образом и с какими издержками она пройдет свой путь к свободе. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Гельман В. Политическая оппозиция в России: вымирающий вид? // Полис. 2004. № 4. С. 52–69.

² См., например: *Remington T.* Patronage and the Party of Power: President-Parliament Relations Under Vladimir Putin // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. No. 6. P. 959–987; *Ross C.* The Rise and Fall of Political Parties in Russia's Regional Assemblies // *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63. No. 3. P. 429–448.

³ См., в частности: *Gel'man V.* Party Politics in Russia: From Competition to Hierarchy // *Europe-Asia Studies*. 2008. Vol. 60. No. 6. P. 913–930; *Golosov G. V.* Russia's Regional Legislative Elections, 2003–2007: Authoritarianism Incorporated // *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63. No. 3. P. 397–414.

⁴ См., например: *Gladarev B., Lonkila M.* Justifying Civil Activism in Russia and in Finland // *Journal of Civil Society*. 2013. Vol. 9. No. 4. P. 375–390; *Клеман К.* Городские движения России в 2009–2012 годах: на пути к политическому. М.: Новое литературное обозрение, 2013.

⁵ По данным общероссийских опросов Левада-Центра, уровень поддержки Путина (подсчитанный как разность позитивных и негативных оценок его деятельности респондентами) упал с 38 проц. в августе 2011-го до 24 проц. в ноябре 2013 года (www.levada.ru/indeksy). ФОМ в своих общероссийских опросах отмечал, что доля доверяющих Путину респондентов снизилась с 59 проц. в марте 2011-го до 43 проц. в ноябре 2013 года, в то время как доля не доверяющих ему респондентов возросла с 15 проц. до 22 процентов (<http://bd.fom.ru/map/dominant>).

⁶ Классический анализ см.: *Barghoorn F.* Factional, Sectoral, and Subversive Opposition in Soviet Politics // *Regimes and Oppositions* / R. Dahl (ed.). New Haven: Yale Univ. Press, 1973. P. 27–87; *Linz J. J.* Opposition in and under Authoritarian Regime: The Case of Spain // *Regimes and Oppositions*. P. 171–259; см. также: *Гельман В.* Политическая оппозиция в России...

⁷ *Stepan A.* Democratic Opposition and Democratization Theory // *Government and Opposition*. 1997. Vol. 32. No. 4. P. 657–678.

⁸ См.: *Barghoorn F.* Op. cit.; *Linz J. J.* Op. cit.

⁹ *Greene K.* Why Dominant Parties Lose: Mexico's Democratization in Comparative Perspective. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007.

¹⁰ *Korea's Democratization* / S.S. Kim (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.

¹¹ *Травин Д., Марганя О.* Европейская модернизация. М.: АСТ, 2004. Т. 2. С. 297–421.

¹² См.: *Fish M. S.* Democracy From Scratch: Opposition and Regime in the New Russian Revolution. Princeton: Princeton Univ. Press, 1995; *Urban M.* The Rebirth of Politics in Russia. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1997.

¹³ О «структуре политических возможностей» см.: *Kitschelt H.* Political Opportunity Structure and Political Protest: Anti-Nuclear Movements in Four Democracies // *British Journal of Political Science*. 1986. Vol. 16. No. 1. P. 57–87; *Tarrow S.* Power in Movement: Social Movement, Collective Action, and Politics. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1994.

¹⁴ *Przeworski A., Alvarez M. E., Cheibub J. A., Limongi F.* Democracy and Development: Political Institutions and Well-being in the World, 1950–1990. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2000.

¹⁵ См., в частности: *Рогов К.* Гипотеза третьего цикла // *Pro et Contra*. 2010. Т. 14. № 4–5. С. 6–22.

¹⁶ Подробнее об этом см.: *Гельман В., Травин Д.* «Загогулины» российской модернизации: смена поколений и траектория реформ // *Неприкосновенный запас*. 2013. № 4. С. 14–38.

¹⁷ Анализ политических эффектов смены поколений на материале стран Запада см.: *Inglehart R.* The Silent Revolution: Changing Values and Political Styles among Western Public. Princeton: Princeton Univ. Press, 1977 и ряд последующих работ этого автора.

¹⁸ Алексей Навальный в одном из интервью вспоминал, что в октябре 1993 года, будучи студентом первого курса, сбегал с занятий, чтобы увидеть своими глазами штурм Белого дома. В то же время представители предшествующего поколения российских политиков в эти дни находились по разные стороны политических баррикад.

¹⁹ *Гельман В.* Из огня да в полымя: Российская политика после СССР. СПб.: БХВ-Петербург, 2013. Гл. 5.

²⁰ См.: *Ворожейкина Т.* Самозащита как первый шаг к солидарности // *Pro et Contra*. 2008. Т. 12. № 2–3. С. 6–23; *Robertson G.* Managing Society: Protests, Civil Society, and Regime in Putin's Russia // *Slavic Review*. 2009. Vol. 68. No. 3. P. 528–547; *Клеман К.* Указ. соч.

²¹ Подробнее см.: <http://vk.com/public23944101>

²² Подробнее см.: <http://www.dissernet.org/>

²³ См.: *Robertson G.* Protesting Putinism: The Election Protests of 2011–2012 in Broader Perspective // *Problems of Post-Communism*. 2013. Vol. 60.

No. 2. P. 11–23; *Greene S.* Beyond Bolotnaya: Bridging Old and New in Russia's Election Protest Movement // *Problems of Post-Communism*. 2013. Vol. 60. No. 2. P. 40–52.

²⁴ *Lassila J.* Aleksei Navalny – Russia's Modern Populist? // *Aleksanteri Insight*. 2013. Dec. 4. No. 2 (http://www.helsinki.fi/aleksanteri/english/insight/AI_13_2.pdf).

²⁵ См.: *Рогов К.* Гипотеза третьего цикла; *Белановский С., Дмитриев М.* Политический кризис в России и возможные механизмы его развития. М.: Центр стратегических разработок, 2011; *Chaisty P., Whitefield S.* The Effects of the Global Financial Crisis on Russian Political Attitudes // *Post-Soviet Affairs*. 2012. Vol. 28. No. 2. P. 187–208.

²⁶ *Яковлев А.* Массовые протесты в Москве сквозь призму исторических аналогий // *Вопросы экономики*. 2012. № 2. С. 151–157.

²⁷ *Fish M.S.* Op. cit.; *Urban M.* Op. cit.

²⁸ *Травин Д.* Очерки новейшей истории России. Кн. первая, 1985–1999. СПб: Норма, 2010.

²⁹ Составленный участниками московских протестов в феврале 2012 года список политических заключенных в стране включал 39 имен. Аналогичный список, переданный Путину в ноябре 2013 года сопредседателем партии ПРП-ПАРНАС Владимиром Рыжковым, включал 70 имен. Эти показатели по меркам авторитарных режимов являются весьма низкими.

³⁰ *Wilson A.* Virtual Politics: Faking Democracy in the Post-Soviet World. New Haven: Yale Univ. Press, 2005.

³¹ *Przeworski A.* Op. cit. P. 58.

³² *Хархордин О.* Основные понятия российской политики. М.: Новое литературное обозрение, 2011. С. 80, 88–89.

³³ *Гельман В.* Из огня да в полымя. Гл. 5.

³⁴ Количественные оценки масштабов фальсификаций см., например: *Enikolopov R., Korovkin V., Petrova M., Sonin K., Zakharov A.* Field Experiment Estimate of Fraud in Russian Parliamentary Elections // *Proceedings of the National Academy of Science of the United States of America*. 2013. Vol. 110. No. 2. P. 448–452.

³⁵ Опыт «соглашений элит» в процессе демократизации авторитарных режимов говорит о том, что успешным переговорам представителей режима и оппозиции предшествует не только длительная по времени протестная мобилизация, на порядок превосходящая то, что отмечалось зимой 2011–2012-го годов в Москве, но и неудачный

опыт предшествующего разрешения конфликтов. В России пока этих условий не отмечается.

³⁶ *Bennett W.L., Segerberg A.* The Logic of Connective Action // *Information, Communication, and Society*. 2012. Vol. 15. No. 5. P. 739–768.

³⁷ Классический анализ см.: *Olson M.* The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1965; о коллективных действиях в ходе «цветных революций» см., например: *Tucker J.* Enough! Electoral Fraud, Collective Action Problems, and Post-Communist Colored Revolutions // *Perspectives on Politics*. 2007. Vol. 5. No. 3. P. 535–551.

³⁸ *Smyth R., Sobolev A., Soboleva I.* Patterns of Discontent: Identifying the Participant Core in Russian Post-Election Protest / Paper prepared for the conference “Russia's Winter of Discontent: Talking Stock on Changing State-Society Relationships”. Uppsala. Sept. 2013.

³⁹ О «силе слабых связей» см.: *Granovetter M.* The Strength of Weak Ties // *American Journal of Sociology*. 1973. Vol. 78. No. 6. P. 1360–1380.

⁴⁰ По сведениям, которые сообщали представители оппозиции, ежемесячное число участников протестных акций в Москве сократилось с 210 тыс. в декабре 2011-го до 5 тыс. в июле 2013-го. См.: *Treisman D.* Can Putin Keep His Grip on Power // *Current History*. 2013. Vol. 112. No. 756. P. 256.

⁴¹ *Golosov G.V.* The 2012 Political Reform in Russia: The Interplay of Liberalizing Concessions and Authoritarian Corrections // *Problems of Post-Communism*. 2012. Vol. 59. No. 6. P. 3–14; *Smyth R.* Beyond United Russia: The Kremlin's Efforts to Engineer Ruling Majorities // *PONARS Eurasia Policy Memos*. 2013. No. 302. (http://www.ponarseurasia.org/sites/default/files/policy-memos-pdf/Perm_302_Smyth_Sept2013.pdf).

⁴² *Бешлей О.* Уроки Евгении Чириковой // *New Times*. 2012. 15 окт. № 33 (<http://newtimes.ru/articles/detail/58224/>).

⁴³ О «нишевых» оппозиционных партиях см.: *Greene K.* Op. cit.

⁴⁴ Этот феномен отмечался и на материале других авторитарных режимов. См.: *Gandhi J.* Political Institutions Under Dictatorship. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008.

⁴⁵ По данным всероссийского опроса Левада-Центра, в мае 2013 года лишь 27 проц. респондентов заявляли о поддержке оппозиции по сравнению с 42 проц. опрошенных в декабре 2011-го.

(<http://www.levada.ru/13-06-2013/nesistemnaya-oppozitsiya-otnoshenie-k-mitingam-i-lideram>).

⁴⁶ См. данные московских опросов ФОМ: <http://fom.ru/Politika/11011>; прогноз результатов выборов: <http://fom.ru/Politika/11063>; данные Левада-Центра: <http://www.levada.ru/17-07-2013/moskva-nakanune-vyborov-mera-polnoe-issledovanie>

⁴⁷ Выступая перед своими сторонниками после голосования, он предложил отказаться от протестов, но призвал их быть готовыми «жечь файеры», когда он сочтет этот шаг необходимым. См. запись выступления Навального на митинге на Болотной площади 9 сентября 2013-го (<http://www.youtube.com/watch?v=pUmOoEUF4-8>).

⁴⁸ Будучи приговорен к условному сроку в октябре 2013-го года, сам Навальный оказался исключен из числа возможных кандидатов, в том числе и на предстоящих думских и президентских выборах.

⁴⁹ По данным общероссийского опроса Левада-Центра, 54 проц. россиян знали о политической деятельности Навального (в апреле 2011-го года — 6 проц.) (<http://www.levada.ru/15-11-2013/rossiyane-ob-navalnom>), а в ноябре 2013-го 5 проц. респондентов выражали готовность проголосовать за него на президентских выборах (<http://www.levada.ru/03-12-2013/vozmozhnye-rezultaty-prezidentskikh-vyborov>).

⁵⁰ *Stepan A.* On the Tasks of Democratic Opposition // *Journal of Democracy*. 1990. Vol. 1. № 2. P. 41—49.

⁵¹ *Stepan A.* Op. cit. P. 44.

⁵² *White D.* Dominant Party Systems: A Framework for Conceptualizing Opposition Strategies in Russia // *Democratization*. 2011. Vol. 18. No 3. P. 655—681.

⁵³ Проведенный в 2008 году опрос представителей российских элитных групп свидетельствовал о том, что значительная их часть разделяла требования демократизации страны. См.: *Афанасьев М.* Российские элиты развития: Запрос на новый курс. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2009.

⁵⁴ *Рыженков С.* Перспективы демократизации России: Стратегический подход (первое приближение) // *Неприкосновенный запас*. 2011. № 1. С. 101.

⁵⁵ *Hirschman A.O.* Exit, Voice, and Loyalty: Response to Decline in Firms, Organizations, and States. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press. 1970.

⁵⁶ *Навальный А.* Русский марш // Эхо Москвы. 2013. 3 нояб. (<http://echo.msk.ru/blog/navalny/1190048-echo/>).

⁵⁷ *Акунин Б.* Про Алексея Навального и «Русский марш» // Эхо Москвы. 2013. 3 нояб. (http://www.echo.msk.ru/blog/b_akunin/1190412-echo/).

⁵⁸ *Миронов М.* Навальный, Акунин и «Русский марш» // *slon.ru*. 2013. 4 нояб. (http://slon.ru/russia/navalnyy_akunin_i_russkiy_marsh-1014016.xhtml).

⁵⁹ *Stepan A.* Op. cit. P. 47.

⁶⁰ *Chaisty P., Whitefield S.* Forward to Democracy or Back to Authoritarianism: The Attitudinal Bases of Mass Support for the Russian Election Protests of 2011—2012 // *Post-Soviet Affairs*. 2013. Vol. 29. № 5. P. 387—403.

⁶¹ *Hale H.* The Myth of Mass Russian Support for Autocracy: The Public Opinion Foundations of a Hybrid Regime // *Europe-Asia Studies*. 2011. Vol. 63. № 8. P. 1357—1375.

⁶² *Way L.* The Real Causes of the Color Revolutions // *Journal of Democracy*. 2008. Vol. 19. № 3. P. 55—69.

⁶³ *Tucker J.* Op. cit.; *Bunce V., Wolchik S.* Defeating Dictators: Electoral Change and Stability in Competitive Authoritarian Regimes // *World Politics*. 2010. Vol. 62. № 1. P. 43—86.

⁶⁴ О «фальсификации предпочтений» см.: *Kuran T.* Now Out of Never: The Element of Surprise in the East European Revolution of 1989 // *World Politics*. 1991. Vol. 44. № 1. P. 7—48; об этой проблеме в российском контексте см.: *Рогов К.* Сверхбольшинство для сверхпрезидента // *Pro et Contra*. 2013. Т. 17. № 3—4. С. 102—125.

⁶⁵ *Treisman D., Dmitriev M.* The Other Russia // *Foreign Affairs*. 2012. Vol. 91. № 5. P. 59—72.

⁶⁶ *Przeworski A.* Op. cit. P. 69—72.

⁶⁷ Подробнее см. обзор: *Гельман В., Добронравин Н., Колоницкий Б., Травин Д.* Политический кризис в России: Модели выхода. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2012.

⁶⁸ Об «опрокидывающих выборах» как средстве делегитимации авторитарных режимов см.: *Huntington S.* The Third Wave: Democratization in the Late Twentieth Century. Norman, OK: Univ. of Oklahoma Press. 1991. P. 174—180.

⁶⁹ См.: *Россия 2020: сценарии развития* / Под ред. М. Липман, Н. Петрова. М.: РОССПЭН, 2012; *Бусыгина И., Филиппов М.* Политическая модернизация государства в России: Необходимость, направления, издержки, риски. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2012; *Гельман В.* Из огня да в полымя.

Суррогаты парламентаризма

Сущностное улучшение качества законотворческого процесса возможно только путем возвращения законодательной ветви власти ее полномочий, урезанных в ходе политических реформ 2004—2009 годов

Екатерина Шульман

Ужесточение политических условий законотворческого процесса, которое привело российский парламентаризм к его нынешнему печальному положению, в публичном пространстве началось со знаменитой фразы председателя Государственной думы Бориса Грызлова. Он на тот момент занял свой пост совсем недавно, а фраза — вспомним ее точную формулировку — звучала так: «Мне кажется, что Государственная Дума — это не та площадка, где надо проводить политические баталии, отстаивать какие-то политические лозунги и идеологии, это та площадка, где должны заниматься конструктивной, эффективной законодательной деятельностью»¹.

Эта фраза примечательна тем, что в ней в емкой, концентрированной и запоминающейся форме выражены все те представления о законотворчестве, которые в наименьшей степени соответствуют истинной природе парламентаризма. Одновременно в этом высказывании мы видим ложное представление о природе политического и о сущности эффективности, о смысле законодательной деятельности и о наилучших условиях для ее осуществления. В этом есть своего рода нехорошее совершенство, наилучшим образом передающееся популярным выражением «с точностью до наоборот».

Как писал философ и социолог Карл Маннгейм, «парламенты отнюдь не являются

сообществами для проведения теоретических (курсив мой.— Е. Ш.) дискуссий. Ибо за каждой “теорией” стоят коллективные силы, воля, власть и интересы которых социально обусловлены, вследствие чего парламентская дискуссия отнюдь не носит теоретический характер, а является вполне реальной дискуссией»².

В последующие десять лет процитированная фраза Грызлова стала неофициальным лозунгом российского парламентаризма. Парламент, в котором не место политическим дискуссиям, имел свои удобства: он позволял исполнительной власти проводить свои инициативы напрямую, не тратя время на сложный и затратный процесс внутрипарламентских согласований и выстраивания коалиций. Создание устойчивого большинства, обладающего достаточным числом голосов, необходимых для принятия любых, в том числе конституционных, законопроектов, казалось, навсегда избавило исполнительную власть от беспокойства на тему «хватит ли голосов».

Срок от внесения законопроекта до его принятия неуклонно сокращался: в среднем с 661 дня в 1994-м до 94 дней в 2009 году³. В общем количестве проектов, одобренных Государственной думой, постоянно увеличивалась доля тех, которые были внесены президентом и правительством. К 2012 году из 334 новых федеральных законов, подпи-

санных президентом, было внесено правительством 184, президентом – 45. В 2013-м президент подписал 448 законов, из них правительственных инициатив 251, президентских – 29⁴. Ниже приведены аналогичные данные финального года каждого из прошедших думских созывов (см. таблицу 1).

Цифры наглядно показывают тот водораздел, который пролегает между IV и V созывами, когда настройка законотворческой системы, включающая ужесточение избирательного и партийного законодательства, а также внутридумского регламента, достигла своего рода совершенства.

Казалось бы, чего еще желать? Улучшенная модель парламента – итог законодательных реформ 2005–2009 годов – отвечала всем требованиям эффективности (понимаемой как достижение максимальной производительности на единицу времени с минимальными затратами средств и усилий) и конструктивности (понимаемой как максимальная предсказуемость и минимальная спонтанность).

Однако уже к середине работы Государственной думы V созыва не только оппозиционные политики и публицисты, но и представители власти стали высказывать недовольство качеством законотворческого процесса и его плодов. При этом законотворческий процесс следует понимать в расширительном смысле, не сводимом исключительно к деятельности нижней палаты парламента.

Что именно не так с парламентом, напрямую не говорилось (в частности, речь не шла о том, что парламента не представляет интересы избирателей), но раздавались многочисленные жалобы на нестабильную правовую среду, быстрое и непредсказуемое появление новых законов и их низкое качество.

Непредсказуемость, что интересно, есть постоянный источник претензий налоговых органов и финансовых регуляторов⁵ – казалось бы, прямых бенефициариев всей думской законотворческой активности, которая в минимальной мере есть проявление свободы духа самих депутатов, а в максимальной – обслуживание интересов исполнительной власти. Беда в том, что никакой «исполнительной власти» как единого актора в законотворческом процессе не существует. Борьба партий и групп интересов, изгнанная из парламента, не исчезла, но переместилась в глубь министерских и ведомственных структур, аппаратов регулирующих органов и межведомственных комиссий.

В некотором роде кульминацией претензий такого рода, обращенных к самому публичному элементу российского законотворческого процесса со стороны тех, кто этот процес выстраивал, можно считать публичную лекцию начальника Государственно-правового управления президента Ларисы Брычевой, прочитанную в Государственной думе 26 февраля 2014 года. Государственно-

Таблица 1

ПРЕЗИДЕНТ И ПРАВИТЕЛЬСТВО КАК ИСТОЧНИК ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ ИНИЦИАТИВ			
год	количество законопроектов		
	всего подписано президентом	из них внесено президентом	из них внесено правительством
1999	226	21	95
2003	341	35	92
2007	226	21	95
2011	432	62	192

Источник: АСОЗД (Автоматизированная система обеспечения законодательной деятельности)

правовое управление администрации президента — головное подразделение Кремля, которое отвечает непосредственно за юридическое содержание всего того, что принимает Дума, подобно тому, как Управление внутренней политики отвечает за политическую составляющую законотворческого процесса. Основное содержание речи Ларисы Брычевой составляли упреки в слишком быстром принятии новых непродуманных и необоснованных законов и разрушении стабильной и предсказуемой правовой среды:

“Наиболее масштабной попыткой организовать некий квазипарламентский орган стало создание Общественной палаты РФ”.

«Поэтому с этой точки зрения, конечно, хотелось бы, чтобы скорость этих изменений в законодательстве была как-то по возможности приторможена, и можно было бы тогда более обоснованно, более действительно сбалансированно находить соответствующие решения. А так получается, что у нас такие, знаете, сиюминутные реакции на некие ситуации, которые возникают в жизни, именно по ситуациям работают, что неправильно ни с какой точки зрения»⁶.

Для того чтобы повысить качество законодательной деятельности, были предприняты попытки создать своего рода «суррогаты парламентаризма». Рассмотрев детально эти попытки, можно увидеть в них не только выражение общего недовольства положением вещей в законодательной ветви власти, но и специфическое понимание того, какого именно элемента в ней не хватает — а именно, обратной связи с обществом и открытости для экспертного мнения.

Наиболее масштабной попыткой организовать некий квазипарламентский орган, который взял бы на себя функцию связи между общественным запросом и законодательным

актом, с которой очевидно не справляется реформированная Государственная дума, стало создание Общественной палаты РФ. Это государственное решение было принято во многом по итогам вступления в действие одного из наиболее конфликтных законов, принятых IV созывом Государственной думы — так называемого закона о монетизации льгот⁷. Протестные акции, вспыхнувшие после вступления закона в силу, побудили исполнительную власть создать в середине 2005 года новый орган — Общественную палату РФ⁸.

В интересующем нас законотворческом аспекте Общественная палата была наделена возможностью давать заключения на законопроекты, как федеральные, так и региональные, а также на нормативные правовые акты Правительства РФ и федеральных органов исполнительной власти. Заключения Общественной палаты подлежат обязательному рассмотрению на пленарных заседаниях обеих палат парламента, а также на заседаниях Правительства РФ, коллегий соответствующих федеральных, региональных и муниципальных органов исполнительной власти⁹.

Этим своим правом Общественная палата пользуется достаточно активно — с начала работы первого состава палаты в 2006 году было написано 162 заключения, которые в основном касались проектов федеральных законов¹⁰. В 2009-м были внесены дополнительные поправки в действующий закон об Общественной палате, в соответствии с которыми экспертизу Общественной палаты в обязательном порядке проходят все социально значимые законопроекты, а также законопроекты, касающиеся ограничений или лишения свободы граждан, осуществляемых государством.

Однако создание Общественной палаты явно не удовлетворило потребность исполнительной власти, которая хотела знать, как граждане реагируют на правотворческую деятельность. Указом президента от 9 февраля 2011 года была предусмотрена возможность по решению президента выносить на общественное обсуждение законопроекты по «основным направлениям» госполитики РФ. В президентском указе от 7 мая 2012 года «Об основных направлениях совершенствования системы госуправления» говорится про «предоставление не менее 60 дней для проведения публичных консультаций» при разработке нормативно-правовых актов.

Каким образом должно функционировать это общественное обсуждение и публичные консультации? Рассмотрим ряд последовательных попыток их организовать.

В ходе работы Государственной думы V созыва депутат, член фракции «Единая Россия» Роберт Шлегель инициировал законопроект «О внесении изменений в статьи 4 и 21 Федерального закона “Об Общественной палате РФ” (в части наделения Общественной палаты РФ полномочием направлять в Государственную думу гражданскую инициативу в форме проектов федеральных конституционных и федеральных законов)¹¹. Суть предложения состоит в том, чтобы граждане получили право инициировать проекты законов; свою инициативу и 10 тыс. подписей в ее поддержку они передают Общественной палате, которая, в свою очередь, направляет документ в Государственную думу, где депутаты могут внести ее официально от своего имени. Согласно Конституции РФ, ни Общественная палата, ни граждане, ни группы граждан не обладают правом законодательной инициативы¹². Кроме того, предлагается предоставить гражданам доступ к Автоматической системе обеспечения законодательной деятельности (АСОЗД), чтобы оставлять комментарии к размещенным там законопроектам.

Уже в 2013-м при поддержке того же депутата Шлегеля в Государственной думе организовали систему «Вече», призванную привлечь граждан к обсуждению законопроектов — также путем регистрации на сайте в качестве экспертов¹³. Пока на сайте прошло обсуждение единственного законопроекта, инициированного самим депутатом: «О внесении изменений в Гражданский кодекс, Гражданский процессуальный кодекс, Арбитражный процессуальный кодекс и ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Проект не дошел до первого чтения, судьба внесенных через сетевой инструмент поправок неизвестна (согласно информации на сайте, всего было предложено десять альтернативных вариантов статей).

Менее масштабной, но также характерной инициативой по расширению общественной базы законотворчества является совместный проект фонда «Общественное мнение» (ФОМ) и аппарата Правительства РФ «Общественная экспертиза законопроектов Российской Федерации»¹⁴. Вот как описывает этот инструмент президент ФОМ Александр Ослон: «Выложен закон о рыболовстве в том варианте, в каком он внесен в правительство, и открыты двери. Человек должен пройти авторизацию обязательно — это не аноним. Второе, работа состоит в том, чтобы брать нормы закона и писать свою редакцию. <...> Сейчас там 2300 человек, которые занимаются этой работой. Но при этом каждый из них постоянно оценивает приемлемость тех или иных редакций, данных другими участниками. <...> человек, который получил много голосов на своей редакции... получает более высокий рейтинг. <...> Мы получим отрейтингованные новые поправки. Фактически это народные поправки»¹⁵. На данный момент на сайте выложены два законопроекта: «О любительском рыболовстве» (принятие

поправок к проекту завершено 19 сентября 2011 года, внесено 287 поправок) и «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» (принятие поправок к проекту завершено 6 октября 2011-го, внесено 392 поправки). Оба проекта, планируемых к внесению в Государственную думу Правительством РФ, пока не инициированы — то есть речь идет о редактировании текстов на предпарламентской стадии, когда обсуждение текстов носит полностью неп-

Система РОИ была создана во исполнение указа Президента РФ от 4 марта 2013 года № 183 «О рассмотрении общественных инициатив, направленных гражданами РФ с использованием интернет-ресурса “Российская общественная инициатива”»¹⁷. Система позволяет гражданину РФ подать свою инициативу или петицию (в том числе и законодательскую инициативу), которая при соблюдении ряда условий будет рассмотрена (именно рассмотрена, а не одобрена)

“Не видно никакой связи между количеством поданных ГОЛОСОВ и успехом внесенного предложения, что подрывает саму идею общественной инициативы”.

бличный характер и ограничено рамками межведомственной переписки и заседаний правительственной Комиссии по законопроектной деятельности.

Обсуждая данную инициативу, представитель Правительства РФ в высших судах Михаил Барцевский заметил, что общественная законопроектная экспертиза такого рода выполняет две функции: представляет собой социальный лифт для молодых, талантливых юристов, а также повышает качество итогового документа путем «вылавливания блох» в ходе конкурентного публичного обсуждения, где каждый участник стремится проявить себя, заметив то, что не заметили другие¹⁶.

Более функциональны оказались две сетевые площадки, созданные непосредственно структурами исполнительной власти в рамках проекта «Открытое Правительство» и общей тенденции к транспарентности и доступности информации. Это Российская общественная инициатива — РОИ и Единый портал для размещения информации о разработке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатов их общественного обсуждения — regulation.gov.ru.

специальной экспертной комиссией при Правительстве РФ¹⁸. Для того чтобы инициатива была рассмотрена на федеральном уровне и в субъектах РФ, она должна собрать не менее 100 тыс. голосов в свою поддержку. На муниципальном уровне достаточно 5 проц. от численности зарегистрированного населения.

При том, что на данный момент на ресурсе зарегистрировано 3199 инициатив, решение принято только по шести¹⁹. При этом не видно никакой связи между количеством поданных голосов и успехом внесенного предложения, что подрывает саму идею «общественной инициативности». Так, одобрены два предложения, касающиеся правил замены автомобильных номеров, за которые высказалось, соответственно, 402 и 498 человек. При этом экспертная комиссия под разными предлогами отклонила предложение о запрете на госзакупку служебных автомобилей дороже 1,5 млн рублей (100 807 голосов) и об отмене закона о досудебной блокировке сайтов (100 057 голосов). Также к достижениям РОИ приписана отмена закона о «нулевом промилле», хотя петиция набрала только 77 551 голос, а соответствующий закон был

принят Государственной думой по инициативе группы депутатов и с одобрения президента. Проект был внесен в Государственную думу до того, как начался сбор подписей на сайте РОИ, и был принят в первом чтении уже 19 апреля 2013 года (начало сбора подписей на сайте – 2 апреля 2013-го).

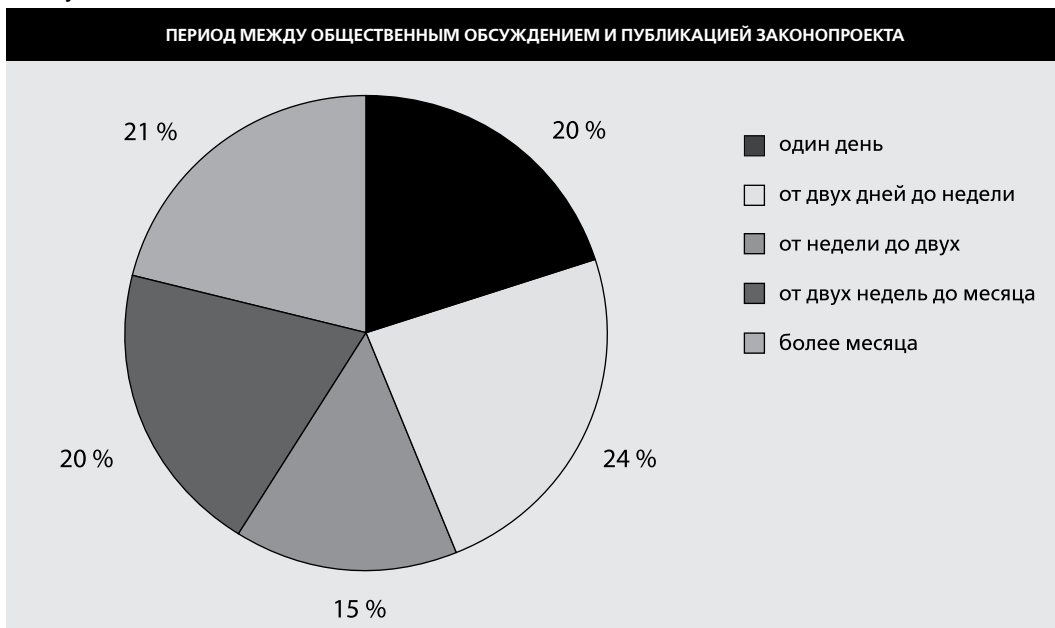
Декорация и имитация

Очевидно, что система РОИ списана с американской *We the People* («Мы, народ» – первые слова американской конституции), заработавшей в сентябре 2012 года²⁰. В отличие от РОИ, для участия в которой нужно иметь номер с портала госуслуг, петицию на сайте Белого дома может оставить любой гражданин старше 13 лет, предоставивший действующий адрес электронной почты. Кроме того, в США на петиции отвечает непосредственно президентская администрация – и по реакции можно видеть, что наи-

более популярные предложения (такие, как легализация употребления марихуаны) действительно постепенно проводятся в жизнь. РОИ же пока представляет собой странную публичную манифестацию традиционного для России института «отписки». Странность этого освященного временем обычая в том, что жалобная книга висит у всех на виду (и производит впечатление демократичности и открытости), а ответ на жалобу – преимущественно бессмысленный – видит только сам жалобщик.

Единый портал для размещения информации regulation.gov.ru создан во исполнение постановления Правительства РФ от 25 августа 2012 года № 851 «О порядке раскрытия федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке нормативных правовых актов и их общественного обсуждения»²¹. Постановление обязывает все федеральные органы исполнительной

Рисунок 1

Источник: Доклад по вопросам совершенствования механизма предварительного рассмотрения проектов общественно значимых нормативных правовых актов с участием институтов гражданского общества (<http://xn--80abeamcuufxbhgound0h9cl.xn--p1ai/upload/iblock/3b6/3b6082fe3684a0730435e146c1b91b8e.pdf>)

власти размещать информацию о подготовке нормативных правовых актов, а также организовывать его общественное обсуждение²².

На данный момент Единый портал, несмотря на сложный в обращении и недружелюбный к пользователю интерфейс, представляет собой наиболее полный и ценный источник сведений о законопроектной работе органов исполнительной власти — для тех, кто сумеет эту информацию отыскать и, найдя, понять ее содержание. Более того, любой посетитель портала может принять участие в обсуждении любого проекта посредством электронного или бумажного письма. Экспертом портала может стать каждый — в этом отношении царит совершеннейшая демократичность. Соответственно разработчики портала выражали уверенность, что «все это позволит экспертам и заинтересованным участникам процесса своевременно знакомиться с проектами нормативных правовых актов, вовремя реагировать на возможные изменения законодательства и быть уверенными в том, что их голос будет услышан». Однако по итогам почти года работы ресурса сами эксперты Открытого Правительства сочли, что «нынешний порядок плохо способствует гражданскому контролю»²³. На основе выборки 100 уведомлений о разработке нормативно-правовых актов с regulation.gov.ru эксперты пришли к выводу, что «практически все они низкоинформативны». В среднем в них около 180 слов (в акте — 3 тыс.), а к моменту поступления предложений «проект, как правило, уже сформирован». На рисунке 1 видно, сколько времени проходит между тем, как посетители закончили «обсуждать» уведомление, и публикацией проекта. Из приведенных данных следует, что итоги «публичных консультаций» практически не влияют на дальнейшую разработку проекта и не отражаются на его содержании. Если первоначальный проект и подвергается изменениям, то в результате межведомственных и внутриаппа-

ратных согласований, а не отклика на «голоса из публики». Наибольшим интересом пользуются документы Ростехнадзора, Минтруда и Росстроя (их проекты с июля по декабрь 2013 года обсуждали 239, 48 и 37 участников соответственно). По проектам 27 проц. ведомств не зафиксировано ни одного участника, а в среднем обсуждение собирает 0,97 участника на один акт. На 47 проц. проектов не поступает ни одного отзыва.

Интересно, что мысли о тщете общественного обсуждения — несмотря на все усилия, потраченные на обеспечение публичности и транспарентности законовороческого процесса, — прозвучали и из уст главы Государственно-правового управления президента: «Я бы хотела отметить, что за последнее время создан очень богатый инструментарий, который позволяет выявить разные группы интересов и пытаться найти соответствующий баланс. Это и общественные слушания, и обсуждение законопроектов, и публикация законопроектов на различных сайтах министерств и ведомств. <...> К сожалению, поскольку наш законодатель, и мне это особенно горько отметить в этих стенах, тороплив, как-то неритмично работает, не всегда эти материалы, достаточно большие, используются в конкретной практической работе»²⁴.

Рискнем предположить, что проблема не в низкой заинтересованности бизнеса и общества, а как раз в упомянутой на сайте ресурса «уверенности в том, что их голос будет услышан». Раз за разом мы видим все то же направление мысли — слабым местом нормотворческого процесса видится именно отсутствие обратной связи между законодателем и обществом. Но все перечисленные проекты, ресурсы и инициативы страдают одним базовым недостатком: они предоставляют гражданину возможность заявить свою позицию, но не обязывают никого эту позицию учитывать.

Понятно, например, что и РОИ, и *We the People* в значительной мере декоративные

институции — не петициями на сайте определяется повестка дня Конгресса США. Но декоративность эта разная: один ресурс является комплементарным механизмом при работающем парламенте, другой — попыткой придать видимость жизни парламенту, явно не работающему.

В случае с вышеперечисленными институциональными новациями, работающими и неработающими, очевидна попытка искусственным образом сконструировать то, что должно реализовываться посредством

институционализированный из перечисленных механизмов, наделена правом проведения экспертной оценки законопроектов, а также инструментарием для донесения своей позиции до высшего законодательного органа и органов исполнительной и законодательной власти регионов и муниципалитетов. Однако у нее нет никаких рычагов, которые могли бы обеспечить учет этой экспертной оценки в финальном тексте принимаемого закона. Прочие описанные институции —

“Итоги «публичных консультаций» практически не влияют на дальнейшую разработку проекта и не отражаются на его содержании”.

базовых демократических инструментов. В здоровой демократической системе процесс обратной связи между обществом и властью осуществляется в ходе регулярных свободных парламентских выборов. Качество проектов законов улучшается в ходе многоступенчатого, открытого, регламентированного обсуждения в конкурентной среде, которая является сущностной характеристикой свободно избранного парламента. Социальным лифтом для талантливых молодых юристов, а также талантливых молодых и немолодых политиков, ораторов, общественных деятелей, публичных фигур служат свободные выборы в федеральный парламент и законодательные органы всех уровней. Имитационный, суррогатный характер описанных инициатив по расширению общественной базы законотворческого процесса — реализованных и запланированных — очевиден, и он будет распространяться. Любые последующие попытки улучшить качество законотворчества путем создания дополнительных структур и инструментов, внешних по отношению к законодательной власти, будут неизбежно иметь такой же характер. Общественная палата, наиболее

в основном сетевые ресурсы — вообще не обязывают никого ни к чему.

Собственно законотворческими полномочиями наделен только один государственный институт — сам орган законодательной власти. Только он в состоянии превратить законотворческую новацию в обязательный для исполнения правовой акт. Но в России его политические полномочия ограничены — как внутренние, касающиеся порядка собственной работы, так и внешние, определяющие его формирование и взаимодействие с другими ветвями власти. И такое ограничение невозможно компенсировать созданием дополнительных конструкций, которые имитируют то, что должен делать сам парламент, но при этом не имеют его властных полномочий.

Сущностное улучшение качества законотворческого процесса и его результатов возможно только путем возвращения законодательной ветви власти ее полномочий, урезанных в ходе политических реформ 2004—2009 годов, — по тем основным правовым направлениям, которые были обозначены выше.

При наличии полноценной, независимой и полномочной законодательной ветви власти, любые комплементарные институции,

подобные перечисленным выше, теряют свой суррогатный характер. Благодаря политической конкуренции внутри парламента их деятельность оказывается востребованной и опосредованным образом предоставляет им доступ к законотворческому процессу, которого они по своей природе лишены. Более того, в этом случае развивающиеся техноло-

гии передачи информации и так называемая «новая социальность» (гражданская активность посредством различных электронных средств обмена данными) способны действительно вовлечь в правотворчество широкие массы заинтересованных граждан, сделав его демократичным в первоначальном смысле этого термина²⁵. ■

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Знаменитая фраза Грызлова была произнесена на заседании Госдумы 29 декабря 2003 года.

² Манхейм К. Идеология и утопия; Диагноз нашего времени. М.:Юрист, 1994.

³ См.: Кирдина С.Г., Рубинштейн А.А., Толмачева И.В. Некоторые количественные оценки институциональных изменений: Опыт исследования российского законодательства // TERRA ECONOMICUS. 2010. Т. 8. № 3. С. 8–22.

⁴ По данным АСОЗД.

⁵ См., например: Депутаты больше не должны вносить налоговые законопроекты и поправки к ним, а в пояснительных записках должны быть четко указаны смысл и цель предлагаемых норм // Право.ру 13 февр. 2014 (<http://pravo.ru/review/view/101721/>).

⁶ Стенограмма лекции «Развитие правовой системы в Российской Федерации», здание Государственной думы. Малый зал. 26 февр. 2014 года. 14 часов 30 минут. С. 6

⁷ ФЗ РФ от 22 авг. 2004 г. № 122-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу некоторых законодательных актов Российской Федерации в связи с принятием федеральных законов “О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон “Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации” и “Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации”» // Российская Газета. Спецвыпуск. 2004. № 3565. 31 авг.

⁸ ФЗ РФ от 04.04.2005 № 32-ФЗ «Об Общественной палате Российской Федерации» //

Собрание законодательства РФ. 11.04.2005. № 15. Ст. 1277.

⁹ ФЗ РФ от 04.04.2005 № 32-ФЗ. Ст. 19.

¹⁰ Официальный сайт Общественной палаты (<http://www.oprf.ru/expert/views/>).

¹¹ [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=626038-5](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=626038-5)

¹² Конституция Российской Федерации. Ст. 104.1. М.: Эксмо, 2007.

¹³ <http://veche.duma.gov.ru/pages/o-proekte>

¹⁴ <http://zakon.fom.ru/>

¹⁵ Программа Dura Lex 06.08.2011, радиостанция Эхо Москвы // <http://echo.msk.ru/programs/lex/799069-echo/> 06.08.2011

¹⁶ Там же.

¹⁷ <http://base.garant.ru/70326884/>

¹⁸ <https://www.roi.ru/page/about/>

¹⁹ Данные на 10.02.2014.

²⁰ <https://petitions.whitehouse.gov/>

²¹ Российская Газета. Федеральный выпуск. 2012. № 5873. 31 авг.

²² <http://regulation.gov.ru/about.html>

²³ Доклад экспертов «Открытого правительства» — директора центра оценки регулирующего воздействия ВШЭ Даниила Цыганкова и главы информационно-консультационного центра «Бизнес-Тезаурус» Олега Шестоперова; заседание Открытого Правительства 28.01.2014.

²⁴ Стенограмма лекции «Развитие правовой системы в Российской Федерации», здание Государственной думы. Малый зал. 26 февр. 2014 года. 14 часов 30 минут. С. 4.

²⁵ См., например: Волков Л., Крашенинников Ф. Облачная демократия. Екатеринбург, 2011. С. 17.

Государство. Общество. Управление: Сборник статей / Под. ред. С. Никольского и М. Ходорковского. М.: АЛЬПИНА ПАБЛИШЕР, 2013. 511 с.

Вышедший недавно в издательстве «Альпина паблишер» сборник под названием «Государство. Общество. Управление» проходит по части «проектного» книгоиздания. То есть, разумеется, практика составления (и издания) сборников научных статей по какой-либо сравнительно узкой проблеме совершенно обычна — однако эта книга под редакцией Михаила Ходорковского и заместителя директора Института философии РАН Сергея Никольского представляет собой, кажется, нечто иное.

«Государство. Общество. Управление» — это пятисотстраничный том, в начале которого помещен специально по этому случаю написанный в жанре манифеста текст Михаила Ходорковского, а в конце — эссе Иммануила Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?», впервые опубликованное в декабрьском номере «Берлинского ежемесячного журнала» за 1784 год. Между Ходорковским и Кантом располагаются три раздела, в общей сложности двадцать статей — не считая трех вступительных текстов составителя, по одному на раздел. Собственно, открывающий и закрывающий книгу тексты дают представление о тематическом диапазоне сборника и — об амбициях Сергея Никольского, который, насколько можно понять, поставил себе целью собрать под одной обложкой тексты, не просто анализирующие нынешнее бедственное положение многострадального отечества, но и создающие своей совокупностью аксиологическое как минимум основание для выработки *новой либеральной программы*. Помимо текста Ходорковского, в начало книги вынесена «Большая история Вацлава Гавела», русский

перевод введения, написанного ветераном «Солидарности» Адамом Михником для книги «Сила бессильных». Читать Михника всегда интересно, но этот текст оказывается к тому же неожиданно актуальным во вполне газетном смысле: Гавел остается для русских интеллектуалов модельной (пусть и значительно мифологизированной) фигурой сопротивления, о чем, в частности, свидетельствует неожиданно частое обращение к его истории в ходе политических дискуссий последнего времени.

Во вступлении к первому, состоящему из шести статей, разделу книги под названием «Философия об общих проблемах государства и общества» Никольский констатирует разрыв между российской, условно говоря, современной политологией и философией: «когда ученые, разрабатывающие вопросы государственного управления, обращаются к философии, они нередко, как и прежде, ограничиваются “выдергиванием цитат”, подходящих тезисов. Но даже если они все же пытаются выйти на философский уровень обсуждения, то делают это таким образом, будто философами не была проделана многогранная исследовательская работа и им приходится начинать “с чистого листа”» (с. 47–48). Эрих Соловьев (ИФ РАН) разбирает здесь трактат Канта «О вечном мире», попутно анализируя представления философа о праве, функциях государства и совершая экскурс в область истории понятий, а точнее понятия *«res publica»*. Светлана Неретина (ИФ РАН, РГГУ) в еще одной любопытной статье того же раздела дает обзор (к сожалению, более поверхностный и краткий, нежели

тема того заслуживает) проблемного поля, связанного с языком, который мы используем для разговора об «обществе, государстве и управлении». Так, в частности, Неретина обращает внимание на то, что наш современный российский термин «государство» означает даже не *«kingdom»*. «Русское “государство” <...> на деле сохранило не только монархический смысл единства, но и смысл цезаризма, то есть диктатуры» (с. 131). Лапидарность Неретиной отчасти восполнена в этом же разделе статьей Александра Огурцова (ИФ РАН, «Вопросы философии») «Власть: от метафор к нейтральному языку описания», в которой автор задается вопросом о том, «может ли политическая мысль вообще избавиться от метафор и тропов при формировании исходных понятий, которые кладутся в основание политических концепций, притязующих на звание политических теорий?». Огурцов кратко описывает историю метафор власти/общества с библейских («пастырь/стадо») времен до Гегеля и Маркса, завершая свое рассуждение выводом о том, что «политическая мысль двигалась и продолжает двигаться в пространстве, образованном метафорами и понятиями, которые принадлежат к разным эпохам или формам деятельности, в том числе применяя экономические понятия к политическим реалиям, а юридические – к управленческим» (с. 103, 122).

Следующий раздел сборника – «Государство как институт и инструмент» – посвящен анализу проблем государственного управления в российском государстве и обществе. Здесь сборник переходит к формально более актуальной проблематике: это видно, в том числе и из списка авторов раздела, в число которых входят, в частности, Евгений Гонтмахер и Владимир Рыжков. Сергей Никольский, написавший для раздела статью «Современная Россия: этап национального государства», рассматривает современную Россию как постимперское образование, в

котором власти «все больше ориентируют развитие государственности в понятном направлении – восстановления квазимонархии или даже империи». Альтернативой – причем неизбежной – является, согласно Никольскому, «национал-демократическое» (гражданское) государство, как решающее задачи «утверждения свободного предпринимателя-гражданина в качестве его основного субъекта, укрепление права как основы жизнедеятельности граждан и повышение уровня культуры». Иными словами, в своем тексте, являющемся для книги одним из ключевых, Никольский артикулирует идеи, которая так или иначе возникают и у других авторов сборника: гражданской нации в России еще только предстоит возникнуть; исторический этап национального государства неизбежен; выбранный нынешним режимом путь ведет в тупик, поскольку «существующую в России неоднородность экономического состояния регионов, разные ступени социального, политического и культурного развития их населения, помноженные на прямо противоположные тренды их сегодняшних цивилизационных ориентаций (от патерналистски-феодалных до самодеятельно-демократических) нельзя “стабилизировать” и “равнять” путем возврата ушедших вперед к отставшим. Можно только создавать условия для “подъема” вторых к первым» (с. 208). Примерно о том же не так давно говорил Эмиль Паин: «Россия беременна нацией, подспудно ее большинство хочет стать нацией, но только не знает какой – этнической или гражданской»¹. Никольский однозначно дает понять, что говорит о гражданской нации, игнорируя вместе с тем обозначенную Паиным проблему.

В остальных статьях раздела где более, где менее подробно обсуждаются различные манифестации природы нынешнего российского государства. Так, Владимир Порус (НИУ ВШЭ) пишет о современной

российской бюрократии, пытаясь вернуть историческое и социологическое измерения в постоянное (и не слишком продуктивное) обсуждение причин ее неэффективности. Порус довольно пессимистичен — не могу подобрать другого слова, хотя автор специально просит не употреблять его. Причины «уродства нынешней бюрократии» он видит в культурном кризисе, уже переросшем в культурную катастрофу. Последняя, по мнению автора, «всеохватна и никакие сферы жизни не остались незатронутыми». В особенности — «сфера властных отношений». Порус видит основную проблему не в разрушении системы культурных универсалий (каркасов) как таковой. По его мнению, «расчистив руины, все-таки можно было бы поставить новые культурные каркасы, была бы только воля и хватило бы сил». Настоящую беду автор видит в том, что «гаснет идея культуры, утрачивается вера в то, что человек обретает самого себя только в культуре» (с. 243–244). Наталья Зубаревич (НИУ ВШЭ) в статье «Управление развитием пространства Российской Федерации: коридор возможностей» рассматривает проблемы российского государства в пространственном ракурсе. Она видит три основных задачи регионального развития: снижение барьеров для распространения по территории страны любых инноваций; рост мобильности (то есть снова снижение барьеров — финансовых и институциональных — в виде регистрации, неразвитой ипотеки, и т. д.) и, наконец, стимулирование конкуренции городов и территорий при одновременном развитии горизонтального взаимодействия. Решение этих задач, по мнению Зубаревич, возможно только на пути децентрализации и дерегулирования (имеется в виду расширение полномочий властей на местах). Помимо этого, в статье кратко очерчены контуры бюджетной реформы. В частности, Зубаревич утверждает, что существующее распределение федеральных,

региональных и местных налогов является препятствием к увеличению доходной базы. На опасения относительно того, что отказ от унитарной модели приведет к распаду страны, автор отвечает, что напротив, «все более усиливающаяся угроза распада создает неэффективная и тупиковая по своим целям политика “сверхцентрализации”» (с. 357).

Наконец, третий раздел книги сфокусирован на человеке и обществе. Алексей Левинсон (Левада-Центр) в статье «Российское общество: на пути к “среднему классу”?», во-первых, проблематизирует само понятие, утверждая, что в России существует «множество людей, исходящих из того, что средний класс в России есть». «Это множество, — пишет далее Левинсон, — представляет собой если не собственно средний класс, то особую социальную группу, *интерес которой состоит в укоренении представления о наличии среднего класса*» (с. 402) (курсив мой — С. Л.). Автор анализирует динамику того, что принято называть в России средним классом, и находит, что если мы определяем его так, как это происходит на условном Западе — то есть через модус и критерии потребления, то окажется, что в России он в очень значительной степени состоит из государственных служащих. Левинсон дает довольно подробный исторический анализ динамики, которая привела к такому положению дел и утверждает, что в связи со спецификой устройства российской экономики (небольшой высокодоходный сырьевой сектор плюс большой низкооборотный сектор сервиса и государственной службы), российское общество имеет часть признаков постиндустриального, но, по сути, сохраняет внутри себя структуры и ценности предыдущего, индустриального этапа. Ценности российского «среднего класса» совпадают с ценностями большинства. Таким образом, создать массовую партию, которая боролась бы за его политическое представительство, он не то, чтобы не

может, — скорее не хочет, поскольку в общем не имеет специфических политических взглядов или требований. Более того, механизм количественного увеличения этого слоя заключается в том, что государство, по сути, выделяет этот российский средний класс из самого себя, тем самым еще более укрепляясь, поскольку государственные служащие оказываются в этом случае реакционной, если угодно, социальной группой. Субъектом же протестов 2011–2012 годов Левинсон видит, насколько можно понять, интеллигенцию — пусть и трансформировавшуюся, но в ценностном смысле также сохранившуюся и даже обеспечившую себе известный уровень воспроизводства. Интеллигенция, по мысли автора, составила основу «активной части», выдлившейся из российского среднего класса после сентября 2011-го. Модель эта выглядит весьма убедительной, в том числе и потому, что позволяет объяснить многие события последних полутора лет.

Вадим Межуев (ИФ РАН) в тексте «О возможности демократической оппозиции в современной России» в известном смысле оппонирует Левинсону, говоря о том, что недовольство в современной России носит массовый характер. Межуев при этом не вводит явного различия между недовольными и теми, кто хочет «перемен в политической системе»; более того, он имплицитно, кажется, отождествляет эти множества — ход вовсе не очевидный. Однако далее Межуев переходит к анализу природы нынешнего кризиса и характеризует его не как политический, а как конституционный. По мнению автора, он может быть преодолен «лишь путем внесения определенных поправок, уточнений и дополнений в Конституцию», которые должны «исключить любую попытку узурпации власти со стороны частных лиц или отдельных партий» (с. 431–432, 437). Собственно, демократической Межуев называет не всякую оппозицию нынешней власти,

а ту, которая видит ядром политической программы переход от режима личной власти к парламентской демократии. Любопытное наблюдение Межуева состоит в том, что формирование демократического (а на самом деле, скорее республиканского) консенсуса затрудняет двойственная природа вызовов, с которыми сталкиваются российские демократы. С одной стороны, это вызов со стороны «реликтов традиционного общества с его абсолютизацией самодержавной власти», а второй — «со стороны общества, признающего в качестве своей высшей ценности рыночную систему отношений». Далее Межуев поясняет, что во втором пункте имеет в виду «неолиберализм». Если наиболее эффективной стратегией противостояния вызовам первого рода является классический либерализм, то против «антидемократических вызовов рынка» он, согласно Межуеву, бессилен, а потребны здесь, напротив, левые. Необходимость реагировать на то и другое синхронно требует, согласно автору, компромисса между либералами и социал-демократами, о котором, правда, как Межуев не без горечи замечает, мечтали еще Плеханов с Мартовым — результат известен.

Политолог Дмитрий Дробницкий в статье «Кто такие “рассерженные горожане”»: размышления о выступлениях зимы 2011–2012 годов» предлагает скорее не анализ, а метафору, называя недавние протесты «меритократическим феодальным бунтом», в котором объединились «образованные и добившиеся определенных успехов бизнесмены и специалисты, студенты, в своих планах видящие себя средним классом, врачи и преподаватели, знающие, как живут их коллеги в развитых странах, люди интеллектуального труда, не считающие себя низшим сословием». Меритократическим, по Дробницкому, бунт этот является потому, что все вышеперечисленные «хотят, чтобы их ценили за знания, умения и достижения, а не за бли-

зость к ресурсу и личную преданность его распорядителю» (с. 463). Следом за такими выступлениями, по мнению автора, должна наступить «некая разновидность буржуазной демократии», но до этого, с одной стороны, «очень далеко», а с другой — людей этих «можно либо выдавить из страны, либо попытаться обмануть, либо подавить и дожидаться, пока их заменит поколение “Пепси”».

Написать сколько-нибудь подробно удалось, разумеется, далеко не обо всех статьях сборника, среди которых попадаются более и менее интересные, более и менее тривиальные. Встречаются, конечно, и целые статьи, о которых не знаешь, что и думать. Например, Владимир Рыжков предлагает программу реформы российского парламентаризма, целиком состоящую из благих намерений, не подкрепленных сколько-нибудь продуманными представлениями о механизмах, которые обеспечат описываемое благообразие воздуха.

Все это — частности, однако у сборника есть одна проблема, постоянно напоминающая о себе по ходу чтения и еще одна (как я подозреваю, связанная с первой), о которой задумываешься, перевернув последнюю страницу. Первая — в неопределенности, если можно так сказать, жанра. Для научного сборника «Государство. Общество. Управление» включает в себя слишком много статей, основным содержанием которых является в целом политологический или исторический ликбез, да и вообще многие статьи близки скорее к эссе, чем к научной работе. Для книги, адресованной широкому читателю, сборник, напротив, включает слишком много текстов, требующих какой-никакой подготовки, то есть как минимум знания контекста или хотя бы навыка чтения современных гуманитарных исследований. Вторая проблема — состав авторов: дело в том, что в сборни-

ке не представлены ни иностранные ученые, ни русские ученые, постоянно живущие на Западе и работающие в европейских/американских университетах. Это обстоятельство, по меньшей мере значительно обедняющее сборник, можно объяснить разве что желанием составителей продемонстрировать своего рода лояльность, причем лояльность, как ее можно понимать исключительно в рамках нынешней государственной идеологии, находящейся в процессе перехода от «суверенной демократии» к изоляционизму.

Однако принятие соответствующих правил игры имеет смысл в одном-единственном случае: если адресатом сборника являются нынешние политические элиты или, по крайней мере, какая-то их часть. Да, действительно, возникает ощущение, что «Государство. Общество. Управление» исполнено в жанре «наставления властителю» — ощутимо эволюционировавшем, но сохранившем целеполагание. Огурцов на страницах сборника пишет — безоценочно, в рамках исторического экскурса, — что «именно так выглядело всякое рассуждение об управлении до возникновения юридического способа мышления». Я не слишком хорошо представляю себе состояние нынешнего российского «политического истеблишмента» и, возможно, переоцениваю влияние отрицательного отбора на их формирование, однако и авторы/составители, кажется, не слишком хорошо понимают, для кого пишут.

Вполне возможно, что условным адресатом текстов сборника вообще не являются представители нынешних элит. Но уверенно можно говорить о том, что предполагаемым читателем данного сборника является некто, способный более или менее одновременно думать об актуальном контексте в свете идей Канта, с интересом читать Михника и сочувствовать национал-демократическим идеям Никольского. Причем этот некто не просто способен обо всем этом

думать, но к тому же еще и занимается или собирается заниматься политикой. Многие из нас знают по три-четыре человека со столь широким спектром интеллектуальных интересов — однако среди них скорее всего нет действующих политиков и почти нет гражданских активистов.

Из текстов раздела книги, посвященного «гражданскому обществу и человеку», между тем отчетливо видно, что определение политического субъекта — сегодняшнего и, тем более, завтрашнего — наиболее трудная из тех задач, что ставят перед собой авторы книги (и не только они). «Государство. Общество. Управление» как раз и обращено к этому ускользающему, неопределимому субъекту. Кто он? Представитель воображаемого «ответственного криптосообщества» внутри российской власти? Просто непрозрачная фигура умолчания? Большинство вошедших в книгу текстов слишком явно предполагают заинтересованного в советах умных людей слушателя на том конце про-

вода, отчего их трудно причислить к сфере науки. Одновременно они предполагают у читателя (или все того же слушателя) навыки рефлексии, редкие для обычной клиентуры практических руководств.

Дискурсивная неопределенность этой книги свидетельствует, по-видимому, о неопределенности (почти в гейзенберговском смысле) субъекта политического в нынешней России. И о том, что в состоянии растерянности пребывает не только «широкая общественность» и политический истеблишмент, но и большая часть академического сообщества.

Сборник «Государство. Общество. Управление» собрал под своей обложкой достаточно текстов, которые в любом случае можно рекомендовать к прочтению. Однако именно проступающее с его страниц ощущение тревоги перед неразличимыми сегодня контурами будущего делает его действительно важным документом, фиксирующим наше нынешнее состояние. ■

СТАНИСЛАВ ЛЬВОВСКИЙ

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ См.: Политическая ситуация и общественные настроения в России // Сайт Фонда «Либеральная миссия». 19.06. 2013 (<http://www.liberal.ru/articles/6169>).

Шейнис В. Власть и закон: Политика и конституции в России в XX—XXI веках.
М.: Мысль, 2014. 1088 с.

Одну из самых острых проблем, вокруг которых в России ведутся горячие споры, можно сформулировать так: почему все попытки ввести в стране полноценную конституционную демократию неизменно кончаются провалом и возвращением к авторитарной конструкции власти? Для нынешней России эта проблема отнюдь не академическая, поскольку усиливающиеся консервативно-реставрационные настроения в обществе и политическом классе ставят под вопрос сохранение действующей конституции, принятой в 1993-м. В год 20-летнего юбилея этого документа можно констатировать, что в обществе отсутствует согласие относительно заложенных в основной закон либеральных принципов: одни с тревогой, другие с удовлетворением говорят о растущем отрыве права от реальности, об эрозии конституционных норм и о перспективах их изменения.

Вызов консервативной политической романтики особенно заметен в области права. Обществу представлена целая библиотека конституционных проектов и предложений о поправках, авторы которых настаивают на отказе от «навязанной ельцинской конституции», будто бы отторгаемой населением, или на ее радикальном пересмотре в сторону «национальной идеи», «защиты традиционных ценностей» и возврата к неким «исконным принципам» российской государственности¹. Ответом со стороны власти на этот социальный «запрос» стали принятые и проектируемые поправки в конституцию и законодательство, которые могут существенно ограничить юридическую трактовку конституционных принципов плюрализма, демократии, светского государства, федера-

лизма, разделения властей, местного самоуправления, независимости судебной власти и особенно гарантий политических прав и свобод личности².

Означает ли все это завершение очередного конституционного цикла и предстоящий возврат России к традиционной патерналистски-авторитарной модели власти? Или существует возможность как-то скорректировать или сдержать реставрационные тенденции и сохранить общий либеральный вектор правового развития? Рассмотрению этих вопросов посвящена рецензируемая книга Виктора Шейниса. Это — фундаментальный труд, итог большой работы и длительных размышлений автора. Необычен формат книги: в ней соединены научный анализ, воспоминания и публицистика. В основу концепции книги положен не сухой формально-юридический анализ, а рассмотрение правовых отношений с позиций социологии права и политической науки. Это, как справедливо полагает автор, особенно важно для России, где властные отношения зачастую значат больше, чем их правовые ограничители.

Явление российского конституционализма рассматривается в длительной исторической перспективе — начиная с конституционных проектов Сперанского и идей начала XIX века, охватывает период Великих реформ 1860-х годов, а также конституционные идеи и проекты периода первой русской революции. Изучение российского «исторического конституционализма» — необходимая предпосылка понимания его развития и современного положения³. Четко сформулирована и основная исследовательская проблема, о которой уже было сказано: почему либеральная трактовка прав человека, правового госу-

дарства, разделения властей, либеральной конструкции политического режима, столь последовательно представленная еще в начале XX столетия, полноценно не реализовалась до настоящего времени?

Вполне убедительна принятая в книге периодизация изучаемого явления — подразделение истории российского конституционализма на три больших периода: 1) переход от абсолютизма к неустойчивой модели дуалистической монархии в начале XX века и от нее к демократической республике в феврале 1917-го; 2) господство номинального советского конституционализма в большей части XX столетия; 3) поиск выхода из этой ситуации в конце XX века, продолжающийся вплоть до наших дней. Я разделяю общий вывод исследования — о незавершенности российского конституционализма, о продолжении борьбы в нем демократических тенденций с авторитарными, которые сейчас вновь стали преобладающими.

Изменения политической системы: власть или закон определяет политику?

Применительно к России есть все основания считать, что именно власть, а не закон определяет политику. Можно даже сказать, что это «инвариант российского конституционализма на протяжении всей его истории» (с. 15). Но представляется, что сам выбор между властью и законом — в известной мере ложная дилемма. С позиций когнитивной теории права можно говорить о юридическом конструировании реальности, предполагающем разработку некоторых правил игры, фреймов восприятия, которые провозглашаются (и закрепляются в праве) властью и которым власть должна следовать в целях поддержания собственной легитимности. В основе любого стабильного правового порядка (не обязательно демократического) лежит политический консенсус, который определяет для власти модус ее отношений с обществом.

Сама власть, отражая социальный запрос, вырабатывает конституции и сама же определяет порядок следования этим конституциям, а следовательно, и степень возможных и социально допустимых отклонений от конституционного порядка. И если она хочет действовать независимо от правовых норм, то должна научиться обходить эти правовые нормы и как минимум объяснить обществу причины этих отступлений. Поэтому, я думаю, нужно говорить о сложном взаимоотношении между правом и властью даже в тех случаях, когда право не работает.

Исходя из сказанного, период номинального советского конституционализма заслуживает, как мне кажется, более пристального внимания. Номинальность советского конституционализма есть для меня (как и для автора книги) — бесспорный факт, поскольку ни одна советская конституция не вводила реальных гарантий прав личности, ограниченной власти и тем более механизмов их практического осуществления. Но следует ли из этого вывод автора о неизменности соотношения правовых норм и политических институтов на всем протяжении существования советского режима? Хотел бы отметить, что сам факт существования номинального конституционализма не исключает разных стратегий развития. В советской ситуации мы имеем такую трактовку номинального конституционализма, при которой политическая власть, по существу, вообще игнорировала существование конституций (рассматривая их как сугубо идеологический инструмент), а принимаемые решения и их исполнение, как правило, шли вразрез с действующим законодательством. Конституционный миф и политическая реальность достигают здесь наивысшей степени противостояния.

Другой важный момент состоит в том, что советский номинальный конституционализм имел определенные социальные функции, которые менялись с течением времени. Одна

из этих функций состояла в легитимации режима внутри страны и особенно за ее пределами (значение этой функции возрастало по мере эрозии революционного мифа). Другая функция была мобилизационной: появление всех советских конституций было связано так или иначе с изменениями в идеологии, причем сопровождалось массовыми идеологическими кампаниями (так называемое «всенародное обсуждение Конституции»). Третья функция — камуфлирование реальных политических процессов — проявлялась в том, что принятие всех советских конституций (1918, 1924, 1936 и 1977 годов) фактически совпадало с усилением политических репрессий и новой консолидацией элиты после них.

В свете этого ясно, что номинальный советский конституционализм не был монолитом, лишенным развития. Внутри номинального конституционализма происходила определенная трансформация, связанная с изменением формулы политической власти и функционирования избирательной системы. С этой точки зрения, я позволю себе поспорить с автором насчет того, что брежневская конституция 1977 года не внесла «никаких существенных изменений в существующий порядок» (с. 333), если ее сравнить, например, со сталинской конституцией 1936-го. Зачем вообще нужно было принимать эту конституцию? — спрашивает автор, но оставляет этот вопрос без ответа. Однако конституция, как известно, включила статью 6 о руководящей и направляющей роли партии (по сути — номенклатуры). И это была единственная статья во всех советских номинальных конституциях, которая полностью соответствовала реальности, а ее действие никогда не ставилось под сомнение.

Таким образом, получается, что политическая власть не соблюдала конституции, но притом формула этой власти представлена в ней достаточно логично. Прослеживается

и эволюция этой формулы: если в первых советских конституциях партия вообще не упоминается, то в последней она конституционно зафиксирована, причем поставлена над правом. Преемственность в правовом определении реальной политической власти заключается как раз в том, что эта власть стоит над правом и формирует его, оставаясь вне конституционного контроля.

События 1917 года и Перестройка

Еще один важный вопрос, поставленный для обсуждения, — это причины неудачи двух исторических попыток прорыва к демократии: в 1917 году и в период Перестройки. Думаю, что объяснение данных срывов следует искать в цикличности конституционного развития. Исхожу я из того, что цикличность вообще присуща развитию конституционализма в мире, определяясь соотношением позитивного права и меняющихся социальных ожиданий⁴. Конституционный цикл состоит из трех основных фаз: отказ от старой конституции, принятие новой и последующее согласование конституции и созданных ею институтов с социальной и политической реальностью. При этом цикличность может иметь не очень выраженную, размытую смену фаз или, наоборот, проявляться в жестком чередовании фаз конституционного развития. В последнем случае конституционный цикл способен развернуть ситуацию вспять — вплоть до возврата к исходному отправному пункту — доконституционному положению. Данная логика представлена в странах, традиционно не восприимчивых к правовому регулированию общественного развития. Именно такая ситуация характерна для России 1917 года, и она же воспроизводится в период от начала Перестройки до настоящего времени (который тем самым предстает как самостоятельный большой цикл российского конституционализма). Почему в 1917-м не удалось реализовать демократическую

конституцию? Я полагаю, что были, конечно, объективные причины в виде, прежде всего, мировой войны и экономической рецессии, а также кризиса классического европейского парламентаризма в межвоенный период. Данный срыв либеральной демократии и конституционализма — не исключительно российский феномен, а проявление общего кризиса либеральной демократии в Европе того времени. Но были, разумеется, и субъективные причины. К ним относятся неразработанность полноценной стратегии переходного периода (связанная с отсутствием у либералов того времени исторического опыта), довольно спорная концепция Учредительного собрания и тактические ошибки Временного правительства⁵.

Если обратиться к горбачёвской Перестройке, то здесь также имеются объективные и субъективные факторы срыва демократических реформ. Кризис, приведший к Перестройке, имел, по моему, не столько экономический или политический, сколько социально-психологический характер. Общий кризис коммунизма как идеологии в мировом масштабе стал отправной точкой политической, а вслед за ней и социальной трансформации. Это позволяет говорить о Перестройке не столько как о революции — а в книге Шейниса она интерпретируется именно так, — сколько как о реформации⁶. В основе данного процесса лежит когнитивный диссонанс — конфликт общественного сознания: поколение людей периода Перестройки, столкнувшись с переходом от параноидальной культуры сталинского времени к гедонистической культуре массового общества, оказалось не готово жертвовать своим благосостоянием во имя счастья будущих поколений. Этот психологический диссонанс между идеологическими стереотипами и социальными ожиданиями эпохи глобализации резко изменил социальные установки и мотива-

цию поведения, приведя в конечном счете к отказу от советской идеологии, номинального конституционализма и однопартийного режима. Распад этих опорных конструкций советского режима вызвал, по всей видимости, крушение СССР (на пике его военного могущества).

Перестройка, как убедительно показано в книге, была грандиозным и чрезвычайно позитивным событием, означавшим выход из тупика советской диктатуры. Но она не дала продуманной целостной концепции изменений. Это важно отметить для современных дискуссий, в том числе о «Перестройке-2». Идеологи Перестройки апеллировали к «долгим» коммунистическим ценностям, говорили о необходимости восстановления мифических «ленинских принципов», утраченных будто бы в ходе последующего советского строительства. Отсюда противоречивость программы Перестройки.

Возрождение псевдокоммунистической риторики и ленинской фразеологии камуфлировало отсутствие позитивной программы конституционной модернизации. Отсюда — неуверенная и робкая попытка соединить «преимущества» социализма с гарантиями собственности и рыночными стимулами к труду. Отсюда — ошибочная концепция федерализма, связывавшая его осуществление с решением так называемого «национального вопроса», включая деструктивный (по существу конфедералистский) принцип национального самоопределения вплоть до отделения. Отсюда — совершенно наивное решение вопроса о власти, сведенного к тому, как «передать» эту власть от партии к Советам, представлявшим собой в реальности то же самое, что и партия. В общем — потеря времени и упущенная стратегическая инициатива. Деятели Перестройки, отмечает Шейнис, «не осознавали последствий своих действий для фундаментальных основ существующего порядка» (с. 341), не имели «последователь-

ной программы перемен», «не обладали способностью программного мышления» (с. 346), а решение проблемы усматривали в «ограничении политической монополии правящей номенклатуры» и отмене статьи 6 (с. 343–345). Сегодня мы должны видеть не только позитивное значение Перестройки, но и те ошибки, которые были допущены реформаторами в ходе ее осуществления.

Итак, и в 1917-м, и в 1985 году в срыве демократического процесса существенную роль сыграли определенные объективные факторы. Они были показаны еще русской дореволюционной юридической школой: географический фактор — огромные пространства страны и разнообразие регионов, особый механизм отношений общества с государством, доминирующая роль государства и бюрократии в проведении модернизации, логика смены реформ и контрреформ и т. д. Но я согласен с Шейнисом в том, что при объяснении социальных и политических процессов новейшей истории действие этих факторов не имело абсолютного характера. Мы не можем поэтому принять различные детерминистские неославянофильские теории типа концепции вечной «русской системы», неких неизменных «констант» русской истории, «неодолимости колеи» (с. 16). Как и в случае 1917-го, нужно отметить и роль субъективных причин, особенно качества лидеров и разработанности научной концепции реформ. По всей видимости, научной концепции переходного периода не было ни в 1917-м, ни в 1985 году. И это следует признать основной причиной срыва демократии. Если мы хотим избежать подобных срывов в будущем, то, безусловно, нужна очень четко продуманная концепция реформ — их масштаба, последовательности, сроков и т. д. То есть необходима разработка подобных реформ на уровне политтехнологии, а не только на уровне неких общих идеологем.

Конституционная революция 1993 года

Не менее важный вопрос — оценка конституционной революции 1993 года. Но именно при рассмотрении этой проблемы, как мне кажется, мемуарист берет в авторе верх над ученым. Эмоциональное отношение к событиям новейшей истории страны, в которых Шейнис принимал деятельное участие, порой мешает их беспристрастной оценке. Я имею в виду то, что некоторые реальные противоречия, которые были актуальны в разгар Перестройки и в 1990-е годы, не кажутся столь уж важными сегодня. В частности, жесткое противопоставление двух исторических эпох, олицетворяемых, соответственно, Горбачёвым и Ельциным, не выглядит убедительным в наше время. Эти эпохи выступают не столько как антитеза, сколько как логическое продолжение одного периода другим, как последовательная смена фаз одного процесса. Противоречия экономических программ Григория Явлинского и Егора Гайдара, о которых подробно говорится в книге (с. 548–558), предстают скорее как спор о тактике, а не о стратегии, поскольку оба политика стремились к рыночным реформам в России, но видели их по-разному. И, наконец, противоречие между конституционной программой Горбачёва и конституцией Ельцина мне представляется также не столь радикальным, поскольку в обоих случаях была сконструирована формально смешанная, но в действительности президентская система, президент получал почти монархические полномочия, в частности, право определять направления внутренней и внешней политики страны. И в этом смысле наблюдается полная преемственность двух периодов.

Шейнис, на мой взгляд, несколько идеализирует деятельность Съезда народных депутатов и Верховного Совета. Он очень тщательно и критично анализирует их деятельность по созданию конституции, интерпретируя ее

как «конституционную» работу. Автор называет Верховный Совет парламентом, а депутатов — парламентариями. Насильственный роспуск Верховного Совета в этой логике есть «падение парламента»⁷. Я сильно сомневаюсь, что Верховный Совет можно определить как парламент — и с теоретической, и с практической точки зрения. Тем более что в книге хорошо показано обратное. Съезд и Верховный Совет не были демократически избранными собраниями, не предполагали полноценного разделения властей и соответствующей политической ответственности, имея вследствие этого ограниченный объем легитимности. Верховный Совет был открыто манипулируемым институтом.

Поэтому я думаю, что если бы даже Конституционная комиссия ВС СССР разработала очень хороший проект конституции, то он просто не имел шансов быть принятым этим Верховным Советом. При отсутствии полноценной юридической процедуры роспуска Верховного Совета Ельцину не оставалось ничего другого, как разогнать его, то есть совершить конституционный переворот. Очевидно, что это было юридически неправильно, но политически — верно. Стоит ли в таком случае сожалеть о неконституционном роспуске Верховного Совета, особенно с учетом нынешних лицемерных разговоров консерваторов о «трагических событиях» и «расстреле Парламента» в 1993-м и т. п. Мне кажется, что действия Ельцина в период кризиса 1993 года были единственно правильными. Ельцин, по существу, стоял перед тем же выбором, что и Керенский, но, к счастью, не повторил его ошибки.

В отношении Конституции 1993-го я также предложил бы несколько иную перспективу дискуссии, в частности, при объяснении современных реставрационных тенденций. Логика автора, когда он говорит о Конституции 1993 года, покоится на трех основных аргументах. Первый: Конституция

была принята незаконно — с разрывом правовой преемственности, с юридическими нарушениями и возможной фальсификацией результатов всенародного голосования. Все это, безусловно, так. Второй аргумент состоит в том, что тот способ разрешения кризиса власти, к которому прибег Ельцин, привел к перекосу в разделении властей в пользу президентской ветви. Это, наверное, также верно. Суть третьего аргумента в том, что этот конституционный перекосяк стал основой последующих реставрационных тенденций, заложив предпосылки «для регенерации авторитаризма в иных формах» (с. 846).

В результате «под покровом Конституции 1993 года происходила реставрация авторитаризма» (с. 22). Вот с этим я бы поспорил. Хотел бы обратить внимание на то обстоятельство, что многие демократические конституции были приняты в результате как фактических, так и юридических переворотов. Примером могут служить конституции США, Франции или Португалии. Я уже не говорю о конституциях ФРГ или Японии, которые и вовсе были приняты в условиях иностранной оккупации. Многие демократические конституции разрабатывались в закрытом режиме, без выраженного социального контроля, и потом в готовом виде выносились на референдум. Например, конституция Пятой республики Шарля де Голля, которого современники не без оснований обвиняли в узурпации власти путем плебисцита. Наконец, ряд конституций допускал перекосяк в сторону либо исполнительной, либо президентской власти. Та же конституция США наделяет президента почти монархическими полномочиями. Более того, американский президент избирается не путем прямых выборов. Таким образом, все аргументы, высказанные автором, легко меняют знак с отрицательного на положительный. Ведь эти конституции не привели к реставрации авторитаризма. Демократия сохранилась. Получается,

что данные аргументы не объясняют нам реставрационных тенденций в современной России. Но в таком случае можно ли, согласившись с автором, обвинять конституционную модель 1993 года в программировании последующих реставрационных тенденций?

Я думаю, что основная проблема заключается не столько в редактировании статьи о разделении властей и отступлении от первоначального «демократического» варианта (спорного и противоречивого, а, по мнению иностранных экспертов, и нефункционального)⁸, сколько в проблеме исторической неподготовленности общества к принятию модели реальных конституционных ограничений власти. Это — центральный вопрос, и уже от его решения зависит свобода действий власти по отношению к конституции: воспринимает власть конституцию как номинальную или как реальную и каким образом пытается ее обойти. Поэтому, полагаю, в реальной исторической обстановке 1990-х годов оптимальный выход из кризиса состоял в нахождении некоторой версии просвещенного авторитаризма в стиле, например, республиканской монархии Шарля де Голля. И, думаю, в этом не было ничего необычного. Подобный вариант трансформации авторитарных режимов демонстрируется многими современными примерами. И это отнюдь не является источником современных реставрационных тенденций.

Контрреформы нулевых годов: власть и общество перед испытанием кризиса

Перехожу к контрреформам «нулевых» годов. Чем объясняются реставрационные тенденции? Конечно, ключевое понятие этого периода — реставрация. Я пытался найти его четкое определение в книге, но не нашел. По-видимому, реставрацию автор понимает как простое возвращение к старому. Но ключевой вопрос реставрации — возвращение к чему? Реставрация не обязательно сугубо

негативное явление. Особенность российского политического развития состоит как раз в том, что в истории русской революции, в отличие от французской и английской революций, не было полноценной реставрации. Я имею в виду реставрацию монархии. Милюков в свое время считал восстановление конституционной монархии оптимальным способом выхода из революционного кризиса. Если говорить о Европе, то такие мыслители, как Де Местр, Шатобриан, Токвиль, указывали на то, что реставрация — это правовое государство, завершение революции, возврат к стабильности, а значит, основа последовательного правового развития в либеральном направлении⁸. И, между прочим, это также альтернатива коммунизму. Некоторые современные авторы, указывая на опыт Испании, видят в конституционной монархии возможный инструмент переходного периода и путь к правовому государству. Если понимать реставрацию таким образом, то, я считаю, либералы должны поддержать данную интерпретацию реставрации — как восстановления тех ценностей, которые существовали в классическом российском конституционализме дореволюционного периода¹⁰. Но есть и другая версия реставрации — в советском ее понимании. Она означает отказ от доктрины прав человека, восстановление авторитарного режима и суррогатных форм народного представительства (в виде земских соборов или советских съездов). Поскольку в России реставрационные процессы сильно смещены во времени (по сравнению с европейскими странами), возникает вопрос о том, как эти две трактовки реставрации сочетаются у нас сегодня. И, нужно сказать, ответ не так прост, как кажется.

Мне представляется, что имеют место обе реставрации: и реставрация реального конституционализма, и реставрация советских идеологических стереотипов. В свое время, еще в 2000-м, я написал, что наша

постсоветская политическая система сильно напоминает бонапартизм по своей идеологической конструкции, системе ценностей, по тому, как разрешаются вопросы структуры власти, по тому, как трансформируется конституция¹¹. С этим связаны большие отступления в конституционализме. Это эрозия принципов 1993 года, сначала ползучая, без изменения конституции, а с 2008-го уже путем внесения поправок в конституцию. Сейчас, по-видимому, речь идет о системной трансформации конституции и, более того, о системной трансформации идеологии общества. Лейтмотивом официальной доктрины становится призыв к созданию новой национальной идеи, переосмыслению российских традиций с позиций патриотизма, не в последнюю очередь — советского. Этот путь может завершиться соответствующим изменением конституции. Поэтому, мне представляется, что постановка проблемы реставрации очень важна. Важно определить, какой реставрации мы хотим, если считать, что реставрация — это объективное завершение революции.

Возможна ли «Перестройка-2»?

Принципиальный стратегический вопрос, поставленный в книге, — это возможность «Перестройки-2» и перспектива либеральных преобразований (с. 1035). Но Перестройка исторически привязана к определенному периоду. Это период декоммунизации, когда решались другие задачи, — не те, которые стоят сегодня. Кроме того, историческая Перестройка была внутренне противоречива, прежде всего, на уровне содержательных идей. Концепция Перестройки, на мой взгляд, не решила ряда фундаментальных проблем, которые остаются и сегодня. Это проблемы национальной идентичности и формирования гражданской нации; выработки полноценной стратегии федерализма, которой у нас нет, и т. д. И, наконец, это про-

блема ухода от авторитаризма, потому что авторитаризм как раз опирается на нерешенность указанных вопросов. Авторитаризм позиционирует себя как единственную силу, которая способна удержать единство страны в условиях отсутствия всех остальных креплений. Это очень важно. От этого нельзя отмахнуться, если мы хотим разработать полноценную стратегию либеральных реформ.

Но если мы отвергаем концепцию «Перестройки-2», то это не значит, что мы отвергаем идею либеральных преобразований. Напротив, эта идея чрезвычайно актуальна, и именно она ставит в центр политической повестки дня вопрос конституционной реформы. Шейнис предлагает общую концепцию такой реформы, с которой я в принципе согласен. Это историческая концепция, которая присутствовала еще в период Великих реформ Александра II, и заключается она в союзе гражданской инициативы снизу и деятельности главы государства-реформатора сверху (с. 1035–1036). Но данная конструкция содержит потенциальную угрозу авторитаризма, поскольку предполагает значительную самостоятельность лидера. Во всяком случае, те позитивные реформаторы, которых называет автор, — Витте, Столыпин, Горбачев и южнокорейские президенты, — все они были авторитарными лидерами, хотя проводили в жизнь либеральную программу.

Мне приятно констатировать, что автор и я во многом едины в представлениях о масштабах конституционной реформы и методах ее осуществления (с. 115–116). В рецензируемой книге используется проект «Института права и публичной политики», в котором участвовал и я. В проекте предложена своя версия конституционных реформ¹². Суть этой концепции состоит в отказе от радикального пересмотра действующей конституции, так как этот путь, говоря словами Шейниса, «опасен и непредсказуем» (с. 1012). Авторы про-

екта выступают противниками немедленного созыва Учредительного (Конституционного) собрания, которое в современных условиях может привести только к эрозии конституционных ценностей 1990-х. Они исходят из того, что нужна последовательная конституционная реформа, которая предполагала бы в первую очередь трансформацию законодательства, институтов, правоприменительной практики и отмену действия так называемых неформальных практик (во многом антиконституционных). Как видим, ресурс конституционных принципов далеко не исчерпан. Отказываться от них не нужно, особенно в контексте новейших популистских и советско-реставрационных тенденций. Силами, которые способны реализовать такую реформу, могли бы стать гражданское общество, экспертное сообщество и та перспективно мыслящая часть политической элиты, которую можно определить понятием «просвещенная бюрократия».

Конституционный оптимизм versus конституционный пессимизм

И, наконец, последний вопрос, который мне кажется очень важным, — это соотношение пессимизма и оптимизма в отношении перспектив конституционной реформы и вообще политических изменений. Надо сказать, что Шейнис неоднократно называл себя «неисправимым оптимистом». Это стоит отметить, особенно на фоне панических настроений, присущих части либеральной интеллигенции. Я думаю, что в этом историческом оптимизме состоит реальная основа для противодействия различным версиям политической романтики, будь то консервативная или леворадикальная, которые хотят все отбросить, сломать и начать с нуля.

Я нашел в книге три основания для оптимизма. Первое основание, о котором говорит автор, состоит в том, что «бывало и хуже», и это действительно так. Второе основание для оптимизма заключается в том, что в нынешней ситуации трудно действовать, но можно мыслить, разрабатывать конституционные программы и даже предлагать пути их осуществления, что очень важно для консолидации демократических сил. Третье основание я бы сформулировал так, как это сделал Евгений Ясин, который определил современную политическую ситуацию как «дефектную демократию на грани авторитаризма»¹³. Данная формулировка дает основание для пессимизма, поскольку демократия — «дефектная», но и для оптимизма, поскольку это все же демократия.

Здесь наши с Шейнисом точки зрения сходятся, особенно когда мы говорим о мнимом конституционализме, предполагая, что конституционализм существует, но его функционирование сопровождается большим количеством изъятий и деформаций, которые препятствуют его адекватной реализации. Фактически это ситуация неустойчивого равновесия, когда чаша весов склоняется то в ту, то в другую сторону. Результат реформ в конечном счете зависит от того, насколько гражданское общество окажется способно поддержать этот курс. Если выяснится, что реформационная инициатива становится преобладающей, то различные слои бюрократии очень быстро примкнут к реформаторам. Курс либеральных реформ в конечном счете отвечает интересам правящей элиты, поскольку обеспечивает стабильность собственности, власти и положения ее представителей в обществе. ■

АНДРЕЙ МЕДУШЕВСКИЙ

ПРИМЕЧАНИЯ ¹ Power and Legitimacy – Challenges From Russia. L.; N. Y.: Routledge, 2013.

² Основы конституционного строя: Двадцать лет развития. М., 2013.

³ Конституционные проекты в России XVIII – начала XX в. М., 2010.

⁴ Медушевский А.Н. Теория конституционных циклов. М., 2005.

⁵ Выборы во Всероссийское Учредительное собрание в документах и воспоминаниях современников. М., 2009.

⁶ Медушевский А.Н. Перестройка и причины крушения СССР с позиций аналитической истории // Российская история. 2011. № 6. С. 3–30.

⁷ Шейнис В. Взлет и падение парламента: Переломные годы в российской политике (1985–1993). М.: МЦК, 2005. Т. 1–2.

⁸ Подробно см.: Из истории создания Конституции Российской Федерации: Конституционная комиссия: стенограммы, материалы, документы (1990–1993). М., 2007–2010. Т. 1–6.

⁹ См., напр.: *Жозеф де Местр*. Рассуждения о Франции. М., 1997.

¹⁰ Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. М., 2010.

¹¹ Медушевский А.Н. Бонапартистская модель власти для России // Вестник Европы. 2001. № 1.

¹² Конституционные принципы и пути их реализации: Российский контекст / Аналитический доклад. М., 2014.

¹³ Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. М., 2012. С. 804.

АБАШИН СЕРГЕЙ НИКОЛАЕВИЧ — именной профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, доктор исторических наук.

ВЕРХОВСКИЙ АЛЕКСАНДР МАРКОВИЧ — директор Информационно-аналитического центра «СОВА».

ГЕЛЬМАН ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ — профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге и *Finland Distinguished Professor* в Александровском институте Университета Хельсинки (Финляндия), кандидат политических наук.

ГОЛУНОВ СЕРГЕЙ ВАЛЕРЬЕВИЧ — научный сотрудник Тартуского университета (Эстония), доктор политических наук.

ДУБИН БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ — социолог, независимый исследователь.

ЛАРЮЭЛЬ МАРЛЕН — профессор Университета Джорджа Вашингтона (США).

ЛЬВОВСКИЙ СТАНИСЛАВ — поэт, прозаик.

МЕДУШЕВСКИЙ АНДРЕЙ НИКОЛАЕВИЧ — профессор Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики, доктор философских наук.

ПАИН ЭМИЛЬ АБРАМОВИЧ — профессор Национального исследовательского университета — Высшей школы экономики, ведущий научный сотрудник Института социологии РАН, доктор политических наук.

СТАРОДУБРОВСКАЯ ИРИНА ВИКТОРОВНА — руководитель научного направления «Политическая экономия и региональное развитие» Института экономической политики имени Е.Т. Гайдара, кандидат экономических наук.

ШУЛЬМАН ЕКАТЕРИНА МИХАЙЛОВНА — политолог, специалист по проблемам законотворчества, колумнист газеты «Ведомости», кандидат политических наук.

Vol. 18, No 1-2 (62)

COVER STORY

NATIONALISM IN RUSSIA: PUBLIC SENTIMENTS AND STATE POLICY

“Foreign” Nationalisms and “Native” Xenophobias

BORIS DUBIN

The suppression of social dynamics against the backdrop of increasing self-isolation and corruption translates into greater compensatory mechanisms – witch hunts, xenophobia, anti-Western sentiments. This is neither commonly accepted ideology nor state policy; it is not even the post-traumatic reaction to the breakup of the Soviet Union anymore. Above all, this is dissatisfaction with increasing social uncertainty and ineffective government structures, which is based on paternalistic paradigms and egalitarian perceptions of the majority of the population.

Federal Ethnopolitics and the Resurgence of Russian Nationalism

ALEXANDER VERKHOVSKY

The Kremlin may understand the danger of playing the ethnic card any further and hence present some systemic program that counteracts ethnonationalism and ethnic xenophobia. It is only possible if the ruling circles make an effort to reach a working agreement on the practical programs directed at the integration of internal and external migrants, as well as the transition from populist fluctuations on the issue of “regulating migration” to a realistic migration policy.

Xenophobia and Nationalism at the Time of Russian Misery

EMIL PAIN

Can civic nationalism develop in Russia? Russia has never had a nation state built around popular sovereignty. In theory, the concept of nation building may be no less attractive to the Russians than it had been for the citizens of the Eastern European and Baltic countries.

However, the citizens of these countries associated the empire that their national state attempted to break free from with the external enemy, while for Russia this empire is internal. Will the Russians be able to squeeze the empire out of themselves?

Russian Nationalism as a Subject of Scientific Research

MARLENE LARUELLE

Until now, the tacit ideas have been couched in patriotic rhetoric, which allows for promoting common social values and practices, as well as cultivating the collective memory, whose key elements are the Soviet culture and World War II. But the quest to develop the concept of patriotism opens Pandora’s Box, unleashing nationalism and triggering the chain reaction of interaction between the “Russian nationalism” and different varieties of “non-Russian nationalism”.

Ethnic Migration and Crime

SERGEY GOLUNOV

The distinct Russian conditions somewhat limit the application of concepts and recommendations offered by Western analysts vis-à-vis Russia. Most of the Western research focuses on the ethnic neighborhoods in large Russian cities, while such neighborhoods have not yet become commonplace in Russia. Besides, internal ethnic migration plays a significant role for Russia. The criminal component of conflicts in smaller localities also presents an especially serious problem.

Migration Flows from Central Asia to Russia as Part of the New World Order

SERGEY ABASHIN

The scale, distance and frequency of movement are increasing across the entire post-Soviet space and the world at large. In addition, there is clearly a link between mobility and the

modern phase of capitalist development, which is sometimes referred to as globalization, post-industrialism, or post-modernity. The Central Asian case appears in somewhat of a different light from this vantage point; it is not simply a reflection on the ruinous state of affairs in the newly independent countries.

ARTICLES

The transformation of the North Caucasus

IRINA STARODUBROVSKAYA

The North Caucasus is a focal point for massive problems, deep-seated conflicts, and large-scale difficulties. But these are not the problems and conflicts that are lodged in the public consciousness and the perceptions of the decision-makers. And if the diagnosis is wrong, the treatment can hardly be right. Therefore, one should not be surprised by the fact that the approaches used to improve the situation in the North Caucasus do not work. New approaches that take the real facts on the ground into account have to be formulated.

The Complicated Revival of the Russian Opposition

VLADIMIR GELMAN

After the Communist collapse, Russia failed to take advantage of the new

window of opportunities for the country's democratization. It seemed that the ruling groups have managed to board up this window quite solidly in the two decades of authoritarianism-building in Russia. However, the 2011–2012 protest wave allowed the opposition to open the window of opportunities just a crack. The demand for change in Russia may grow with time, giving new chances to the opposition, but there is no guarantee that the opposition will use them successfully.

Surrogate Parliamentarianism

YEKATERINA SHULMAN

Only one state institution actually has legislative powers – the legislature itself. It is a unique entity capable of translating a legislative innovation into a binding legal instrument. However, in Russia its political powers are limited – both in terms of its internal workings and its formation and interaction with the other branches of government. This limitation cannot be compensated for by the creation of additional entities which imitate what the parliament is supposed to do while actually lacking its powers.

Book Reviews

Our Authors

